

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**К 100-ЛЕТИЮ
ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ БССР**

Материалы республиканской
научно-практической конференции
(Минск, 18 января 2019 г.)

Минск
Академия МВД
2020

УДК 947.6«1920/2020»
ББК 63.3(4Бел)6
К11

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент *В.И. Павлов* (председатель);
кандидат исторических наук, доцент *А.И. Мурашко* (заместитель председателя);
кандидат исторических наук, доцент *С.А. Семенова* (ответственный секретарь)

К 100-летию провозглашения БССР : материалы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 18 янв. 2019 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: В.И. Павлов (пред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2020. – 135, [1] с.
ISBN 978-985-576-239-4.

Сборник включает доклады, подготовленные участниками республиканской научно-практической конференции «К 100-летию провозглашения БССР», организованной кафедрой теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь (Минск, 18 января 2019 г.).

Предназначен для специалистов в области истории государства и права, фундаментальных и отраслевых юридических дисциплин, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (курсантов) учреждений высшего образования юридического профиля, а также всех интересующихся проблемами теории и истории государства и права.

УДК 947.6«1920/2020»
ББК 63.3(4Бел)6

ISBN 978-985-576-239-4 © УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2020

ФОРМИРОВАНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА СОВЕТСКОЙ ОСНОВЕ

УДК 321(476)(091)

А.С. Жмуровский

СТАНОВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА СОВЕТСКОЙ ОСНОВЕ (1917–1922 гг.)

В ходе Октябрьской революции на той части белорусских земель, которые не были оккупированы немецкими войсками, провозглашается Советская власть. Территория эта включала Минскую, Могилевскую, Витебскую и часть Виленской губернии и была объединена в Западную область, став административно-территориальной единицей РСФСР.

Внутреннее и внешнее положение Советской Республики изменилось в ноябре 1918 г. после окончания Первой мировой войны. В Германии была совершена буржуазно-демократическая революция и провозглашена республика [1, с. 113].

Брест-Литовский мирный договор 13 ноября 1918 г. ВЦИК РСФСР был аннулирован. 10 декабря Красная Армия вступила в Минск, восстановив здесь Советскую власть. Большое внимание вопросу о национально-государственном строительстве, создании белорусской государственности на советской основе уделяли ЦК РКП(б) и В.И. Ленин. 24 декабря 1918 г. пленум ЦК РКП(б) принял постановление о провозглашении Советской Социалистической Республики Белоруссии.

30 декабря в Смоленске, который являлся тогда административным центром бывшей Западной области РСФСР, открылась Северо-Западная областная конференция РКП(б), провозглашая себя съездом КП(б)Б. Была принята резолюция о Белорусской Советской Республике в составе Минской, Могилевской, Витебской, Гродненской и Смоленской губерний. 31 декабря было сформировано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство во главе с Д.Ф. Жилуновичем, которое 1 января 1919 г. обнародовало Манифест о суверенитете Советской Социалистической Республики Белоруссии (ССРБ) и декларировал о полном освобождении белорусского народа от социального и национального угнетения [5, с. 116].

5 января 1919 г. правительство Советской Белоруссии и ЦК КП(б)Б переехали из Смоленска в Минск, где в феврале 1919 г. состоялся Все-

белорусский съезд Советов, на котором председатель ВЦИК РСФСР Я.М. Свердлов зачитал постановление Президиума ВЦИК о признании независимости ССРБ. Съезд принял первую Конституцию нового государства, утвердил герб и флаг республики, избрал ЦИК во главе с председателем А.Ф. Мясниковым. Съезд определил территорию Белорусской ССР в границах Минской и Гродненской губерний. Витебская, Могилевская и Смоленская губернии остались в составе РСФСР [2, с. 76].

Для объединения революционных сил в целях борьбы с иностранной и внутренней контрреволюцией Всебелорусский съезд Советов и съезд Советов Литвы приняли решение создать Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую Республику. 27 февраля 1919 г. в Вильно на совместном заседании ЦИК республик был образован ЦИК ЛитБел ССР, который возглавил К.Т. Циховской, и СНК ЛитБел ССР во главе с В.С. Мицкявичюсом-Капсукасом. В марте была образована единая компартия большевиков Литвы и Белоруссии, как часть РКП(б). Место пребывания правительства – Вильно.

По существу, ССРБ всего через месяц после провозглашения своего суверенитета лишалась его, не сохранив даже прав на автономию [3, с. 312].

Основной причиной политических изменений стала сложная «международная конъюнктура» как для Советской России в целом, так и для пограничных советских республик – Литвы и Белоруссии. В декабре 1918 г. руководитель Польши Ю. Пилсудский открыто заявил, что новое польское государство будет формироваться в границах Речи Посполитой 1772 г. Это означало, что в его состав войдут белорусские и литовские земли. Такие заявления не могли не вызвать тревоги. ЦИК Белорусской республики предложил правительству Пилсудского мирные переговоры, однако поляки отказались их вести. Той же позиции придерживались они и в отношении Советской Литвы. Одновременно ими были обнародованы претензии на территории названных республик, включая города Вильно и Минск.

8 апреля 1919 г. ЦИК объявил в ЛитБел ССР военное положение и создал 19 апреля Совет Оборона под председательством В.С. Мицкявичюса-Капсукаса. После ожесточенных боев польские войска 21 апреля заняли Вильно и руководство ЛитБел СССР (Совет Оборона и правительство) переехало в Минск. Для укрепления Западного фронта ЦК РКП(б) направил сюда видных большевиков – И.В. Сталина, Г.К. Орджоникидзе, Р.И. Берзина. Прорвав фронт, в конце июля 1919 г. поляки подошли к Минску и 8 августа захватили город. Польское руководство ставило целью максимально расширить территорию Польши за счет оккупации белорусских, украинских и литовских земель. Однако Западный фронт до

весны 1920 г. был стабилизирован по реке Березина. Мирная передышка дала возможность уделить дополнительное внимание его укреплению.

Об этом писал В.И. Ленин в директиве от 27 февраля 1920 г. «...все внимание направить на подготовку, усиление Запфронта». Соответствующее постановление приняло Политбюро ЦК РКП(б) 17 апреля 1920 г. Фронт получил пополнение в личном составе, оружии, боеприпасах, продовольствии.

Правительство Польши в очередной раз отклонило предложение РСФСР на установление границы даже значительно восточнее, чем определялось Версальским мирным договором. Весной 1920 г. польские войска продолжили военные действия на Полесье и в Украине. Тогда 14 мая 1920 г. Западный фронт под командованием М.Н. Тухачевского перешел в наступление в направлении Минска. Однако из-за нехватки сил и краткого срока подготовки оно не удалось.

После дополнительного серьезного реформирования ударная группировка войск фронта начала 4 июля новое наступление. 11 июля был освобожден Минск, 14 июля – Вильно, 19 июля – Гродно. К началу августа 1920 г. войска Западного фронта освободили всю территорию Белоруссии [3, с. 445]. Положение буржуазной Польши стало критическим. Более того, 30 июля в Белостоке был образован Польский революционный комитет. Возглавил его Ю. Мархлевский.

На освобожденной территории Белоруссии была восстановлена Советская власть. 31 июля 1920 г. на совместном заседании Минского губернского ВРК и ЦК РКП(б) ЛитБел принимается Декларация о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии. Республика восстанавливается на началах, определенных 1 января 1919 г. Манифестом Временного рабоче-крестьянского Советского правительства Белоруссии [4, с. 27].

Продолжая наступление, Красная Армия в августе 1920 г. подошла к Варшаве, однако, не имея подкрепления, оторванная от своих баз обеспечения, после контрнаступления поляков вынуждена была отходить на Восток. 12 октября 1920 г. противоборствующие стороны подписали в Риге договор о перемирии, а 18 марта 1921 г. – Рижский мирный договор, который закрепил раздел белорусских земель между РСФСР и Польшей. К Польше отошла территория в 108 тыс. км² с населением более 4 млн человек. Витебская, Гомельская и западные уезды Смоленской губернии оказались под юрисдикцией РСФСР. В составе ССРБ осталось шесть уездов Минской губернии.

Только с 1922 г. Белоруссия получила возможность начать восстановление своего народного хозяйства. По итогам Рижского договора ССРБ состояла из уездов бывшей Минской губернии, разрушенных империали-

стической и гражданской войнами, различными оккупациями и внутренними вооруженными конфликтами. После укрупнения 1924 г. территория республики охватывала 24 уезда Витебской, Могилевской и Минской губерний. Она экономически окрепла и получила возможность культурного и экономического строительства. Постановлением Президиума ВЦИК от 6 декабря 1926 г. к БССР присоединились Гомельский и Речицкий уезды бывшей Гомельской губернии и г. Гомель.

В составе Западной Белоруссии, к Польше на основании Рижского договора, отошли земли Гродненской и большая часть Виленской губернии. Эти земли СССР вернул в 1939 г.

Список использованных источников

1. Соловьев, А.А. Съезды и конференции КПСС : справочник / А.А. Соловьев. – М. : Политиздат, 1986. – 335 с.
2. История Беларуси : вучэб. дапам. – Мінск : НКФ «Экаперспектыва», 1994. – 208 с.
3. Новик, Е.К. История Беларуси с древнейших времен до 2010 г. / И.Л. Кочанов, Е.К. Новик. – Минск : Выш. шк., 2011. – 526 с.
4. Чигринов, П.Г. История Беларуси с древности до наших дней : учеб. пособие / П.Г. Чигринов. – Минск : Кн. дом, 2004. – 670 с.
5. История Беларуси : сл.-справ. / под ред. С.Ф. Дубенецкого. – Минск : Экономпресс, 2000. – 320 с.

УДК 3(09)(476)

А.В. Вениосов

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ БЕЛАРУСИ КАК РЕЗУЛЬТАТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ОКТЯБРЕ 1917 г.

Российская империя на протяжении нескольких веков формировалась как многонациональное государство. Не имея выхода к морю, страна расширялась за счет соседних народов, которые часто находились на более низкой ступени развития. Это расширение далеко не всегда происходило мирным путем. Вспомним Кавказскую войну, которая продолжалась более 50 лет, разделы Речи Посполитой, в результате которых белорусские земли вошли в состав Российской империи. Практически каждый русский монарх присоединял к Российской империи новые земли. Благодаря такой политике к октябрю 1917 г. Россия являлась огромным многонациональным государством, в котором проживало более 100 на-

ций и народностей. До Октябрьской революции национальный вопрос в Российской империи решался весьма своеобразно. Все народы, проживающие в ней, распределялись по вероисповеданию, при этом ущемления представителей других религиозных конфессий, за исключением иудейской, не производились. Здесь необходимо отметить, что переход представителя любой конфессии, в том числе и иудейской, в православие причислял его к великорусскому народу. Такая национальная политика обеспечивала России более менее спокойное сосуществование такого огромного количества наций и народностей, входивших в нее.

Начало XX в. в России ознаменовалось серьезными революционными потрясениями. Стали возникать партии, претендовавшие на власть. Одной из таких партий являлась партия большевиков, созданная в 1903 г., которую возглавлял В.И. Ленин. Именно эта партия определила историческую судьбу России в XX в. Разрабатывая свою программу, большевики не могли обойти стороной национальный вопрос. В.И. Ленин до октября 1917 г. выступал за создание унитарной демократической республики. Другими словами, создание федерации в условиях России большевики считали нецелесообразным. В первой программе РСДРП провозглашалось право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Для тех народов, которые после революции не пожелают отделяться от России, была предусмотрена широкая национально-территориальная автономия.

Пересматривая весной и летом 1917 г. старую партийную программу, В.И. Ленин в речи по национальному вопросу на VII Апрельской партийной конференции подчеркивал, что только при условии победы социалистической революции «угнетенные народы не пожелают отделяться и на основе полного доверия вступят на путь братского союза с русским народом». Он считал, что великороссы обязаны предоставить «всем народам без изъятия решить вполне свободно, хотят ли они жить в отдельном государстве или в союзном». Идею создания союза свободных республик народов России он развивал также в речи на I Всероссийском съезде Советов. Этот союз мыслился им как государственно-правовое объединение народов России в едином государстве, причем это объединение должно было, по мнению В.И. Ленина, создаваться не насилием, а исключительно добровольным соглашением на создание общего государства.

Таким образом, национальный вопрос, наряду с рабочим и крестьянскими вопросами, был поставлен большевиками в ходе проведения populistской пропаганды накануне взятия власти. Основная цель такой политики – привлечь на свою сторону население окраин Российской империи.

Нужно отдать должное большевикам, которые, придя к власти в октябре 1917 г., подтвердили все свои программные установки. В написанном В.И. Лениным обращении II Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов «Рабочим, солдатам и крестьянам» нашли свое отражение все проблемы российского государства, которые поднимали большевики накануне революции. В части национального вопроса в нем подчеркивалось, что Советское правительство «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение». Национальный вопрос большевикам пришлось решать несколько позже. 2 ноября 1917 г. СНК РСФСР принимает Декларацию прав народов России. В этой декларации провозглашались принципы национальной политики Советской власти: равенство и суверенность народов России; их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих Россию.

Советская историография очень хвалебно характеризовала эту декларацию как мудрое разрешение сложнейшей национальной проблемы России. О ее несвоевременности и малоэффективности никто не смел заявить. Однако по поводу принятия данного документа среди сторонников В.И. Ленина не было единства. Дело в том, что народы, населявшие Россию, были весьма неоднородны. Другими словами, некоторые народы, входившие в состав России, еще находились на стадии образования наций. Отдельные народы Крайнего Севера и Дальнего Востока оставались на стадии первобытнообщинного, родового строя. Царили безграмотность и бескультурие. Если число грамотных в Центральной России достигало 32 %, то в Украине – 16–18 %, а в Средней Азии грамотных почти не было. В таких условиях осознание себя нацией у многих народов России еще не проявилось. Кроме того, за время существования многонационального государства русское население России перемешалось с коренными народами и составляли в некоторых из них единственную грамотную прослойку. Однако, несмотря на это обстоятельство, после принятия вышеназванной декларации в России наступил «парад суверенитетов». О своей независимости стали заявлять не только различные народы, но и губернии. Так, в декабре 1917 г. о своей независимости объявили Финляндия, Украина, Латвия и Эстония, а в 1918 г. начали образовываться многочисленные автономные республики на Юге России, Северном Кавказе, в Крыму, Поволжье и на Урале. В этой связи может показаться, что В.И. Ленин в целях сохранения власти готов был дать независимость всем окраинам России. Однако, ана-

лизируя действия большевиков по практической реализации этой декларации, можно сделать противоположные выводы.

Еще на II Съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в октябре 1917 г. был создан Наркомат по делам национальностей во главе с И.В. Сталиным. В составе этого Наркомата создавались национальные комиссариаты и отделы. С ноября 1917 по 1918 г. были образованы еврейский, мусульманский, белорусский, польский и целый ряд других национальных комиссариатов и отделов. Именно они должны были способствовать установлению Советской власти в своих национальных образованиях. Стоит отметить, что эти комиссариаты работали в тесном контакте с национальными секциями при ЦК РСДРП(б). Из всего этого следует, что большевики, дав свободу всем народам России, не оставляли надежды на воссоединение этих народов в единое государство, но уже на принципе добровольности и под своим руководством. В связи с этим нас интересует вопрос о самоопределении белорусского народа. В отличие от Украины процесс формирования государственности на белорусских землях несколько затянулся. Это было связано с тем, что на территории Белоруссии велись активные боевые действия в период Первой мировой войны. По ее территории проходила линия Западного фронта – главного фронта, прикрывавшего подступы к центру страны. Здесь разместили прифронтовые промышленные предприятия, на которых были заняты рабочие, перемещенные с промышленных центров России. Здесь находилась и ставка Верховного главнокомандующего и было сосредоточено большое количество солдат, где было очень сильное большевицкое ядро. Большевикам удалось завоевать большинство голосов и в Минском Совете, который взял власть в свои руки 25 октября 1917 г. При нем был создан во главе с А.Ф. Мясниковым Военно-революционный комитет Западной области и фронта (Военревкомзап), который стал высшим органом власти на территории Белоруссии и Западном фронте. По мере установления Советской власти в остальных белорусских губерниях во второй половине ноября 1917 г. в Минске был создан единый Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта. Был также образован Областной исполнительный комитет. Как свидетельствуют исторические факты, в названиях высших органов власти не указывается на их национальный характер. Белорусские губернии бывшей царской России вошли в состав РСФСР как административно-территориальная единица Западная область. Как следствие, принятая 2 ноября 1917 г. Декларация прав народов России здесь не являлась актуальной. В дальнейшем почти вся территория Белоруссии подверглась немецкой оккупации. Именно в этот период провозглашением 25 марта

1918 г. Белорусской народной республики (БНР) положено начало белорусской государственности. Главное значение этого события заключалось в том, что впервые было заявлено о самоидентичности белорусов. Не случайно после освобождения белорусских земель от немецких оккупантов в декабре 1918 г. VI Северо-Западная конференция ЦК РКП(б) провозгласила себя I Съездом Компартии большевиков Белоруссии. 1 января 1919 г. именно этот съезд и принял решение о создании Советской Социалистической Республики Белоруссии (ССРБ). Был опубликован Манифест о провозглашении ССРБ, в котором объявлялась вне закона Белорусская Рада и ее «народные министры». Это говорит о том, что образование БНР, несмотря на очень спорный характер на предмет государственности, вызывало у большевиков определенные опасения. Таким образом, уже и большевики осознали тот факт, что белорусский народ имеет право на самоуправление. 31 января 1919 г. РСФСР признает независимость ССРБ. I Всебелорусский съезд Советов, проходивший в начале февраля 1919 г., принимает первую Конституцию молодого белорусского государства.

Таким образом, Беларусь получила независимость благодаря национальной политике большевиков. Процесс обретения независимости имел свои особенности, на которые сильное влияние оказывали внутренние и внешние обстоятельства.

УДК 34(09)(476)

С.Ф. Лапановіч

АДМІНІСТРАЦЫЙНА-ТЭРЫТАРЫЯЛЬНЫ ПАДЗЕЛ САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ Ё 1919–1939 ГГ.

Пад адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзелам (адміністрацыйна-тэрытарыяльным уладкаваннем) разумеюць сістэму тэрытарыяльнай арганізацыі дзяржавы, ці падзел тэрыторыі дзяржавы на пэўныя часткі, у адпаведнасці з якімі ўтвараюцца і функцыянуюць органы дзяржаўнай улады і кіравання. За перыяд свайго існавання тэрыторыя і межы беларускай савецкай дзяржавы неаднаразова мяняліся, што выклікала і змены адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу.

Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі і перамогі партыі бальшавікоў пэўны час на тэрыторыі былой Расійскай імперыі часткова захоўваўся дарэвалюцыйны адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел на губерні, паветы і воласці, які не задавальняў бальшавікоў. У праграмным звароце НКУС Савецкай Расіі да Саветаў рабочых, салдацкіх, сялянскіх

і батрацкіх дэпутатаў «Аб арганізацыі мясцовага самакіравання» ад 24 снежня 1917 г. была пастаўлена задача пераразмеркаваць адміністрацыйныя функцыі паміж «асобнымі пунктамі губерняў і паветаў», паколькі «многія губернскія і павятовыя цэнтры захоўваюць дагэтуль сваё значэнне выключна як цэнтры адміністрацыйныя, тады як цэнтрамі прамысловага і гандлёвага жыцця з'яўляюцца іншыя пункты тых жа губерняў і паветаў» [1, с. 95].

Упершыню пытанні аб межах будучай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі (ССРБ) вырашаліся ў Маскве кіраўніцтвам Усерасійскай Камуністычнай партыі бальшавікоў (УКП(б)) у снежні 1918 г. Як адзначае беларускі даследчык С.А. Елізараў, контуры будучай рэспублікі мяняліся штодня. Выконваючы рашэнні кіраўніцтва УКП(б), VI Паўночна-Заходняя канферэнцыя РКП(б) 30 снежня 1918 г. у рэзалюцыі «Аб абвешчэнні Заходняй Камуны Беларускай Савецкай Рэспублікай» вызначыла тэрыторыю дзяржавы ў складзе Мінскай, Гродзенскай, Магілёўскай, Віцебскай і Смаленскай губерняў [2, с. 25–26].

На I з'ездзе КП(б)Б бальшавікі Беларусі прапанавалі ранейшы падзел «губерня – павет – воласць» замяніць сістэмай «раён – падрэён – воласць», усяго меркавалася ўтварыць 7 раёнаў (Мінскі, Смаленскі, Віцебскі, Магілёўскі, Гомельскі, Гродзенскі і Баранавіцкі) і 54 падрэёны [2, с. 28–29]. Гэтыя планы не былі рэалізаваны – рашэннем ЦК РКП(б) ад 16 студзеня 1919 г. адбылося скарачэнне тэрыторыі беларускай савецкай дзяржавы шляхам перадачы ў склад РСФСР Смаленскай, Віцебскай і Магілёўскай губерняў і аб'яднанне з Савецкай Літвой астатняй часткі ССРБ [3, с. 88]. Такія кардынальныя змены межаў рэспублікі сталі адной з прычын таго, што ў першай Канстытуцыі ССРБ 1919 г. і дапаўненнях да яе 1920 г. адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел дзяржавы ўвогуле не быў вызначаны [4]. За кароткі час існавання аб'яднанай ЛітБел ССР як адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка захавалася толькі Мінская губерня, а рэальна дзейнічала сістэма «павет – воласць – сельсавет» [2, с. 35].

У 1919 г. у сувязі з пачаткам польска-савецкай вайны амаль уся тэрыторыя Беларусі была занята польскімі войскамі, а ЛітБел ССР фактычна спыніла існаванне. У 1920 г. Чырвоная Армія здзейсніла паспяховае наступленне, што мела вынікам вызваленне тэрыторыі Беларусі і дазволіла 31 ліпеня 1920 г. прыняць Дэкларацыю аб абвешчэнні Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі Беларусь (другое абвешчэнне ССРБ). На вызваленай тэрыторыі ствараюцца надзвычайныя органы ўлады – рэвалюцыйныя камітэты (рэўкамы), якія дзейнічаюць на губернскім, павятовым і валасным узроўнях. У жніўні-верасні 1920 г. афіцыйна ў

склад ССРБ уваходзіла 18 паведаў: Барысаўскі, Бабруйскі, Баранавіцкі, Вілейскі, Дзісенскі, Ігуменскі, Мінскі, Мазырскі, Навагрудскі, Пінскі, Слуцкі, Ваўкавыскі, Пружанскі, Слоні́мскі, Брэ́ст-Літоўскі, Саколскі, Нясвіжскі і Кобрынскі. Як падкрэслівае С.А. Елізараў, свае ўладныя паўнамоцтвы Рэўкам ССРБ распаўсюджваў таксама на Гродзенскі, Лідскі і Ашмянскі паветы (якія афіцыйна ўваходзілі ў склад Літвы) [2, с. 41].

Вынікам польска-савецкай вайны стала Рыжская мірная дамова 1921 г., па якой тэрыторыя ССРБ была падзелена і заходняя частка Беларусі адышла да Польшчы. У 1921–1924 гг. тэрыторыя ССРБ уключала толькі 6 паведаў: Бабруйскі, Барысаўскі, Ігуменскі, Мінскі, Мазырскі і Слуцкі. У наступныя гады беларускае партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва бярэ курс на пашырэнне тэрыторыі дзяржавы. У 1924 і 1926 гг. адбылося ўзбуйненне тэрыторыі рэспублікі: у яе склад былі ўключаны часткі Віцебскай (з г. Віцебскам), Смаленскай (з г. Оршай) і Гомельскай (з г. Гомелем) губерняў.

Узбуйненне актывізавала адміністрацыйна-тэрытарыяльную рэформу, практы якой распрацоўваліся на працягу некалькіх гадоў, аднак раней па шэрагу прычын не маглі быць рэалізаваны. У разгледзе магчымых варыянтаў адміністрацыйнага раздзялення розных тэрыторый бальшавікі перш за ўсё імкнуліся ўлічваць эканамічныя фактары, таму вельмі папулярнымі сярод іх былі практы эканамічнага раянавання.

У выніку адміністрацыйна-тэрытарыяльнай рэформы замест былых 15 паведаў, 227 валасцей і 3 405 сельсаветаў тэрыторыя рэспублікі была падзелена на 10 акруг – Бабруйскую, Барысаўскую, Віцебскую, Калінінскую, Мінскую, Магілёўскую, Мазырскую, Аршанскую, Полацкую і Слуцкую. Гэтыя акругі, у сваю чаргу, падзяляліся на 100 раёнаў і 1 202 сельсаветы. Канчаткова новая адміністрацыйна-тэрытарыяльная сістэма была аформлена пастановай ЦВК і СНК БССР ад 2 студзеня 1925 г. [2, с. 80–81]. У час другога ўзбуйнення (1926 г.), пасля далучэння да ССРБ часткі былой Гомельскай губерні, Гомельскі і Рэчыцкі паветы аўтаматычна, без удакладнення і змянення адміністрацыйных межаў, былі названы акругамі, а іх воласці – раёнамі. Такім чынам, колькасць акруг павялічылася да 12.

Як адзначае С.А. Елізараў, неабходнасць далейшай рэарганізацыі адміністрацыйна-тэрытарыяльнага дзялення ў значнай меры дыктавалася задачамі, якія былі вызначаны індустрыялізацыяй і вострым дэфіцытам сродкаў на яе ажыццяўленне, – адным з вядучых палітыка-эканамічных прыярытэтаў стала жорсткая эканомія, у тым ліку і шляхам скарачэння расходаў на ўтрыманне адміністрацыйнага апарату. Партый-

нае кіраўніцтва загадала «ў мэтах скарачэння расходаў па ўтрыманню акруг» ліквідаваць 4 акругі і адначасова ўзбуйніць найбольш дробныя раёны. У чэрвені 1927 г. пастановай ЦВК і СНК БССР «Аб размеркаванні тэрыторый Барысаўскай, Слуцкай, Калінінскай і Рэчыцкай акруг паміж іншымі акругамі БССР» гэта рашэнне было выканана. У выніку адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу БССР у 1927 г. уключала 8 акруг: Бабруйскую, Віцебскую, Гомельскую, Мінскую, Магілёўскую, Мазырскую, Аршанскую і Полацкую, 101 раён і 1 479 сельсаветаў [2, с. 88, 92].

Адзначым, што ў 1927 г. была прынята Канстытуцыя БССР, у якой адсутнічаюць артыкулы, прысвечаныя адміністрацыйна-тэрытарыяльнаму падзелу БССР [5].

У канцы 1920-х гг. партыйнае кіраўніцтва ССРП пераходзіць ад новай эканамічнай палітыкі да палітыкі фарсіраванай пабудовы сацыялізму. Гэта мела вынікам жорсткую цэнтралізацыю і перабудову апарата кіравання, якія павінны былі забяспечыць індустрыялізацыю і калектывізацыю любымі сродкамі. Фактычна, з пачатку 1930-х гг. назіраецца адыход ад прынцыпаў эканамічнага раянавання 1920-х гг. на карысць адміністрацыйна-палітычнага раянавання.

Зноў узніклі пытанні найбольш эфектыўнага адміністрацыйнага дзялення, і самым слабым звяном у існуючай сістэме былі вызначаны акругі. У ліпені 1930 г. ЦК УКП(б) прыняў пастанову «Аб ліквідацыі акруг», паколькі: «Ва ўсёй працы па ліквідацыі акруг неабходна зыходзіць з асноўнай задачы – максімальнага набліжэння партыйнага, савецкага, гаспадарча-кааператыўнага і прафсаюзнага апарата да раёна і вёскі». У БССР паралельна з ліквідацыяй акруг адбываўся працэс скарачэння колькасці раёнаў – у 1934 г. іх стала 72. Як адзначае С.А. Елізараў, пасля ліквідацыі акруговага звяна і ўзбуйнення шэрагу раёнаў выдавочным сталі вельмі вялікія памеры адміністрацыйных раёнаў, якімі ва ўмовах узмацнення жорсткасці цэнтралізаванага кіраўніцтва стала цяжэй кіраваць. Магчыма таму ў 1935 г. ствараюцца (а на самой справе ўзнаўляюцца) 15 раёнаў. Паколькі ліквідацыя акруг прывяла да скасавання сярэдняга звяна сістэмы адміністрацыйна-тэрытарыяльнага дзялення, што мела вынікам ускладненне працэсу кіраўніцтва раёнамі, было прынята рашэнне аб частковым аднаўленні акруговай сістэмы. Былі створаны 4 акругі: Мазырская, Слуцкая, Лепельская і Полацкая. Прычым не менш важным, чым эканамічны, быў фактар абарончы, на выпадак магчымай агрэсіі з боку заходніх капіталістычных дзяржаў [2, с. 102, 109, 122].

У 1937 г. прынята Канстытуцыя БССР, у якой у II раздзеле «Дзяржаўнае ўладкаванне» ўпершыню было замацавана адміністрацыйна-тэрыта-

рыяльнае ўладкаванне беларускай савецкай дзяржавы. Артыкул 14 сцвярджае, што Беларуска Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка складаецца:

з акруг: Лепельскай у складзе Бягомльскага, Лепельскага, Ушацкага, Чашніцкага раёнаў; Мазырскі у складзе Даманавіцкага, Ельскага, Жыткавіцкага, Капаткевіцкага, Лельчыцкага, Мазырскага, Нараўлянскага, Петрыкаўскага, Тураўскага раёнаў; Полацкай у складзе Асвейскага, Ветрынскага, Дрысенскага, Полацкага, Расонскага раёнаў; Слуцкай у складзе Грэскага, Капыльскага, Любанскага, Слуцкага, Старобінскага і Чырвонаслабодскага раёнаў;

і раёнаў: Бабруйскага, Багушэўскага, Барысаўскага, Бешанковіцкага, Брагінскага, Буда-Кашалёўскага, Быхаўскага, Бялыніцкага, Бярэзінскага, Веткаўскага, Віцебскага, Гарадоцкага, Глускага, Гомельскага, Гарэцкага, Дзяржынскага, Добрушскага, Дрыбінскага, Дубровенскага, Жлобінскага, Журавіцкага, Заслаўскага, Камарынскага, Кармянскага, Касцюковіцкага, Кіраўскага, Клімавіцкага, Клічаўскага, Чырвонапольскага, Круглянскага, Крупскага, Крычаўскага, Лагойскага, Лёзненскага, Лоеўскага, Мехаўскага, Мінскага, Магілёўскага, Мсціслаўскага, Аршанскага, Асіповіцкага, Парыцкага, Плешчаніцкага, Прапойскага, Пухавіцкага, Рэчыцкага, Рагачоўскага, Свяцілавіцкага, Сенненскага, Сірацінскага, Смілавіцкага, Смалявіцкага, Старадарожскага, Суражскага, Церахоўскага, Талачынскага, Уваравіцкага, Уздзенскага, Хойніцкага, Халопеніцкага, Хоцімскага, Чавускага, Чэрвеньскага, Чэрыкаўскага, Чачэрскага, Шклоўскага;

і гарадоў, якія не ўваходзяць у склад раёнаў: Мінска, Віцебска, Гомеля, Магілёва [6].

Атрымаўся складаны і нязручны для кіравання адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел. Пагадзімся з даследчыкам С.А. Елізаравым, што логіка адміністрацыйна-каманднай сістэмы патрабавала аднаўлення прамежкавага кіраўнічага звяна паміж рэспубліканскімі органамі і раёнамі, таму пачалася падрыхтоўка да стварэння абласнога звяна адміністрацыйна-тэрытарыяльнага ўладкавання.

Пачалася распрацоўка розных праектаў абласнога дзялення, вынікі якіх былі разгледжаны Адміністрацыйна-тэрытарыяльнай камісіяй пад кіраўніцтвам члена Прэзідыума ЦВК БССР Е.К. Марусевіча. Рашэннем першай сесіі Вярхоўнага Савета СССР ад 15 студзеня 1938 г. у БССР уводзілася абласное дзяленне і былі створаны 5 абласцей: Віцебская, Гомельская, Мінская, Магілёўская і Палеская. Далей пастановай Прэзідыума ЦВК БССР ад 20 лютага 1938 г. быў аформлены параённы склад гэтых абласцей: Мінская і Віцебская вобласці падзяляліся на 20 раёнаў, Магілёўская – 21 раён, Гомельская – 14 раёнаў, Палеская – 15 раёнаў.

На першай сесіі Вярхоўнага Савета БССР у ліпені 1938 г. у Канстытуцыю БССР былі ўнесены змены: артыкул 14 у новай рэдакцыі замацаваў, што БССР складаецца з 5 абласцей [2, с. 123, 124].

Восенню 1939 г. адбылося аб'яднанне Заходняй Беларусі і БССР. На тэрыторыі Заходняй Беларусі было створана 6 абласцей: Баранавіцкая, Беластоцкая, Брэсцкая, Вілейская і Пінская.

Такім чынам, у міжваенны перыяд тэрытарыяльна-адміністрацыйны падзел БССР змяняўся як у залежнасці ад змен знешніх межаў дзяржавы, так і па прычынах розных поглядаў кіруючай партыі бальшавікоў на гэту праблему. У першай палове 1920-х гг. на тэрыторыі Беларусі захоўваўся падзел на губерні і паветы. У выніку адміністрацыйна-тэрытарыяльнай рэформы 1924 г. тэрыторыя рэспублікі была падзелена на 10 акруг, 100 раёнаў і 1 202 сельсаветы. У пачатку 1930-х гг. адбываецца ліквідацыя акруг як сярэдняга звяна сістэмы адміністрацыйна-тэрытарыяльнага дзялення, усталёўваецца сістэма: раён – сельсавет. У сярэдзіне 1930-х гг. аднаўляецца шэраг акруг, і тэрытарыяльна-адміністрацыйны падзел згодна з Канстытуцыяй 1937 г. складаецца з такіх адзінкі, як: акругі з уключанымі ў іх склад раёнамі; асобныя самастойныя раёны; гарады, якія не ўваходзілі ў склад раёнаў. У 1938 г. быў усталяваны новы падзел дзяржавы – на вобласці і раёны, які пасля пэўных тэрытарыяльных змен захоўваецца і па сёння.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. История Советской конституции (в документах) 1917–1956 гг. / сост.: А.А. Липатов [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1957. – 1046 с.
2. Елизаров, С.А. Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919–1991 гг.) / С.А. Елизаров. – Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. – 222 с.
3. Круталевич, В.А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.) / В.А. Круталевич. – Минск, 1999. – 385 с.
4. Конституция 1919 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyunaie-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1919-goda>. – Дата доступа: 05.01.2019.
5. Конституция 1927 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyunaie-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda>. – Дата доступа: 05.01.2019.
6. Конституция 1937 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyunaie-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1937-goda>. – Дата доступа: 05.01.2019.

ПОЛИТИКА ГЕНОЦИДА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

В 2019 г. исполняется 75 лет со дня освобождения территории Советской Белоруссии от немецко-фашистских оккупантов и 74 года Великой Победы. Даты знаменательные для нашего народа, однако они омрачены настойчивыми попытками некоторых зарубежных политиков и средств массовой информации ряда стран в последнее время фальсифицировать историю войны, исказить самые жестокие и бесчеловечные страницы событий того времени. К сожалению, с начала XXI в. даже отдельные российские СМИ и «независимые исследователи» навязчиво проводят мысль о том, что в войне виноват не только Гитлер, стремившийся «освободить» народы России от большевистской тирании, но и Сталин со своими репрессиями и коллективизацией. Появляются «исследования» истории оккупационного режима на территории СССР, где предпринимается попытка исказить суть событий. Например, даже перечисление пунктов оглавления книги Б. Соколова «Оккупация. Правда и мифы» достаточно красноречиво: «Партизаны против крестьян. Крестьяне против партизан», «Власов-предатель-патриот», «Песни коллаборационистов и партизан» и др. Отсюда и один из выводов автора книги: «Важно помнить, что достойные люди были и среди солдат и офицеров оккупационной армии, и среди коллаборационистов» [1, с. 5].

Подобных исследований в последнее время появилось достаточно много. Уже настойчиво проводится мысль, что вермахт и не ставил задачу уничтожить СССР и его народы, а только желал освободить их от тирании Сталина. Вопреки исторической правде многие военные преступники становятся «жертвами» войны и оправдываются перед обществом. Это можно отнести к попыткам реабилитации военных преступников, немецко-фашистских оккупантов, кроваво отметившихся на земле советских республик в годы войны. Во многих случаях бандиты становятся героями, а подлинных героев войны пытаются посадить на скамью подсудимых. Все это происходит, несмотря на деятельность в ряде стран так называемых «Институтов национальной памяти». В Латвии, например, латышские легионеры СС сегодня признаны национальными героями на государственном уровне, несмотря на то, что их преступления против мирного населения, в частности, против белорусов,

зафиксированы в многочисленных документах и подпадают под определение «преступления против человечества». Об ужасах, творимых легионерами в белорусских селениях, писали и сами участники событий тех лет. Поручик РОА (власовская Русская освободительная армия) латыш Валдис Балтиньш описал, что он увидел в д. Князево, Барсуки, Розалино Витебской области, где размещались латышские легионеры в 1943 г.: «Не помню названия деревни, в которой мое внимание привлекла туча мух, кружившая над деревянной бочкой. Заглянув в бочку, я увидел в ней отрезанные мужские головы. Некоторые были с усами и бородами. Вокруг деревни мы нашли немало трупов расстрелянных крестьян». По словам поручика, латышские эсэсовцы утверждали, что убивали стариков, женщин и детей с единственной целью – для того, чтобы уничтожить как можно больше русских людей [2].

К сожалению, часто в процессах фальсификации принимают участие и «отечественные» деятели. На территории России уже появляются памятники итальянским, венгерским солдатам, «героически» погибшим в боях с большевиками, к которым приезжают экскурсии из этих стран, в Прибалтике регулярно проводятся парады ветеранов ваффен-СС. Все эти процессы имеют свою идеологическую подоплеку. Одним из документов, послуживших идейной и материальной основой подобных исторических домыслов, стала небезызвестная резолюция ПА ОБСЕ «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», принятая в Вильнюсе 3 июля 2009 г. и возложившая вину за начало Второй мировой войны в равной степени на Сталина и Гитлера. Резолюция фактически уравнила гитлеровскую Германию и СССР [3]. К сожалению, данный документ не получил резкой и сколько-нибудь принципиальной оценки в республиках бывшего СССР. Все эти факты позволяют сделать вывод, что реваншизм процветает в Европе.

В данных условиях актуально понимание и оценка процессов, происходивших на белорусской земле в военные годы. Большинство исследователей проблемы солидарны во мнении, что немецко-фашистские оккупанты не «освобождали» белорусов от большевистского гнета, а целенаправленно проводили политику геноцида белорусского народа. Геноцид по определению – политика уничтожения, полностью или частично, какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем убийства ее членов, причинения вреда их здоровью и создания жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное уничтожение этой группы [4].

Целенаправленная политика уничтожения белорусского (как и других народов СССР) народа имела свои «истоки» еще в книге А. Гитлера «Майн кампф» и была последовательно развита в ряде важнейших государственных документов Третьего рейха. В частности, в плане «Ост» на основе расовой теории и принятой в Германии концепции «жизненного пространства» предусматривались в качестве мер «ослабление русского народа в расовом отношении» и «подрыв биологической силы» путем ряда мер по сокращению рождаемости [5, с. 82–83]. Из «Майн кампф» очевидно, что основной целью фашистов в войне являлось уничтожение советской государственности и советского народа, присоединение территории к Германии. Красноречивым дополнением этих планов и уликой преступлений гитлеризма является широко озвученный на Нюрнбергском процессе приказ, подписанный 13 мая 1941 г., накануне нападения Германии на СССР главой Верховного командования вермахта В. Кейтелем «О применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мерах войск». Этим приказом вся судебная власть в отношении местных жителей передавалась немецким офицерам в должности от командира батальона и выше. Он имел право единолично судить, казнить или миловать любого человека, заподозренного во враждебном поступке против германской армии. Германский военнослужащий освобождался от любой дисциплинарной или уголовной ответственности за любые поступки против местных жителей. Еще более чудовищен приказ командующего 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршала фон Рейхенау от 10 октября 1942 г. «О поведении войск на Востоке», одобренный Гитлером. Приказ (оригинал текста опубликован в газете «Красная звезда» от 15 января 1942 г.) предписывал немецким солдатам истребление советского населения в занятых немецкими войсками районах и уничтожение всех принадлежащих советскому народу культурных и исторических ценностей. Снабжение питанием местных жителей и военнопленных в приказе признавалось ненужной гуманностью [6].

Данные планы были применены против мирного населения Беларуси. На ее территории фашисты установили оккупационный порядок, рассчитанный на минимизацию численности местного населения. План «Ост» предусматривал сохранение только четверти местного населения в качестве «обслуживающего» персонала для запланированных сотен тысяч немецких переселенцев. Остальных местных жителей планировалось переселить в отдаленные районы или уничтожить. Это осуществлялось целой системой оккупационных военизированных формирований – полицией безопасности СД, тайной политической полицией

гестапо, тайной полевой полицией, военной разведкой «Абвер», жандармерией, полицейскими дивизиями и специальными подразделениями (айнзатцгруппы). Им помогали местные учреждения, которые возглавляли назначенные гитлеровцами бургомистры, старосты и войты из числа коллаборационистов. Территория Беларуси являлась оперативной зоной для 201-й, 203-й, 221-й, 281-й, 286-й охранных полицейских дивизий, 707-й пехотной, 52-й учебно-полевой специального назначения, 390-й и 391-й учебно-полевых дивизий, кавалерийской и моторизованной дивизий СС [7, с. 5]. Вышеперечисленные карательные органы и подразделения и осуществляли целенаправленные действия против местного мирного населения, имеющие целью их физическое уничтожение или создание условий для последующего вымирания – все то, что подпадает под определение – геноцид. На территории Беларуси были организованы и действовали 260 лагерей смерти для военнопленных и мирного населения. В одном Тростенецком лагере смерти оккупантами было уничтожено свыше 200 тыс. человек. В городах действовали гетто для евреев. В Минском гетто было уничтожено около 100 тыс. человек. За время оккупации фашисты организовали и провели в Беларуси более 140 крупных карательных операций против партизан и мирных жителей. Во время 28 таких операций только в 1942–1943 гг. карателями было убито 70 тыс. человек, уничтожено свыше 5 295 населенных пунктов, в том числе 628 сожжено вместе с жителями. В период войны в Беларуси погибло 2 млн 200 тыс. человек, 399 тыс. жителей было вывезено в Германию, из них выжило и вернулось на Родину 124 тыс. [7, с. 5].

Таким образом, в реализации оккупационной политики фашистских захватчиков со всей очевидностью проявились все черты политики геноцида белорусского народа.

Список использованных источников

1. Соколов, Б.В. Оккупация. Правда и мифы / Б.В. Соколов. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. – 352 с.
2. Как латышский легион СС зверствовал в Белоруссии и России [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://topwar.ru/153317-kak-latyshskij-legion-ss-zverstvoval-v-belorussii-i-rossii.html>. – Дата доступа: 31.01.2019.
3. Резолюция ПА ОБСЕ «Воссоединение разделенной Европы» [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/a/1768840.html>. – Дата доступа: 14.01.2019.
4. Геноцид [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/16883>. – Дата доступа 14.01.2019.
5. Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма / В.И. Дашичев // Воен.-ист. журн. – 1965. – № 1.

6. Немецкий приказ «О поведении войск на Востоке» («Красная звезда» от 15 января 1942 года) [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://myweb/su/blog/history/19878>. – Дата доступа: 14.01.2019.

7. Карательные акции в Беларуси / сост. В.Я. Герасимов, С.М. Гайдук, И.Н. Кулан. – Минск : Сталія, 2008. – 164 с.

УДК 321

А.А. Козел

БЕЛОРУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РОМАНТИЗМ И. КОНЧЕВСКОГО (АБДИРАЛОВИЧА)

Российская коммунистическая партия большевиков (РКП(б)), взяв власть 7 ноября 1917 г., неминуемо должна была решать национальный вопрос, который значился в ее программных документах как один из основных. Не только большевики, но и меньшевики, и эсеры придерживались идеи о предоставлении всем народам бывшей Российской империи права на национально-государственное самоопределение вплоть до отделения. После силового закрытия большевиками Всебелорусского съезда (17–18 декабря 1917 г.), на котором предполагалось легитимным образом решить вопрос о национально-государственном устройстве Беларуси, часть членов Президиума съезда в трех Уставных грамотах ознакомила общественность со своим видением национально-государственного устройства Беларуси. Если изначально все белорусские политические группировки, в том числе и национально ориентированные, видели политическое будущее Беларуси как демократической республики в составе новой демократической России, то в третьей Уставной грамоте от 25 марта 1918 г. объявлялось полное политическое отделение от нее и провозглашалась независимая Белорусская Народная Республика (БНР) [1, с. 123]. Поскольку эти события происходили в условиях немецкой оккупации и при поддержке оккупационных властей, то как только Минск был освобожден Красной Армией, правительство БНР покинуло Беларусь, тем самым была ликвидирована и сама БНР. Следует обратить внимание и на тот очевидный факт, что белорусские национально ориентированные политические организации не имели заметной поддержки среди населения: на выборах во Всероссийское Учредительное собрание в ноябре 1917 г. они набрали 0,3 % голосов избирателей, а их прямые конкуренты – большевики и эсеры – 54,1 % и 32,2 % соответственно [2, с. 61–62]. Исследователи отмечают, что в рабоче-крестьянской среде

зрела идея создания белорусского государства как советского и социалистического. Такой подход к белорусскому национальному государственному строительству совпадал с позицией ЦК РКП(б) и находил там поддержку. 24 декабря 1918 г. на своем заседании он принимает решение о необходимости создания Белорусской национальной государственности [3, с. 30]. Провозглашение ССРБ произошло 30 декабря 1918 г. в Смоленске на VI Северо-Западной конференции РКП(б), названной впоследствии первым Съездом Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. Под названием БССР белорусское государство существовало до 19 сентября 1991 г., даты когда Верховный Совет еще БССР принял новое название – Республика Беларусь.

Противники советской социалистической государственности в Беларуси, опасаясь репрессий со стороны Советской власти, оказались за рубежами родной страны. Такой участи удостоились и многие представители русской интеллигенции. Как первые, так и вторые создали за рубежом известные сегодня каждому образованному человеку труды по философии, политике, праву. И те и другие мечтали о национальном возрождении, которое не могло произойти, на их взгляд, в условиях господства коммунистического мировоззрения и диктатуры пролетариата. Отличие в том, что выдающиеся русские мыслители белорусского происхождения (Н.О. Лосский, Н.Н. Лосский, И.Л. Солоневич), ученые с мировым именем, оказавшись за рубежом, видели благополучие белорусов в союзе с русским народом, не разделяя их ни культурно, ни этнически, ни политически.

Белорусская политическая и творческая эмиграция, а иногда она выступала в одном лице (например, А.И. Цвикевич), политическое и национально-культурное будущее видела в абсолютном отрыве от России. Таких взглядов придерживался и Игнат Кончевский (литературные псевдонимы Игнат Абдиралович, Анна Голубянка). Игнат Кончевский (май 1896 г. – 23 апреля 1923 г.) родился в Вильне, как и его младший брат Арсений (5 сентября 1901 г. – 31 августа 1931 г.) воспитывались в семье секретаря окружного военного суда, которому были не чужды социалистические идеи. Недаром братья стали активными участниками социалистических преобразований в послереволюционной Беларуси. В 1913 г. Игнат окончил Виленское реальное училище и поступил в Петербургский технологический институт. Однако любовь к литературе победила и он перевелся на филологический факультет Московского университета. В разгар Первой мировой войны в 1916 г. был призван в действующую армию, закончил школу прапорщиков и участвовал в боевых действиях на фронте в Румынии. Февральская революция 1917 г. застала И. Кончевского в Украине, где он включился в украинское на-

циональное движение. Позже, разочаровавшись в политике украинских националистов, уехал на Дон к своим знакомым в семью казацкого офицера Виктора Полякова и женился на его дочке Людмиле. После женитьбы вернулся в Москву, где закончил кооперативные курсы. Спустя год работы в Смоленске инструктором в Центросоюзе льноводов, после создания БССР переехал в Минск. В БССР получил довольно высокую должность инструктора Совнархоза, занимался организацией и руководством кооперативного движения, одновременно сотрудничал с белорусскими газетами и журналами. С созданием в феврале 1919 г. Советской Социалистической Республики Литвы и Белоруссии (ЛитБел) переехал с семьей в ее столицу Вильно [4, с. 83]. После ликвидации ЛитБел в связи с польской оккупацией, видимо находясь в состоянии внутреннего неприятия Советской власти, он не покинул Вильно. В 1921 г. здесь он опубликовал политико-философское эссе «Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветапогляду», в котором представил свое видение культурного и национально-государственного будущего Беларуси. И. Кончевский исходил из того, что Беларусь, несмотря на длительную историю влияния Запада (Польши) и Востока (России), сохранила свою особую идентичность: «Мы не зрабіліся народам Усходу, але не прынялі й культуры Зах. Эўропы» [5, с. 8]. Он писал, что это не относится к белорусской элите: в прошлое время к шляхте, а современной ему – (первая четверть XX в.) части белорусской интеллигенции, которые потеряли всякую связь с народом. Как точно подметил писатель, «уцяклі ад беларускага карэння». За что он дал им уничижительную оценку: «...найбольш дрэнныя, духова-распусныя элементы нашага народу» [5, с. 8]. Как революционер и социалист по духу он негативно относился к христианству, как западному, так и восточному, что не дало ему возможности дать объективную оценку его роли в культурном развитии белорусского народа. Утверждение писателя, что белорусский народ остался языческим народом, который обозначал язычество как «паганскую веру», явно не соответствовало белорусским религиозным реалиям далекого прошлого. Идеалом гражданина он объявил Ф. Скорину лишь по той причине, что ему неизвестна его конфессиональная принадлежность, скорее, на его взгляд, Скорина и тот и другой (и католик, и православный). Давая оценку Ф. Скорине, как гуманисту и реформатору, исследователи, мягко говоря, лукавят. Человек, который перевел и издал Библию на родном языке, безусловно, не просто гуманист, а прежде всего христианский гуманист, глубоко верующий человек. Свидетельство этому его переводческая и издательская деятельность. Перевести и напечатать на старобелорусском языке Псалтырь, Ветхий завет, Часослов мог только погруженный в религию ученый. Можно

предположить, что религия и вера и детерминировала его творчество. На эту сторону его жизнедеятельности отечественные исследователи не обращают внимания. Зарубежные ученые, которые знакомы с его творчеством, прямо указывают на религиозный его характер [6, с. 15–68].

Критикуя Запад и Восток за экспансионистскую политику в отношении Беларуси, И. Кончевский отдавал предпочтение западному культурному типу. Если восточная политическая культура основывается на идее единовластия (самодержавия, всевластия Советов), то западная – на идее компромисса, что дает ей преимущество не только в политической организации общества, но и в экономической, социальной, духовной сферах. Он симпатизировал западному «распылу жыцця» – политико-социальной и культурной атомизации общественной жизни: «Мір, як асобы, так і грамадзянства, ня звязаны нейкім аб'яднаньнем. Усе рассыпана, усе падзелена, варожа настроенае жыве разам, згаджаецца, не протэстуе» [5, с. 14]. Белорусы постоянно колебались между двумя мощными культурами – западной и восточной. Восточная манила своей простотой, искренностью, соответствием внешнего и внутреннего, но, писал Кончевский, такой однозначности белорус должен избегать, поскольку в жизни все сложнее и неоднозначно. Из этой неоднозначности писатель вывел европейскую культурно-политическую терпимость и деликатность и сожалел, что белорус не синтезировал восточное и западное. Исследователи, разработавшие теорию цивилизационного развития общества (О. Шпенглер, Н.Я. Данилевский, А. Тойнби), убедительно доказали невозможность такого синтеза, или переноса одного культурно-исторического типа на другой. Они же показали несостоятельность концепции общечеловеческих ценностей, за которые ратовал И. Кончевский.

Рефлексируя особенности общественно-политического бытия белорусского народа, сопрягая его с политической практикой Европы и Советской России, он критически оценивал опыт белорусского послереволюционного национально-государственного строительства. Так, деятелей БНР, на его взгляд, заботила прежде всего власть, к которой как политическому институту он относился негативно. Советская власть, как диктатура пролетариата, полагал он, не могла отражать интересы самого многочисленного класса – крестьянства. Неудовлетворенность как БНР, так и БССР объясняется писателем доминированием в них формы над содержанием. Исходя из той очевидности, что форма по своей конструкции консервативна, а содержание – текуче и изменчиво, он, с одной стороны, видел в этом причину общественных неурядиц, а с другой, призывал белорусов к созданию новых форм общественно-политической жизни. В соответствии с формой изменяющихся об-

стоятельств, в поиске «формаў жыцця элястычных, цякучых, зменных – змест будучыны, змест індывідуальнага і соцыяльнага ідэалу» [5, с. 25]. Средствами создания новых форм может только свобода и творчество, полагал писатель. Свобода и социальное творчество никоим образом не должны быть связаны с деятельностью возникших многочисленных партий, которые выражают не интересы всего народа, а частные интересы отдельных социально-политических группировок. Идеалом общественной организации для И. Кончевского являлась Запорожская Сечь, где, как он писал, свободно дышалось украинским и белорусским крестьянам. Но это было в далеком прошлом, а сегодня принудительная партийно-классовая государственность перекрывает все возможные каналы социального народного творчества. Вместе с тем, если в политической области отсутствуют условия проявления творческих сил народа, то писатель находит их в экономике. Он полагает, что современная ему кооперация выступает примером ненасильственных форм объединения граждан. Будущее не только белорусское, но и всего человечества, мыслитель видит в ликвидации всяких принудительных форм гражданского общежития. Отсутствие насилия и принуждения создаст условия для творчества и свободы как отдельной личности, так и всему народу.

Таким образом, Игнат Кончевский в начале XX в. создал своего рода романтическую программу общественного устройства Беларуси, основанного не на доминировании государственно-политических форм, а на принципах индивидуальной свободы и социального творчества граждан. Такая точка зрения находит частично свое выражение в общественно-политической практике ряда стран, в которых в общественной жизни большую роль играют самоуправляемые объединения граждан. Мы полагаем, что такая практика актуальна и для современной Беларуси.

Список использованных источников

1. Турук, Ф.Ф. Белорусское движение : Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф.Ф. Турук. – М. : Гос. изд-во, 1921. – 144 с.
2. Казлякоў, У.Я. Палітычныя партыі Беларусі (пачатак XX ст. – 20-я гады) : вучэб. дап. / У.Я. Казлякоў. – Мінск : БДТУ, 2000. – С. 61–62.
3. Сорокин, А.Н. Очерки истории белорусской государственности и права / А.Н. Сорокин. – Минск : Право и экономика, 2018. – 868 с.
4. Калеснік, У.А. Ветразі Адысея / У.А. Калеснік. – Мінск : Мастац. літ., 1977. – 325.
5. Канчэўскі, І.У. (Ігнат Абдзіраловіч) Адвечным шляхам / І.У. Канчэўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 42 с.
6. Кодэр, Д. Мой Франціск Скорина : эссе / Д. Кодэр ; пер. с англ. А. Новиков, Г. Ермаков. – Минск : Беларус. кнігасбор, 2000. – 72 с.

СУБЪЕКТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА МОДЕЛЕЙ ПОСТИМПЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ XX в.

Изучение власти как одна из важнейших междисциплинарных холистических проблем в социальных науках всегда детерминирована предметно-методологической спецификой избранной сферы познания. Это обуславливает проблемы взаимодействия различных дискурсов в рамках единой (обобщающей) парадигмы (конфликт парадигм еще более усложняет познание избранного объекта), а также взаимообусловленности исторических и теоретических концептов власти. Теоретическое осмысление власти как феномена объективной реальности всегда имеет ценностное измерение, будучи обусловленным потребностями реального либо альтернативного управления, а также связанным с выраженным в виде определенного миропроекта (идеальной концепции) социальным заказом властных либо контрвластных структур. Вышеизложенное придает социальным наукам *векторность, длительность, футурологичность* и *историчность* (обращенность в будущее и обусловленность прошлым).

Важными аксиомами познания реально либо виртуально пространственно-детерминированных властных субъектов является их множественность, разноразмерность и взаимодействие в рамках определенной системы (мир-системы), обусловленность как мировоззрением (миропроектом), так и внешними объективными факторами (климат, технологии, ресурсы и т. д.). Одновременно важными принципами познания являются динамика и трансформация сущности субъектов публичной власти, возможность использования единого термина (как правило, государство) по отношению к территориальным субъектам различной природы и сущности, а также необходимость осмысления взаимодействия теоретических концептов как составной части миропроекта и историко-эмпирической реальности. Вышеуказанные методологические конструкции позволяют осмысливать реальные исторические процессы генезиса, развития и упадка (кризиса) государственности, в том числе и белорусской.

Белорусская государственность имеет сложную нелинейную многофакторную природу, исторически являясь объектом иных, имеющих линейный нарратив, государственных миропроектов, в первую очередь российского и польского [3, 5]. При этом важнейшим фактором, поро-

дившим современное белорусское государство, являются революционные события 1917 г. в Российской империи, вызванные комплексом как внутренних противоречий, так и внешних тенденций, протекавших в капиталистической мир-системе и максимально усиленных Первой мировой войной. По сути, формирование белорусской государственности, равно как и всей центрально- и восточно-европейской государственности, является следствием имеющего общеевропейский и глобальный контекст кризиса имперского типа организации верховной власти. В основе названного кризиса лежит множество факторов, однако доминирующими следует признать борьбу Германии, Великобритании и США за доминирование в капиталистической мир-системе [2, с. 19–62], а также стремление англосаксонского мира к формированию глобального рынка путем уничтожения имперских субъектов и образования совокупности небольших слабых государств [8].

В имперской государственности, на наш взгляд, достаточно четко проявляется колониальная и континентальная (территориальная) сущность, детерминирующая способы связей метрополии с колониями. Континентальные империи (Германия, Россия, Австро-Венгрия, Оттоманская Порты и т. д.) в своей основе строились на поиске моделей инкорпорации (с различными вариациями) присоединяемых территорий в общеимперскую структуру, а также включения региональной знати в силу «классовой солидарности» в общегосударственную элиту. При этом для давления на региональные элиты могли использовать и местные классовые, религиозные, социальные и иные противоречия (стимулирование развития и использования национальных языков в Прибалтике в противовес немецкому языку, ликвидация Брестской церковной унии Полоцким Собором 1839 г. в противовес польской (пропольской) элите Северо-Западного края и т. д.) [7]. Континентальные империи объективно не могли лишь эксплуатировать колонии в интересах имперского домена, в первую очередь, в силу территориального контакта и необходимости обороны границ. Одновременно на окраинах, которым империя обеспечивала безопасность и определенное развитие при соответствующем усилении социальных, религиозных, национальных и иных противоречий, формировались и развивались идеи возможности разрешения названных противоречий в отдельном национальном государстве [6, с. 50–94].

Колониальные империи (Великобритания, Франция, Нидерланды, Бельгия и т. д.), как правило, имели заморские колонии, территориально отделенные от метрополии. Данная структура территориального устройства позволяла консолидировать население метрополии в единую нацию посредством всеобщего избирательного права и достаточно вы-

сокого уровня жизни, что обеспечивалось использованием колоний для разрешения внутренних противоречий (переселение избыточного населения, присвоение ресурсов, рынок сбыта и т. д.). В результате названные державы, скрывая свою империалистическую сущность, глобально позиционировали себя демократическими национальными социально ориентированными государствами.

Ликвидация континентальных империй породила активные процессы государственного строительства на соответствующих территориях, которые [процессы] испытывали подспудное влияние исторических особенностей формирования территориальных империй. По сути, успешность имперского строительства была обеспечена победой над иными претендентами (борьба российского (московского), литвинского и польского имперских проектов; захват Оттоманской Порты государств Балканского полуострова; поглощение Австрией государств европейско-турецкого пограничья и т. д.). Таким образом, одним из факторов, влиявших на образование национального государства, как правило, являлось наличие прерванного имперского проекта, что проявилось в будущих территориальных притязаниях (фантомный (несостоявшийся) империализм).

Параллельно на формирование национальной государственности влияли и иные тенденции. Во-первых, формирование и кристаллизация в XIX в. отдельных наций в рамках индустриальной экономики и образования единых рынков, во многом «разрывавших» логику реальной и фантомной имперской государственности. Во-вторых, стремление к социальной справедливости и перераспределению земельной собственности, находящейся в руках аристократии. В-третьих, появление слоя национальной интеллигенции, сформированной из «разночинцев» и стремящейся в силу наличия образования получить доступ к власти.

На наш взгляд, вышеназванные тенденции целесообразно объяснять в логике субъектного подхода, относящегося к постнеклассической научной и управленческой парадигме, описывающего самоорганизуемые системы, обладающие признаками *уникальности, пространственной локализации, бытия в разноуровневой полисубъектной реальности, динамизма, историко-размерности* и детерминированности факторами непрогнозируемой внешней среды, способности к преобразованию реальности вообще и конкретно-исторической реальности в частности [4, с. 14].

Революционные события в Российской империи уничтожили, в первую очередь, существовавшую легитимную власть, дав возможность иным властным субъектам реализовать себя в рамках определенной, воспринимаемой в качестве своей, территории. В этом контексте очень важно понимание субъектных претензий на территории современной

Беларуси, одновременно предъявляемых рядом территориальных и экстерриториальных субъектов. Территориальные субъекты (российские (великорусские), германские, польские, украинские, литовские, в меньшей степени латышские (латгальские)) претендовали на белорусские земли как части своего несостоявшегося имперского проекта. Особенную активность в этом проявила Польша, стремившаяся возродиться в границах 1772 г., а также Германия, которая по Брестскому мирному договору и в результате боевых действий оккупировала значительную часть Беларуси. Экстерриториальные субъекты, представленные революционерами различного рода, стремились использовать ресурсы Беларуси для построения будущего пролетарского государства и мировой революции, параллельно разрешив существующие классовые, социальные и иные противоречия. Одновременно важным экстерриториальным субъектом были военные части бывшей Российской императорской армии, наличие которых сдерживало военную активность невеликорусских и нереволуционных субъектов. По сути, зарождение белорусской государственности происходило в условиях, когда территория проживания белорусского этноса превратилась в объект субъектных претензий различных реальных и потенциальных держав.

Таким образом, белорусская государственность возникла в рамках сложных противоречий, вызванных, с одной стороны, кризисом и распадом территориальных империй, а с другой стороны, формированием новых национальных государств, пытающихся реализовать собственные фантомные имперские притязания и компенсировать исторические поражения. Одновременно белорусская государственность должна была избрать для себя центр притяжения (либо согласиться с включением в логику иной наднациональной государственности), которыми для Беларуси могли быть Россия либо Польша (иные варианты (Украина и Литва) представляются мало вероятными), а также вектор развития (социалистический либо капиталистический).

Впервые попытка конституировать собственную государственность была реализована первым Всебелорусским съездом 1917 г., инициированным Советской властью в Петрограде, но разогнанным большевиками Областного исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта и Совета народных комиссаров области и фронта по причине, в том числе, дискуссий о формах будущей государственности Беларуси [1]. Данный разгон, по сути, породил две конкурирующие версии (модели) белорусской государственности.

Первой моделью белорусской государственности стала ориентированная на большевистскую Россию социалистическая модель, представленная двухуровневой структурой власти (наднациональный центр и

национальная республика (автономия)). Именно в рамках этой модели, направленной на разрешение существовавших противоречий и поиск обеспечения победы в будущей мировой войне¹, формировалась реальная и исторически успешная белорусская государственность – Белорусская Советская Социалистическая Республика.

Белорусская народная республика, ставшая второй, исторически *виртуальной* моделью государственности, провозгласив себя в условиях немецкой оккупации, но без призыва к борьбе и изгнанию захватчиков, реальной властью не обладала и была готова сотрудничать с любыми властными субъектами, кроме большевистской России. При этом виртуальность БНР позволила ей приобрести в определенных кругах статус некоего оторванного от реальности идеала, используемого для сравнения с всегда имеющимися негативными аспектами жизни советской и постсоветской Беларуси.

В реальности реализация проекта БНР, вряд ли способного разрешить существующие социальные и иные противоречия (вопрос о земле и т. д.), обусловила его антикоммунистический и антироссийский вектор, направленный на разрушение белорусской советской государственности, а в ближайшей перспективе привела бы к включению Беларуси в состав Германской империи либо Польши. Однако реальным позитивным достижением БНР, которое фактически было учтено при провозглашении в 1919 г. БССР, была констатация наличия белорусской нации, проживающей в основном в сельской местности и стремящейся к представленности в органах власти и самостоятельному решению (при учете интересов сопредельных стран и народов-соседей) собственной судьбы.

Следует понимать, что в названный период любая версия белорусской государственности не могла самостоятельно достигнуть суверенитета по ряду внешних и внутренних причин и объективно должна была присоединиться к определенному великодержавному проекту, который мог обеспечить развитие либо постепенное поглощение белорусского этноса. На наш взгляд, ключевым критерием успешности избранного пути развития необходимо считать итоги реального исторического развития, а также степень реализации интересов белорусского народа. При этом именно советский проект при естественно наличествующих

¹ Практически все государственные деятели того периода понимали, что Первая мировая война не разрешила существовавших противоречий, а Версальский договор лишь создал новые, поэтому вопрос Второй мировой войны стоял на повестке во всех государствах. Именно подготовка к будущей войне и предопределяла политику СССР в области индустриализации, коллективизации, народного просвещения, перемещения трудовых резервов из сельского хозяйства в промышленность (в том числе и посредством ГУЛАГа), репрессий политических оппонентов – сторонников мировой революции и т. д.

недостатках и просчетах был единственно успешным, обеспечившим реальные предпосылки независимости и суверенности Беларуси. Ярким подтверждением данного тезиса является уровень инвестиций в Западную и Восточную Беларусь, а также социальная мобильность населения в межвоенный период.

Таким образом, формирование белорусской государственности в начале XX в. невозможно понять вне логики внешних глобальных и региональных тенденций развития цивилизации и капиталистической мир-системы, в рамках которых властные субъекты стремятся проявить себя исторически и территориально. Изучение названных процессов требует развития концептуально-методологического инструментария и использования новых подходов, позволяющих изучать длительные историко-детерминированные и обращенные в будущее самоорганизуемые феномены, одним из которых является постнеклассический субъектный подход.

Список использованных источников

1. Брыгадзін, П.І. Першы Усебеларускі з'езд (снежань 1917 г.): да стагоддзя / П.І. Брыгадзін // Журн. Беларус. гос. ун-та. История. = Journal of the Belarusian State University. History. – 2017. – № 3. – С. 37–43.
2. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира : Социология XXI века / И. Валлерстайн ; пер. с англ. В.Л. Иноземцева ; Центр исслед. постиндустр. о-ва. – М. : Логос, 2004. – 353 с.
3. Калинин, С.А. Геоконцептуальное (нарративное) измерение в методологии познания белорусской государственности / С.А. Калинин // Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г. : да 430-годдзя выдання : зб. навук. арт. па матэрыялах канф. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: С.А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2018. – С. 43–48.
4. Калинин, С.А. Субъектный подход: генезис, сущность и место в системе методологии юриспруденции / С.А. Калинин // Правоведение. – 2015. – № 2. – С. 6–21.
5. Калінін, С.А. Аб тэарэтыка-метадалагічных праблемах вывучэння беларускай дзяржаўнасці / С.А. Калінін // Гісторыя і сучаснасць: Беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнеўрапейскім цывілізацыйным кантэксце : зб. навук. прац, прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння праф. І.А. Юхо / рэдкал.: С.А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бизнесофсет, 2012. – С. 83–92.
6. Ковалевский, П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России / П.И. Ковалевский. – М. : Кн. мир, 2006. – 259 с.
7. Миллер, А.И. Империя Романовых и национализм : эссе по методологии истор. исслед. / А.И. Миллер. – [Изд. 2-е испр. и доп.]. – М. : Новое лит. обозрение, 2010. – 316 с.
8. Фурсов, А.И. Мировая борьба. Англосаксы против планеты / А.И. Фурсов. – М. : Кн. мир, 2016. – 510 с.

БЕЛОРУССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА ПОСЛЕ 1917 г. И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УДК 340.114.5

А.Ф. Вишневский

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Представления о правовом сознании возникли вместе с зарождением юридической науки, развивались неразрывно вместе с ней и приобрели особую, первостепенную значимость в современном мире в связи с формированием правовых государств, главной целью и назначением которых является обеспечение прав и свобод человека. В этих условиях правосознание как никогда ранее приобретает значимость научно обоснованного восприятия правотворчества и правоприменения гражданами страны, и при их непосредственном участии в этой деятельности. В связи с этим представляется уместным привести мнение по этому поводу Конституционного Суда Республики Беларусь, выраженного им в Послании Президенту Республики Беларусь, Палате представителей и Совету Республики Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году»:

«Конституционный Суд полагает необходимым последовательное и целенаправленное формирование конституционно ориентированного правосознания граждан, юристов, должностных лиц государства, в основе которого должно находиться глубоко осмысленное восприятие фундаментальных ценностей и принципов Конституции как Основного Закона страны, выражающего волю белорусского народа» [1, с. 62].

При внимательном прочтении приведенного текста нельзя не заметить того, что речь в нем идет не просто о правосознании, а о глубоко осмысленном правосознании, которое только в таком качестве может гарантировать верховенство права в государстве над всеми его органами, существующими в нем политическими объединениями, общественными формированиями и организациями, а также обеспечивать верховенство закона (в данном случае – Конституции страны) в системе действующего законодательства. В настоящее время есть основания

полагать, что в белорусской правовой науке сложилось и в основном превалирует именно такое понимание правового сознания, но которое не исключает влияния на него нравственных, духовных, чувственных и иных эмоциональных восприятий отдельных социальных групп и лиц. Их воздействие на правовую действительность может быть даже негативным, если в правотворчестве или в правоприменении допускаются серьезные просчеты.

Тем не менее при всех обстоятельствах правовое поведение складывается из сознательных волевых актов деятельности, имеющих юридическое значение и поддающихся социальному контролю. Эффективность реализации права главным образом зависит от степени соответствия закономерно складывающихся общественных потребностей, возможностей, интересов, закрепленных в правовых нормах и реализуемых в правоприменительной деятельности, ожиданиям населения, социальных групп, граждан страны.

С учетом отмеченных обстоятельств представляется весьма обоснованной сложившаяся в современной белорусской правовой науке трактовка правового сознания как одной из форм общественного сознания, охватывающей собой совокупность сложившихся в обществе на определенном этапе его развития правовых убеждений, идей, представлений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, должностных лиц, всего населения к действующему и желаемому праву, его исполнению, а также к поведению субъектов права в сфере его формирования и реализации. Соотношение и значимость названных элементов правосознания постоянно меняется в зависимости от условий развития гражданского общества и политической системы государства [2, с. 283–284].

Чрезвычайное многообразие субъектов правосознания, идеологических, психологических, научных, нравственных, политических и иных факторов, влияющих на их отношение к праву, его развитие и реализацию, обуславливают постоянную противоречивость этой формы общественного сознания и ее динамизм. А эти обстоятельства, в свою очередь, существенно влияют на развитие научных представлений о сущности, содержании и роли правосознания в правовой системе общества.

В современной научной литературе, историографии проблемы существуют различные подходы к периодизации исследования правосознания в послереволюционные годы. Например, российский правовед З.К. Буклова выделяет два периода: 1917–1991 гг. и 1991 – по настоящее время [3, с. 1524–1529]. Белорусский исследователь Е.М. Ефременко –

три периода: 1917 – середина 50-х гг. XX в.; вторая половина 50-х – 80-е гг.; конец 80-х гг. – по настоящее время [4, с. 9, 11]. Специалист в области теории правосознания Н.М. Юрашевич выделяет четыре периода: 1917 – середина 30-х гг. XX в.; середина 30-х – середина 50-х гг. XX в.; середина 50-х гг. – конец 70-х гг. XX в. и начало 80-х гг. – по настоящее время [5, с. 12–21].

Можно полагать, хотя на этом авторы не акцентируют внимание, в основу критериев периодизации исследования вопросов правосознания положены особенности политико-правового режима, складывающегося в те или же иные годы существования советского государства и его идеологическое обоснование. А если это так, то наиболее обоснованным можно признать третий подход к периодизации с определенными коррективами.

Так, на наш взгляд, целесообразно выделить в качестве отдельных периодов следующие годы: 1956–1965 гг.; 1966–1985 гг.; 1985 – начало 90-х гг.; 90-е гг. – по настоящее время. Все это согласуется с особенностями становления, функционирования, развития и распада СССР.

Первый период характеризуется становлением советской государственности, формированием однопартийной и командно-административной системы, поиском официальной правовой теории.

Для второго периода определяющей выступила реализация сталинской политики социалистической модернизации, формирование правовых основ полномочий (в том числе внесудебных) репрессивного механизма Советского государства, утверждения догматической теории права, приспособленной к нуждам административно-командного руководства страной. Вместо того, чтобы в качестве относительно самостоятельного общественно-государственного явления упорядочивать отношения между гражданским обществом и государством, право оказалось как бы под государством, стало частью его политико-административного инструментария, средством оформления его команд.

Третий период связан с решением XX съезда КПСС и его значением для либерализации политической системы советского общества. Не случайно он вошел в историю как социально-политическая оттепель. С либерализацией общественной жизни связаны попытки поколебать господство правопонимания, которое сводит право к совокупности установленных государством норм. Развернулась полемика между приверженцами официального правопонимания и сторонниками его расширения или пересмотра (А.А. Пионтковский, С.Ф. Кечекъян, В.С. Нерсесянц и др.). Однако дискуссии обходили самое главное – этатистскую суть правопонимания, дело сводилось к столкновению между «узким»

нормативистским и «широким» подходом к праву. Но спор, в сущности, был не об объеме его понятия. Попытки некоторых авторов осудить нормативизм в праве не могли быть успешными, потому что право, как бы мы его ни понимали, в каких бы терминах ни определяли, всегда и неизменно нормативно. Полагаем, что любая концепция, игнорирующая это обстоятельство, ущербна.

Последующие периоды характеризуются поворотом к неосталинизму, усилением кризиса советской социалистической системы (1966–1985 гг.); нарастанием застойных явлений в политической, экономической и социальной сферах, кризисом и распадом СССР (вторая половина 80-х – начало 90-х гг.). С демократизацией жизни общества, формированием многопартийной системы, переходом к рыночным отношениям, суверенизацией бывших советских республик поиск нового правопонимания продолжается.

Уделяя особое внимание периодизации Советского государства, мы исходим из того, что нельзя рассматривать историю развития науки о праве в отрыве от истории развития науки о государстве. Дело в том, что государство и право – две неразрывно связанные между собой части юридической действительности, их исторические судьбы неразрывны. Можно сказать, что они возникают одновременно, в результате одних и тех же причин, развиваются взаимозависимо и выполняют единые политические, экономические, социальные и другие функции. Государство не может выполнять свое социальное назначение без того, чтобы не предписывать в нормативной форме индивидам, государственным органам, различным организациям определенное поведение, не обеспечивать использование юридических прав и исполнение обязанностей. В то же время право связывает государственные органы конституционными и иными нормами, упорядочивает их деятельность, вводит их в законное русло. Если исходить из вышеизложенного постулата и соблюдать принцип историзма, то ретроспективный анализ типов правосознания следует увязывать с периодизацией того или другого государственно-организованного общества, используя как формационный, так и цивилизационный подходы. Полагаем, что оба подхода должны не противопоставляться, а дополнять друг друга.

Говоря о периодизации, можно утверждать, что она является одновременно и принципом, и методом, и логическим итогом познания процесса становления и развития правосознания в политико-правовой мысли. Периодизация необходима при систематизации идей, взглядов, учений о правосознании, выделении ведущих научных школ, что не только облегчает изучение предмета, но и дает ориентиры для дальнейшего осмысления и углубления знаний по рассматриваемой проблеме.

Список использованных источников

1. Послание Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь, Палате представителей и Совету Республики Беларусь Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году» // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 35–62.
2. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский. – Пересмотр. 3-е изд. ; под общ. ред. проф. В.А. Кучинского. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 478 с.
3. Буклова, З.К. Исторические этапы развития (становления) российского правосознания и его особенности / З.К. Буклова // Право и политика. – 2009. – № 7. – С. 1524–1529.
4. Ефременко, Е.М. Правосознание учащейся молодежи / Е.М. Ефременко. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 119 с.
5. Юрашевич, Н.М. Правосознание белорусского общества : монография / Н.М. Юрашевич. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. – 165 с.

УДК 34(09)(476)

Л.А. Саракавік

УПЛЫЎ САВЕЦКАЙ УЛАДЫ НА АДНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ ЮРЫДЫЧНАЙ НАВУКІ БЕЛАРУСІ Ў 1940–1960-х гг.

З вызваленнем Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў Савецкая ўлада адразу ж пачала аднаўленне органаў улады і кіравання, усіх сфер жыццядзейнасці, у тым ліку юрыдычнай навукі і адукацыі. Аднаўленне, а таксама страты ў вайне мільёнаў савецкіх людзей патрабавалі падрыхтоўкі новых высокакваліфікаваных спецыялістаў. Асабліва ўвага была нададзена падрыхтоўцы юрыстаў.

Яшчэ прадаўжалася Другая сусветная вайна, але 29 верасня 1944 г. згодна з распараджэннем СНК СССР № 19238-р, а таксама аб'яднаным загадам Усесаюзнага камітэта па справах вышэйшай школы пры СНК СССР і НКЮ СССР ад 5 кастрычніка 1944 г. № 486/47 у г. Мінску павінен быў аднавіць сваю працу Мінскі юрыдычны інстытут (МЮІ) НКЮ БССР. Дзеля хутчэйшага наладжвання яго працы Наркам юстыцыі СССР Н. Рычкоў 16 кастрычніка 1944 г. накіраваў намесніку старшыні СНК СССР В.М. Молатаву просьбу даць указанне Дзяржплану СССР запланавань на IV квартал водпуск будаўнічых матэрыялаў і абсталявання Наркамату юстыцыі БССР для Мінскага юрыдычнага інстытута [1, арк. 7].

Яшчэ да гэтых актаў СНК БССР 20 верасня 1944 г. прыняў пастанову № 594 «О возобновлении деятельности Белорусского государственного юридического института в г. Минске». Заняткі павінны былі пачацца з 1 кастрычніка 1944 г. План набору на першы курс быў вызначаны ў 150 чалавек [2, арк. 1].

10 кастрычніка 1944 г. Беларускі дзяржаўны юрыдычны інстытут абвясціў прыём студэнтаў на 1944/45 навучальны год на I–III курсы. Тэрмін навучання ўстанаўліваўся ў 4 гады. Абітурыенты павінны былі здаваць уступныя экзамены па гісторыі народаў СССР, Канстытуцыі СССР, рускай мове і літаратуры (пісьмова і вусна), беларускую мову і геаграфію [3, арк. 9]. Адначасова інстытут арганізаваў падрыхтоўчыя курсы на 70 чалавек [4, арк. 30].

Па стану на 14 лістапада 1944 г. на I курсе лічыўся 151 чалавек, на II – 20, на III – 17. Усяго 188 студэнтаў, а па плане павінна было быць 240. З 188 чалавек 7 з’яўляліся членамі УКП(б) і кандыдатамі ў члены УКП(б), 53 – членамі ВЛКСМ; 24 – інвалідамі Вялікай Айчыннай вайны, 19 – партызанамі; па нацыянальнаму складу: 139 – беларусаў, 26 – яўрэяў, 23 – рускіх.

Ва ўмовах працягвання Другой сусветнай вайны, разрухі, асабліва ў сталіцы Беларусі, раскіданасці з-за гэтага ранейшых кадраў інстытута па розных франтах, а таксама па розных рэгіёнах краіны ў выніку эвакуацыі аб’ектыўна існавала праблема з прафесарска-выкладчыцкім складам. На 1 студзеня 1945 г. працавалі толькі 2 загадчыкі кафедраў, 2 дацэнты кафедры, 5 старшых выкладчыкаў [4, арк. 1]. Казаць пра навуковую дзейнасць у такіх умовах не прыходзілася.

На працягу першага вучэбнага года пасля вайны паступова складваўся выкладчыцкі калектыў. У канцы другога семестра 1944/45 навучальнага года дацэнт І.С. Андрэйчык стаў выкладаць грамадзянскае права і грамадзянскі працэс, дацэнт В.П. Юдзін – крыміналістыку, некваліфікаваны выкладчык Злавінскі – гісторыю дзяржавы і права СССР. З цягам часу да выкладання розных дысцыплін былі прыцягнуты Мірон Цолкавіч Баран, Лазар Абрамавіч Рудзіцкі, Рахіль Заліманаўна Ханіна, Рыгор Адамавіч Левін, Галер Маркавіч Ліўшыц, Любоў Самуілаўна Мінзурэнка, Павел Ісаакавіч Гаўзе, Гаўрыіл Аляксеевіч Павецеў, Пётр Усцінавіч Грышановіч і інш. [4, арк. 78].

Для развіцця юрыдычнай навукі і адукацыі Беларусі важнае значэнне мела пастанова ЦК ВКП(б) ад 5 кастрычніка 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране». У гэтым акце ЦК ВКП(б) устанаўліваў, што юрыдычная адукацыя ў краіне пастаўлена незадавальняюча. Сярод юрыстаў мелася крайне мала кваліфікаваных

спецыялістаў, якія б мелі вышэйшую юрыдычную адукацыю. Між тым, патрэба ў іх пасля вайны ў органах юстыцыі, суда і пракуратуры ўсё яшчэ не пакрывалася штогадовым выпускам юрыстаў. У цэлым шэрагу юрыдычных інстытутаў было вельмі мала высокакваліфікаванага прафесара-выкладчыцкага складу, таму і ўзровень вышэйшай юрыдычнай адукацыі заставаўся ўсё яшчэ нізкім.

Адзначалася, што запушчанай застаецца навукова-даследчая праца ў галіне юрыспрудэнцыі, асабліва па тэорыі дзяржавы і права, савецкаму дзяржаўнаму праву, міжнароднаму праву, гісторыі савецкай дзяржавы. У апошнія гады не выдадзены вучэбнікі па тэорыі дзяржавы і права, савецкаму дзяржаўнаму праву, усеагульнай гісторыі дзяржавы і права навейшага часу, гісторыі дзяржавы і права СССР, гісторыі палітычных вучэнняў. Падкрэслівалася, што ў галіне юрыспрудэнцыі адсутнічае навуковая крытыка. Навуковыя кадры рыхтуюцца марудна і недастаткова. Колькасць аспірантаў-юрыстаў у параўнанні з 1940 г. зменшылася ў тры разы.

Суровай крытыцы падвярглася праца Міністэрства юстыцыі СССР і Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР, якія не прынялі неабходных мер да пашырэння і паляпшэння вышэйшай юрыдычнай адукацыі і не забяспечылі пэўнай якасці сярэдняй юрыдычнай адукацыі [5, с. 1].

Выконваючы гэту пастанову ЦК УКП(б) 18 лістапада 1946 г. загадам Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР № 630 быў адноўлены пяцігадовы тэрмін навучання на філалагічных, эканамічных, юрыдычных і геаграфічных факультэтах універсітэтаў краіны [6, с. 117].

Пастанова ЦК ВКП(б) ад 5 кастрычніка 1946 г. дала штуршок да развіцця юрыдычнай навукі і ў БССР. З улікам яе патрабаванняў ужо на другі семестр 1945/46 навучальнага года ў МІОІ з’явіўся план навукова-даследчай працы. У прыватнасці, ён прадугледжваў, што Б.Я. Бабіцкі падрыхтуе працу на тэму: «Западническое направление в науке истории русского права», П.І. Гаўзе – «Суд по гражданским делам в деле ликвидации последствий оккупационного режима», Л.А. Рудзіцкі – «Возникновение Белорусской ССР как суверенной республики» і «О работе сельских Советов БССР» [7, арк. 8].

На чацвёрты год працы МІОІ практычна стаў паўнаважнай вышэйшай юрыдычнай навучальнай установай. Па-першае, нарэшце больш-менш стабілізаваўся кадравы прафесарска-выкладчыцкі склад інстытута. Гэтаму садзейнічаў загад Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР ад 17 чэрвеня 1947 г. № 36. На 1947/48 навучальны год па інстытуту, згодна яму, зацверджана 39 штатных адзінак, з іх загадчыкаў кафедрамі – 9, прафесараў кафедрамі – 1, дацэнтаў кафедрамі – 10, старшых выкладчыкаў – 9, асістэнтаў – 3, выкладчыкаў – 7.

Такая наяўнасць кадраў дазволіла сфарміраваць 10 кафедраў: марксізму-ленінізму, палітычнай эканоміі, дзяржаўнага права, тэорыі дзяржавы і права, гісторыі дзяржавы і права, грамадзянскага права і працэсу, крымінальнага права, крымінальнага працэсу, замежных моў, ваенную. Недахоп іх быў галоўным чынам у тым, што яны былі малалікімі. У той жа час інстытут папоўніла плеяда кандыдатаў юрыдычных навук. Гэта Я.І. Вельдзін, І.І. Гарэлік, В.А. Дарогін, Я.М. Кульберг, Я.М. Семярыхін [8, арк. 3, 4, 27].

Па-другое, адносна вялікая колькасць кандыдатаў юрыдычных навук дазволіла па-новаму падысці да арганізацыі навукова-даследчай працы. У практыку інстытута стала ўваходзіць правядзенне навуковых канферэнцый [8, арк. 28].

Па-трэцяе, інстытут стаў выконваць план прыёму абітурыентаў на першы курс. У 1947/48 навучальным годзе пры плане набору ў 220 чалавек быў прыняты на I курс 221 чалавек, з іх 50 % удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны, 1 – Герой Савецкага Саюза. На II курс было пераведзена 206 чалавек, на III – 145, на IV – 149. Усяго навучаўся 521 студэнт.

Па-чацвёртае, паўнаважнасць заключаецца і ў тым, што ў гэтым годзе адбыўся першы выпуск высокакваліфікаваных кадраў па спецыяльнасці «юрыст» для працы ва ўсіх органах юстыцыі і пракуратуры – 91 малады спецыяліст [2, арк. 5].

Наяўнасць высокакваліфікаваных навуковых кадраў юрыстаў у інстытуце дазволіла яму скарыстацца правам, атрыманым яшчэ ў 1945/46 навучальным годзе, мець сваю аспірантуру. У 1949/50 навучальным годзе ў яе было прынята 5 чалавек, а ўсяго мелася 7 аспірантаў: па кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права гэта былі Зімяніна, С.Г. Драбязка, Н.А. Кудзінаў; па кафедры крымінальнага права – І.С. Тышкевіч і П.К. Еўдакімаў, па кафедры крымінальнага працэсу – І.І. Марціновіч, па кафедры грамадзянскага права – В.Ф. Чыгір [9, арк. 95].

1947–1948 гг. у Савецкім Саюзе адзначаны вострымі дыскусіямі па розных галінах навукі. Характэрна, што як і ў даваенны перыяд яны папярэднічалі пачатку масавых рэпрэсій. Гэта атмасфера не магла не закрануць і калектывы юрыдычных інстытутаў і факультэтаў СССР, у тым ліку прафесарска-выкладчыцкі склад і студэнтаў МЮІ.

9 мая 1949 г. Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР выдала загад № 547 «О мерах по повышению идейно-теоретического уровня преподавания юридических наук в высшей школе». Коротка адзначыўшы поспехі ў гэтай справе, загад адзначыў «крупные недостатки», у тым ліку «серьезные политические ошибки» некаторых прафесараў і выкладчыкаў юрыдычных вун, у прыватнасці, кнігі прафесара Г.С. Гурвіча, у якіх ён імкнуўся «релизовать основные положения марксистско-ленинской нау-

ки о государстве и праве, подменять их «теориями», заимствованными у буржуазных ученых, превозносил буржуазный конституционализм, не раскрывая его подлинно реакционное социально-политическое содержание» [10, арк. 102]. Крытыкавалі і прафесара І.Д. Левіна за яго працу «Суверенитет» (1948), у якой ён «извращает советскую концепцию суверенитета и пытается дать определение суверенитета, означающее по существу отрицание суверенитета малых стран и обоснование англо-американской захватнической политики». Не абыдзены быў крытыкай і акадэмік П.П. Трайнін, які ў вучэбніку па савецкай дзяржаве і праву пры вызначэнні сістэмы савецкага дзяржаўнага права «недооценил научное значение Советской Конституции», а таксама прафесары А.К. Стальгевіч, М.А. Аржанаў, А.А. Герцэнзон, К.А. Флейшыц, С.В. Юшкоў і інш. [10, арк. 103].

Як вынік усіх ідэйна-тэарэтычных разбораў цэнтр вырашыў строга кантраляваць вучэбныя праграмы, асабліва па гуманітарных дысцыплінах. У сувязі з гэтым Галоўнае ўпраўленне юрыдычных вун Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР 15 ліпеня 1949 г. усклала (на 1949/50 навучальны год) падрыхтоўку вучэбных праграм па тэорыі дзяржавы і права на кафедру тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Маскоўскага юрыдычнага інстытута пад рэдакцыяй прафесара М.Р. Аляксандрава, па гісторыі дзяржавы і права СССР – на складальнікаў прафесара С.В. Юшкова і дацэнта І.Д. Мартысевіча, па гісторыі дзяржавы і права – на калектыв складальнікаў пад рэдакцыяй прафесара С.Ф. Кечэк'яна і так па савецкаму дзяржаўнаму праву, дзяржаўнаму праву краін народнай дэмакратыі, дзяржаўнаму праву буржуазных краін і г. д. [10, арк. 213].

Часопіс «Коммунист» (1952) адзначыў запушчанае навукова-даследчай працы ў МЮІ, доўгую бясплоднасць намаганняў яго шэрагу супрацоўнікаў (дацэнтаў Волкава, Рудніцкага, Бабіцкага, Гаўзе і інш.). Аднак у справаздачы МЮІ адзначана, што за апошнія тры гады (1950–1953) вырасла праслойка кандыдатаў навук з 6 да 25 чалавек, а дацэнтаў – з 9 да 15 [11, арк. 4, 5, 7]. Кандыдацкія дысертацыі абаранілі і многія выпускнікі МЮІ, у прыватнасці, І.С. Тышкевіч, П.К. Еўдакімаў, В.А. Шкурко, В.С. Карпік. Прадставілі да абароны кандыдацкія дысертацыі В.Ф. Чыгір, Н.А. Кудзінаў, С.Г. Драбязка і І.І. Марціновіч. Прадаўжалі працаваць над навуковымі працамі 7 чалавек [12, арк. 208–210].

Як бачна, у МЮІ паступова складваўся прафесіянальны выкладчыцка-навуковы калектыв, які заклаў асновы для далейшага развіцця юрыдычнай навукі ў Беларусі. Гэту працу прадоўжыў юрыдычны факультэт БДУ, які быў утвораны на базе МЮІ. Апошні перадаў універсітэту 10 кафедраў, на якіх працавалі 20 дацэнтаў, 19 старшых выкладчыкаў [13, арк. 1–3, 5].

У адпаведнасці з пастановай Савета Міністраў СССР і ЦК КПСС ад 30 жніўня 1954 г. юрыдычныя факультэты ўніверсітэтаў сталі рыхтаваць студэнтаў па спецыяльнасці «Правазнаўства». Таму былі перагледжаны вучэбныя планы і вучэбныя праграмы па розных юрыдычных дысцыплінах. У адпаведнасці з новым вучэбным планам некаторыя прадметы былі выключаны з яго і адначасова ўведзены новыя: «Прокурорский надзор в СССР», «Советская судебная статистика» і інш. Асабліва ўвага надавалася крымінальнаму, грамадзянскаму, грамадзянска-працэсуальнаму, працоўнаму, зямельнаму, калгаснаму і фінансаваму праву; лабараторным заняткам па крыміналістыцы; вытворчай практыцы. Вынікам вучобы студэнтаў павінны былі стаць залікі па 4 курсавых працах і прыкладна 4-5 экзаменаў у сесію. Значна былі пашыраны правы рэктараў ўніверсітэтаў, дэканаў, загадчыкаў кафедраў ў вызначэнні штатаў выкладчыкаў, расстаноўкі навуковых кадраў.

Важным для разумення развіцця юрыдычнай навукі і адукацыі БССР, як і іншых савецкіх рэспублік, быў і Закон СССР ад 11 лютага 1957 г. «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия Гражданского, Уголовного и Процессуальных кодексов» [14]. У выніку адмянялася ўведзеная Канстытуцыяй СССР 1936 г. празмерная цэнтралізацыя ў галіне правасуддзя, грамадзянскага, крымінальнага і працэсуальнага заканадаўства. Адначасова гэта дазволіла саюзным рэспублікам аднавіць сваё заканадаўства ў гэтых галінах права, улічваючы свае нацыянальныя і бытавыя асаблівасці. За Саюзам ССР зберагалася права ўстанаўлення асноў крымінальнага, грамадзянскага і працэсуальнага заканадаўства, а таксама заканадаўства ў галіне правасуддзя.

Менавіта ў гэтым напрамку адбываліся навукова-даследчыя напрацоўкі юрыдычнага факультэта БДУ імя У.І. Леніна. У 1960 г. да іх далучыліся і даследчыкі кафедраў філасофіі і права Беларускага дзяржаўнага інстытута народнай гаспадаркі, арганізаванай на аснове загада № 747 Міністэрства вышэйшай, сярэдняй спецыяльнай і прафесійнай адукацыі ад 21 лістапада 1960 г. [15, арк. 180]. Пазней там была ўтворана самастойная кафедра савецкага права. З 16 мая 1958 г. у Мінску пачало працаваць аддзяленне факультэта завочнага навучання Вышэйшай школы МУС СССР. З 1 студзеня 1976 г. была ўтворана Мінская вышэйшая школа Міністэрства ўнутраных спраў СССР [16, арк. 69]. З 1 мая 1978 г. да гэтых юрыдычных устаноў далучылася аддзяленне правазнаўства Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта, на аснове якога ў 1981 г. быў сфарміраваны факультэт правазнаўства.

У гэты перыяд праведзена маштабная кадыфікацыя права на аснове прыняцця Асноў саюзнага заканадаўства і саюзных рэспублік па роз-

ных галінах права. Толькі ў 1958–1977 гг. было прынята пятнаццаць такіх Асноў. На іх аснове саюзныя рэспублікі прынялі свае кодэксы; у БССР – 11 кодэксаў (Крымінальны, Грамадзянскі, Зямельны, Водны і інш.). Невыпадкова, што толькі ў 1959 г. калектывы кафедраў юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ўдзельнічалі ў падрыхтоўцы 7 праектаў заканадаўчых актаў: праекта закона аб судаўладкаванні Беларускай ССР, праектаў Крымінальнага кодэкса, Крымінальна-працэсуальнага кодэкса, Грамадзянскага кодэкса, Грамадзянска-працэсуальнага кодэкса, КзоТ БССР і праекта Кодэкса аб шлюбе, сям’і і апецы [18, арк. 107]. Па пытаннях судаводства, крымінальна-прававой і грамадзянска-прававой навукі найперш і быў здзейснены сапраўдны прарыў у даследаваннях беларускіх вучоных.

Развіццё навукова-тэхнічнай рэвалюцыі ў свеце патрабавала адэкватных мер з боку кіраўніцтва СССР і саюзных рэспублік. Невыпадкова для актывізацыі якасці навуковых даследаванняў і павышэння прэстыжнасці прафесарска-выкладчыцкай дзейнасці мела пастанова ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР ад 28 студзеня 1960 г. № 127 «О мерах улучшения качества диссертационных работ и порядка присуждения ученых степеней и званий». У гэтай пастанове прыцягвае ўвагу і сёння рашэнне аб прадастаўленні ВАКу права дазваляць саветам вучы і навукова-даследчых устаноў прымаць да абароны на суісканне вучонай ступені кандыдата і доктара навук нароўні з дысертацыямі надрукаваных працы, якія ўзбагацілі навуку і тэхніку новымі рашэннямі, адкрыццямі, а таксама найбольш буйныя вынаходніцтвы, якія маюць вялізнае народнагаспадарчае значэнне, укаранёныя ў вытворчасць, надрукаваныя і зарэгістраваныя Камітэтам па справах вынаходніцтваў і адкрыццяў (п. 4).

Не менш важнае значэнне мела рашэнне дазволіць ВАКу па хадатайніцтву саветаў вучы і навукова-даследчых устаноў прысвойваць, у парадку выключэння, вучоным званні дацэнта або прафесара выкладчыкам вучы, якія маюць вялізны стаж навукова-педагагічнай працы, надрукаваныя навуковыя працы і вучэбна-метадычныя дапаможнікі, і чытаюць лекцыі на высокім навукова-метадычным узроўні з выкарыстаннем сучасных дасягненняў навукі і тэхнікі (п. 15) [19, арк. 1а–2а].

Характэрна, што ў БССР за 1950-я гг. лік навуковых работнікаў павялічыўся больш, чым у 2,5 раза і на 1960 г. дасягнуў 6 840 чалавек. З іх 181 мелі вучоную ступень доктара навук і 2 013 – кандыдата навук [20, арк. 72]. Нават толькі гэты факт сведчыць пра тое, якую ўвагу надавала дзяржава ў цэлым і рэспубліка ў прыватнасці справе развіцця навукі і тэхнікі. Далейшым клопатам аб паляпшэнні падрыхтоўкі навуковых

кадраў была прасякнута і пастанова ЦК КПБ і Савета Міністраў БССР ад 9 верасня 1961 г. № 545 «О мерах по улучшению подготовки научных и научно-педагогических кадров в Белорусской ССР». Па сутнасці, яна ў пэўнай ступені паўтарала пастанову ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР ад 13 чэрвеня 1961 г. № 536 «О мерах по улучшению подготовки научных и научно-педагогических кадров». Пастанова дазваляла вну вызваляць ад педагагічнай работы кандыдатаў навук тэрмінам да двух гадоў, якія валодалі сур'ёзнымі даследчымі напрацоўкамі і адобраныя саветамі вну планы навуковай працы па важных народнагаспадарчых або тэарэтычных пытаннях, з пераводам іх у лік старшага або малодшага навуковага супрацоўніка, для падрыхтоўкі доктарскіх дысертацый. Аб выніках сваёй працы яны павінны былі прадстаўляць навуковую справаздачу (п. 5а).

Вну атрымалі права на камандзіраванне ў другія вну, навукова-даследчыя ўстановы сваіх супрацоўнікаў для выканання даследаванняў на тэрмін да шасці месяцаў са зберажэннем зарплаты. Ім аплачваўся кошт жылля, праезд, сутачныя, але не больш, чым на два месяцы (п. 5 б). Пэўную льготу атрымоўвалі і аспіранты-завочнікі, якія вызваляліся ад асноўнай працы на адзін дзень у тыдзень на працягу чатырох гадоў навучання, з аплатай яго ў памеры 50 % атрымоўваемай зарплаты (п. 5 г) [20, арк. 74].

Важным нарматыўным прававым актам, які аказаў уплыў на развіццё навукі і тэхнікі Беларусі, была пастанова ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР ад 20 лютага 1964 г. № 163 «О дальнейшем развитии научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» [21, арк. 3]. У мэтах больш шырокага прыцягнення прафесарска-выкладчыцкага складу для выканання навукова-даследчых прац пастанова дазваляла штатнае сумяшчальніцтва выкладчыкам вну ў розных установах, выконваючых работы, звязаныя з развіццём найбольш важнейшых для народнай гаспадаркі галінах з выплатай да 50 % службовага акладу займаемай пасады. Сумяшчальніцтва дазвалялася толькі па адной пасадзе пры наяўнасці дазволу кіраўнікоў вну і зацікаўленых устаноў.

Непасрэдна на далейшае развіццё юрыдычнай навукі Беларусі мела пастанова ЦК КПСС ад 5 кастрычніка 1964 г. «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране». У ёй адзначана асаблівае значэнне права для пабудовы камуністычнага грамадства і адначасова вызначаны недахопы ў развіцці юрыдычнай навукі і адукацыі. У прыватнасці адзначалася, што нават сярод супрацоўнікаў органаў пракуратуры, судаў, адвакатуры многія не мелі вышэйшай юрыдычнай адукацыі, таму ЦК КПСС вызначыў пэўныя

меры па павелічэнню і паляпшэнню падрыхтоўкі юрыдычных кадрў; прапанаваў спецыялізацыю студэнтаў з улікам іх будучай працы; уключэнне ў вучэбныя планы такіх курсаў, як савецкае будаўніцтва, гаспадарчае права, судовая псіхалогія, выпраўленча-працоўнае права; патрабаваў арганізацыю спецыяльнай юрыдычнай падрыхтоўкі работнікаў савецкіх і гаспадарчых органаў, дзейнасць якіх непасрэдна звязана з прымяненнем заканадаўства; павышэння якасці навуковых прац, а таксама выдаваемых нарматыўных прававых актаў [22].

У цэлым 1960-я гг. характарызуюцца больш інтэнсіўным развіццём заканадаўства і тэорыі права. Пачынаючы з праекту хрушчоўскай адлігі ў грамадстве, найперш сярод прававедаў, пад уздзеяннем пэўнай разрадкі міжнароднай напружанасці, пазітыўных геапалітычных зменаў у свеце, больш шырокага абмену дэлегацыямі сацыялістычных і капіталістычных краін усё больш актыўна фарміруецца думка аб неабходнасці забяспечыць верхавенства права і закона, гарантыі правоў асобы. У большай ступені яна атрымала адлюстраванне ў праекце Канстытуцыі СССР 1964 г. і ў некаторай ступені – у саюзнай Канстытуцыі 1977 г., Канстытуцыі БССР 1978 г. Зроблена спроба некаторага размежавання заканадаўчай кампетэнцыі СССР і саюзных рэспублік, хоць і ў межах жорсткага прававога ўнітарызму.

Прынятыя пастановы саюзных і рэспубліканскіх органаў аказалі непасрэдна ўплыў на далейшае развіццё юрыдычнай навукі і адукацыі БССР. Дзякуючы ім БДУ імя У.І. Леніна з 1960 г. было прадастаўлена права прымаць да абароны доктарскія і кандыдацкія дысертацыі, прадстаўленне да зацвярджэння ў вучонай ступені доктара навук і прысуджэння на аснове абароны вучонай ступені кандыдата навук [19, арк. 13]. Такое ж права атрымаў Аб'яднаны савет Аддзялення грамадскіх навук АН БССР [19, арк. 19]. Станоўча паўплывала на развіццё юрыдычнай навукі арганізацыя ў 1968 г. пры БДУ імя У.І. Леніна выдавецтва (першапачаткова было ўтворана ў 1954 г., а затым ліквідавана) [23, арк. 95], а таксама часопіса «Вестник БГУ имени В.И. Ленина» (4 серыі па 3 нумары ў год кожнай серыі) [24, арк. 68].

Накіраванасць навуковай дзейнасці кафедраў юрыдычнага факультэта БДУ ў 1960-х гг. заставалася ранейшай. Прадаўжалася праца над дапаможнікамі і вучэбнікамі, кандыдацкімі і доктарскімі дысертацыямі, а таксама над палажэннямі і нормаў праектаў розных кодэксаў БССР, іншых нарматыўных прававых актаў. У працэсе працы над кодэксамі, асабліва над праектамі Крымінальнага і Крымінальна-працэсуальнага кодэксаў, узнік шэраг спрэчных пытанняў сярод даследчыкаў. Дзеля ўнясення ў іх большай яснасці былі выдадзены тры выпускі зборніка

артыкулаў «Вопросы уголовного права и процесса» (1958, 1959, 1960). У іх кожны з аўтараў выказаў свой пункт гледжання [25, арк. 69–70]. Безумоўна, што такі падыход дазволіў больш якасна падрыхтаваць названыя вышэй кодэксы.

У гэты перыяд адбылася адна з важнейшых падзей для гісторыі юрыдычнай навукі і адукацыі Беларусі. З 1963 г. дацэнт І.А. Юхо ўпершыню ў айчыннай юрыдычнай адукацыі стаў выкладаць для студэнтаў юрыдычнага факультэта БДУ новую вучэбную дысцыпліну – «Гісторыю дзяржавы і права Беларусі». Гэтым актам быў пакладзены пачатак як набыццю ведаў, уменняў і навыкаў па гісторыка-прававой навукцы Беларусі, што прыкметна павышала самасвядомасць студэнтаў, так і больш актыўнаму навуковаму даследаванню розных пытанняў дзяржаўнасці і права нашай Айчыны.

Актыўна працавалі і іншыя даследчыкі. Выконваючы абавязкі прафесара А.В. Дулаў паспяхова абараніў доктарскую дысертацыю на тэму «Процессуальные проблемы судебной экспертизы» (1963), а дацэнт І.І. Гарэлік прадставіў да абароны доктарскую «Преступления, опасные для жизни и здоровья», надрукаваў манаграфію «Ответственность за оставление в опасности по советскому уголовному праву» (1960). Старшы навуковы супрацоўнік І.І. Марціновіч працавала над доктарскай «Развитие суда в БССР». Дацэнт І.С. Тышкевіч, апрача працы над доктарскай, закончыў манаграфію «Вопросы квалификации превышения пределов необходимой обороны», а дацэнт А.С. Фарфель, апрача работы над доктарскай «Борьба народных масс против контрреволюционной юстиции буржуазного Временного правительства», надрукаваў брашуру «Народные университеты правовых знаний». Выконваючы абавязкі дацэнта П.А. Дубавец пасля абароны кандыдацкай дысертацыі ў Інстытуце дзяржавы і права АН СССР у 1962 г. выдаў манаграфію «Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву» (1964) [21, арк. 129–132].

Пэўны ўнёсак здзейснілі і вучоныя-юрысты Беларускага інстытута народнай гаспадаркі (БИНГ) у 1966 г.: кандыдат юрыдычных навук А.Г. Новікаў падрыхтаваў манаграфію «Правовое положение межколхозных строительных организаций», дацэнт М.М. Авакаў – манаграфію «Основные проблемы правопреемства в международном праве», а прафесар М.М. Браганскі – манаграфію «Общее учение о хозяйственных договорах» [26, арк. 118–119]. Для малалікай кафедры БИНГ, якая пачала сваю дзейнасць толькі з канца 1960 г. і называлася першапачаткова кафедрай філасофіі і права, гэта выдатны паказчык [27, арк. 180].

У цэлым 1960-я гг. сталі пэўным уздымам развіцця юрыдычнай навукі Беларусі. Упершыню менавіта ў гэты час шэраг кандыдатаў юрыдыч-

ных навук, дацэнтаў паспяхова абаранілі свае доктарскія дысертацыі. Гэта А.В. Дулаў, Ф.І. Гаўзе, І.І. Гарэлік, С.В. Курылёў, І.І. Марціновіч, М.Р. Юркевіч, І.С. Тышкевіч з БДУ імя У.І. Леніна, С.П. Маргунскі з Інстытута філасофіі і права, М.І. Браганскі, К.П. Уржынскі і М.М. Авакаў з Беларускага інстытута народнай гаспадаркі, Л.В. Багрый-Шахматаў з Мінскай вышэйшай школы МУС СССР.

Такім чынам, выкладзены матэрыял дазваляе заключыць, што ў 1940–1960-х гг. дзякуючы зацікаўленасці Савецкай улады юрыдычная навука Беларусі пачала пасля вайны паспяхова аднаўляцца, атрымала далейшае плённае развіццё. Калі першапачаткова навуковую юрыдычную дзейнасць распачаў МЮІ, то ў 1960-х гг. – цэлы шэраг вышэйшых навучальных устаноў, хоць галоўную ролю адыгрываў юрыдычны факультэт БДУ, а таксама навуковыя ўстановы. Калі 1940–1950-я гг. былі часам фарміравання навуковых даследаванняў, што вылілася, у прыватнасці, у абарону кандыдацкіх дысертацый, то ў 1960-я гг. – пэўны ўздым юрыдычнай навукі Беларусі, што праявілася і ў з’яўленні першых доктарскіх дысертацый па юрыспрудэнцыі.

Характэрна, што навуковыя працы, напісаныя ў савецкі перыяд гісторыі, зыходзілі найперш з тых асноватворчых устаноў Камуністычнай партыі і кіраўніцтва Савецкага Саюза, нормаў і палажэнняў заканадаўства СССР і Беларускай ССР. З пазіцыі цяперашняй навукі і тых магчымасцей, якія адкрыліся перад вучонымі ў Рэспубліцы Беларусь, у гэтых працах ёсць і пралікі, пэўныя недахопы. У той жа час яны багатыя на факталагічны матэрыял, які і сёння можна карысна выкарыстоўваць, на метадалагічныя падыходы, прыёмы раскрыцця і тлумачэння тых ці іншых нормаў права, напісаныя на дастаткова высокім навуковым узроўні.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1110. – Воп. 1. – Спр. 3.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1110. – Воп. 1. – Спр. 1.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1110. – Воп. 1. – Спр. 5.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1110. – Воп. 1. – Спр. 2.
5. Выше качество юридического образования // Социалист. законность. – 1949. – № 9. – С. 1–3.
6. Мовшович, М.И. Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции (по материалам на 1-е июля 1947 г.) / М.И. Мовшович. – М. : Совет. наука, 1948. – 616 с.
7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1110. – Воп. 1. – Спр. 12.
8. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1110. – Воп. 1. – Спр. 28.
9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1110. – Воп. 1. – Спр. 28.

10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1110. – Воп. 1. – Спр. 44.
11. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1110. – Воп. 1. – Спр. 160.
12. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1110. – Воп. 1. – Спр. 63.
13. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1110. – Воп. 1. – Спр. 236.
14. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1957. – № 4. – Ст. 63.
15. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 51.
16. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 4. – Воп. 133. – Спр. 35.
17. Сільчанка, М.У. Юридический факультет ГрГУ имени Янки Купалы / М.У. Сільчанка // Юридический факультет. – Режим доступа: http://www.lf.grsu.by/index.php?option=com_content. – Дата доступа: 07.03.2018.
18. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 5.
19. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 45.
20. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 129.
21. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 606.
22. Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» – программа деятельности юридических вузов страны // Правоведение. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. – № 1. – С. 188–192.
23. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 205. – Воп. 1. – Спр. 1015.
24. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 1277.
25. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 57.
26. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 968.
27. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 51.

УДК 340

А.В. Григорьев

СОВЕТСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА О ТЕОРИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

В результате революционных событий 1917 г. произошли коренные преобразования во всех сферах общественной жизни. В юриспруденции на смену методологическому плюрализму приходит диктат марксистской классовой теории, не допускавшей альтернативных подходов и политико-правовых концепций. В этих условиях многообразие политико-правовой мысли отрицается советской юридической методологией. В результате основные направления в теории права дореволюционного периода (историческая школа права, юридический позитивизм, социологическая юриспруденция, психологическая школа права и др.) подвергались критике за игнорирование классового начала, непонимание классовой сущности государственно-правовых явлений. Некоторые теоретические наработки предшествующего периода не были восприня-

ты советским правоведением, так как оценивались с классовых позиций и объявлялись «буржуазными». К их числу следует отнести и теорию правового государства.

В отличие от теории правового государства в марксистской доктрине государство выступало органом насилия, служащим интересам только экономически и политически господствующего класса, и совершенно по-иному, с классовых позиций, трактовались понятия «законность», «народ», «социальная справедливость», «свобода» и др. Следовательно, созданное государство стало орудием подавления политических противников Советской власти, орудием подавления инакомыслия. Руководители государства, объединив в руках партии рычаги всех ветвей власти, совершали без учета специфики социально-экономических условий внеправовые эксперименты – от насильственной коллективизации сельского хозяйства и массового переселения народов до безжалостного уничтожения неугодных режиму лиц [1, с. 114]. Можно утверждать, что в силу ряда объективных и субъективных причин вместо диктатуры пролетариата в стране установилась диктатура партийно-государственного аппарата.

В этой связи теория правового государства (как государства, связанного правом) была объявлена буржуазной лженаукой, используемой идейными противниками коммунизма в пропагандистских и подрывных целях. Такое официальное отношение к доктрине правового государства впервые было сформулировано в докладе известного деятеля большевистской партии и советского правительства Л.М. Кагановича, который, критикуя определение советской республики как государства правового, осуществляющего свою деятельность в условиях правового режима, заявил: «Вряд ли нужно доказывать всю путанность и вредность этой немарксистской формулировки т. Малицкого. Ведь мы отвергаем понятие правового государства даже для буржуазного государства. Как марксисты, мы считаем, что буржуазное государство, прикрываемое формой права, закона, демократии, формального равенства, по сути дела есть не что иное, как буржуазная диктатура. Понятие „правовое государство“ изобретено буржуазными учеными для того, чтобы скрыть классовую природу буржуазного государства» [2, с. 9]. В результате сторонники этой теории подвергались политическим преследованиям, а основные ее положения либо категорически отвергались, либо искажались в угоду политическому произволу.

С точки зрения классового подхода рассматривались и многие другие доктринальные положения теории государства и права. Так, на совещании Института права АН СССР по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) было одобрено определение права: «Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего

класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» [3]. В этой связи среди ученых-юристов наметилась тенденция критического переосмысления многих теоретических подходов и концепций, сложившихся до 1938 г. с точки зрения их враждебности и антисоветского содержания.

Отсюда понятно, что в годы методологического господства марксизма-ленинизма непредвзятый анализ государственно-правовых проблем был попросту невозможен. По мнению современных исследователей, требовалась критика буржуазных ученых, мыслителей предшествующих времен, выражавших в своих взглядах, как считалось, интересы экономически господствующего класса. Фактически речь шла о том, что фундамент подлинно научного изучения любой проблемы заложен трудами классиков марксизма, указывавших на значение экономических факторов и классовой борьбы в развитии общественной, в том числе и политической, идеологии. В советское время теория разделения властей как атрибут правового государства считалась учением буржуазным и подвергалась критике, и не могло быть и речи о нормальной разработке истории идей о разделении властей, проблемах функционирования законодательной, исполнительной и судебной властей [1; 4, с. 20].

Вследствие отрицания теории правового государства и его принципов советская юридическая наука односторонне исследовала вопросы взаимодействия между государственными органами, так как под разделением властей понималось «наделение каждого органа возможностью противопоставить свое мнение решению другого органа» [5, с. 129]. Неудивительно, что советская наука отвергла принцип разделения властей, поскольку принцип организационно-правового единства государственной власти нашел закрепление на уровне Основного Закона государства. Так, ст. 6 Конституции СССР 1977 г. гласила: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза» [6]. Отсюда понятно, почему «ученые испытывали на себе колоссальное давление идеологической политики КПСС, а научные исследования были ориентированы, определялись и обслуживали ее» [7, с. 20]. Таким образом, Советская власть основывалась на конституционном принципе организационно-правового единства государственной власти, система сдержек и противовесов в СССР отсутствовала, а концепция разделения властей, по мнению советских

ученых, имела четкую классовую направленность, являясь атрибутом буржуазной демократии.

Отметим, что советская юридическая наука критиковала не только теорию правового государства, но и антимарксистскую литературу по вопросам государства в целом. Так, труды немецких ученых, среди которых Г. Кельзен, Ф. Ленц, Г. Кунов, Г. Сультанов, К. Каутский, М. Адлер, были подвергнуты критике в работе Я.С. Вольфсона «Кельзен, Ленц и Ко: к противомарксистской атаке в вопросах государства» [8]. Данное обстоятельство объясняется своеобразием советской теории государства и права, которая «в своих основных положениях прямо опиралась на материал истории политических и правовых учений, но только на положения работ классиков марксизма-ленинизма. Почти все содержание немарксистской истории политических и правовых учений отвергалось и служило предметом критики с классовых позиций» [9, с. 3]. Это свидетельствует об отрицании теории правового государства как идеологически не соответствующей общей стратегической цели социалистического государства.

Таким образом, советское государствоведение отвергало прогрессивное наследие либеральной дореволюционной политико-правовой мысли по проблемам теории правового государства, представленное в трудах А.С. Алексеева, Н.М. Коркунова, С.А. Котляревского, Ф.Ф. Кошкина, М.М. Ковалевского и др. Можно согласиться с тем, что многие проблемы правового государства, находящиеся в центре внимания современной зарубежной и отечественной юриспруденции, уже освещались в политико-правовой мысли конца XIX – начала XX в., однако дискретность в развитии юридической науки явилась препятствием для их дальнейшего научного анализа. Представляется, что идеи дореволюционных ученых в определенной мере могут стать теоретической основой для анализа теории правового государства.

Список использованных источников

1. Вишневский, А.Ф. Основные признаки правового государства в современной юридической науке / А.Ф. Вишневский // Демократическое социальное правовое государство – основной вектор развития Республики Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 11 марта 2009 г. / М-во юстиции Респ. Беларусь ; редкол.: В.Г. Голованов [и др.]. – Минск, 2009. – С. 110–115.
2. Каганович, Л.М. Двенадцать лет строительства Советского государства и борьба с оппортунизмом / Л.М. Каганович // Совет. государство и революция права. – 1930. – № 1. – С. 7–43.
3. Основные задачи советского социалистического права : материалы первого совещ. науч. работников права, 16–19 июня 1938 г. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 192 с.

4. Липень, С.В. Теоретические проблемы государственности и права в политико-правовых учениях XVII – начала XX в. : монография / С.В. Липень ; под науч. ред. В.В. Лазарева. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 238 с.

5. Барнашов, А.М. Принцип разделения властей и механизм современного буржуазного государства / А.М. Барнашов // Конституционное законодательство и государственное управление в условиях совершенствования социалистического общества : сб. ст. / Том. гос. ун-т ; под ред. В.Ф. Воловича, А.И. Кима. – Томск, 1988. – С. 129–138.

6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 года // Сборник нормативных актов по советскому государственному праву. – М., 1984. – С. 97–128.

7. Шиенок, В.П. Методологические проблемы криминологии / В.П. Шиенок // Юстыця Беларусі. – 2006. – № 11. – С. 20–24.

8. Вольфсон, Я.С. Кельзен, Ленц и Ко: к противомарксистской атаке в вопросах государства / Я.С. Вольфсон. – Минск : Изд. Исполбюро Пролетстуда БГУ, 1925. – 47 с.

9. Липень, С.В. Проблемы взаимосвязи теоретического и исторического юридического научного знания / С.В. Липень // Проблемы взаимосвязи теоретического и исторического юридического научного знания : сб. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; под ред. В.В. Лазарева, С.В. Липеня. – Минск, 2012. – С. 3–9.

УДК 343

А.В. Кацеев

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ В СОВЕТСКОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ 20-х гг. XX в.

Октябрьский переворот осенью 1917 г. и создание Советского государства открыли путь к становлению белорусской национальной государственности, которая происходила в сложных внутри- и внешнеполитических условиях. Большевики во главе с В.И. Лениным на практике попытались реализовать марксистские идеи о построении коммунистического общества через диктатуру пролетариата, фактически власти не ограниченной законом. Как отмечал С.С. Алексеев, диктатура пролетариата представлялась правом «во имя коммунизма идти на любые шаги, на любые акции для торжества светлых идей, всеобщего счастья» [2, с. 154]. Этим объясняются многочисленные репрессии и злоупотребления, которые санкционировались советским правительством в годы «красного террора». Одним из первых мероприятий большевиков стала ликвидация законодательства Российской империи и Временного правительства, хотя некоторые нормативные правовые акты, не противопо-

речащие политике советского правительства, продолжали действовать. В свою очередь, новое законодательство должно было учитывать идеологическую основу политической программы партии большевиков и носить по истине «революционный» характер, неудивительно, что и правотворчество в этот период также стало «революционным». На V Всероссийском съезде Советов В.И. Ленин заявил, что «плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходный период имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется» [2, с. 120]. Однако непродуманность многих решений большевистского правительства привела к появлению фактически правового вакуума, когда многие старые законы не действовали, а новые еще не были введены. Более того, новое законодательство, в условиях борьбы за сохранение власти, не могло охватить все стороны жизни и тем самым гарантировать обеспечение прав и свобод граждан. В условиях несовершенства правовой составляющей Советского государства правоприменители опирались в своей деятельности на революционную целесообразность, а революционное правосознание становилось источником права [1, с. 21]. Как указывает Д.М. Фельдман, даже постановление «О точном соблюдении законов»¹, принятое на Чрезвычайном VI Всероссийском съезде Советов зафиксировало «отказ от законности ради целесообразности» [11, с. 128]. Окончание Гражданской войны и переход к новой экономической политике привели к критике «революционного правотворчества» и «революционного правосознания», а в 1921 г. на IX Всероссийском съезде Советов была провозглашена доктрина законности. Однако что понималось под законностью? После IX Всероссийского съезда Советов в советской юридической печати началась открытая полемика по проблеме определения законности, вернее, революционной законности. Знаковой в этом плане стала публикация А.Н. Трайнина в журнале «Право и жизнь». В своей статье он указывал, что законность «не бывает дурной или хорошей, правой или левой, революционной или реакционной» [10, с. 6]. Революционную законность, по мнению А.Н. Трайнина, необходимо рассматривать только как законность в революционную эпоху [10, с. 7]. При этом сама законность – «это верность законам, равно обязательная для власти и граждан» [10, с. 5]. Схожей с ним позиции придерживался Д.И. Гомберг, который понимал, правда, революционную законность как «соблюдение

¹ Интересен такой факт: в сборнике документов «Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937)», изданном в 1940 г. под редакцией А.Я. Вышинского, это постановление называется «О революционной законности» [6, с. 39–40].

и правильное проведение в жизнь законов и распоряжений правительственной власти» [5, с. 60].

Появление публикации Трайнина, в которой под сомнение ставилось само существование революционной законности, не могло не вызвать возмущения в советских юридических кругах. Так, критические замечания на статью Трайнина опубликовал в «Еженедельнике советской юстиции» Я.Н. Бранденбургский. Указывая на идеологически неверный подход профессора Трайнина, он дал свое определение революционной законности, которую понимал как «более свободную оценку интересов, которые сталкиваются в конкретных случаях жизни, направленную к ограждению интересов рабоче-крестьянского государства и нужд трудящихся» [3, с. 2]. Более того, по Бранденбургскому, революционная законность не только не исключает революционную целесообразность, но и должна комбинироваться с последней, чтобы достичь цели, поставленной «историей развития революции» [3, с. 2]. В этот период обсуждение революционной законности происходило не только на страницах периодических изданий, но и на заседаниях различных обществ, клубов и кружков. Ход и итоги таких обсуждений также публиковались. В качестве примера можно привести публикацию в «Вестнике советской юстиции», на страницах которого в 1926 г. представлено обсуждение революционной законности на заседании Украинского юридического общества в Одессе [4]. С докладом «Проблема революционной законности» выступил профессор П.М. Толстой, который обозначил не только свое определение и понимание революционной законности, но и указал на отсутствие в советской юридической науке единого ее определения. Данный доклад интересен еще и тем, что Толстой привел три определения революционной законности с указанием авторов – Сольца, Крыленко, Стучки, – которые, являясь крупными советскими чиновниками, определяли направления развития советской правовой мысли. Так, по мнению члена Верховного суда СССР А.А. Сольца, революционная законность характеризовалась исполнением только тех законов, которые в соответствии с решениями судей или администраторов соответствовали «жизни». В отличие от А.А. Сольца заместитель наркома юстиции РСФСР Н.В. Крыленко указывал, что судьи и администраторы должны безусловно подчиняться центральной власти, тем самым деятельность судей и чиновников по проведению революционных законов ограничивалась не их личными представлениями, а потребностями центральных властей. Позиции А.А. Сольца и Н.В. Крыленко по определению революционной законности П.М. Толстой признавал в своем докладе неприемлемыми из-за уклона как в сторону «свободного правотворчества», так и в сторону активного приспособления законов к революционной

целесообразности. В отличие от них, позиция председателя Верховного суда РСФСР П.И. Стучки, по мнению докладчика, являлась наиболее соответствующей «в условиях официального провозглашения диктатуры» [4, с. 810]. В соответствии с ней революционная законность представляла более «гибкую законность», наряду с соблюдением революционных законов, позволявшую более широкое толкование тех либо иных норм, но только в пределах закона [9]. В то же время в среде военных юристов определение революционной законности скорее соответствовало взглядам А.Н. Трайнина. Так, С.Н. Орловский и В.И. Малкис (военные прокуроры в середине 20-х гг. XX в.) рассматривали революционную законность с позиции соблюдения органами власти, гражданами и всеми проживающими на территории СССР лицами законов рабоче-крестьянского правительства, соответствие единому закону обязательных постановлений, издаваемых местными органами власти, и обеспечение законом прав населения [7, с. 17].

Таким образом, в советской правовой мысли 20-х гг. XX в. не сформировалось единого взгляда в определении революционной законности. Стремление уйти от «буржуазного» определения законности, влияние правового нигилизма 1917–1919 гг. и желание обосновать проводимую советским правительством новую экономическую политику вылилось в активные поиски определения и обоснование революционной законности, которая после начала строительства социализма в отдельно взятой стране и укрепления личной диктатуры И.В. Сталина трансформировалась в социалистическую законность. Последняя, в свою очередь, рассматривалась как «строгое и неуклонное соблюдение и исполнение советских законов всеми органами Советского государства, всеми учреждениями и общественными организациями, должностными лицами и гражданами» [8, с. 20].

Список использованных источников

1. Абдурахманова, И.В. Рефлексия «революционной законности» в массовом правосознании 1917–1921 гг. / И.В. Абдурахманова // Философия права. – 2008. – № 3. – С. 20–25.
2. Алексеев, С.С. Собрание сочинений : в 10 т. / С.С. Алексеев. – М. : Статут, 2010. – Т. 7 : Философия права и теория права. – 520 с.
3. Бранденбургский, Я.Н. Просто законность или революционная законность / Я.Н. Бранденбургский // Еженедельник совет. юстиции. – 1922. – № 31–32. – С. 1–2.
4. Вопросы революционной законности и революционной целесообразности: [В Украинском юридическом обществе. В Одесском отделении УЮРО] // Вестн. совет. юстиции. – 1926. – № 20. – С. 809–811.

5. Гомберг, Д.И. Революционная законность и Дома Крестьянина / Д.И. Гомберг // Революц. законность. – 1926. – № 5–6. – С. 60–62.

6. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937) : сб. док. / Акад. наук СССР ; под общ. ред. А.Я. Вышинского. – М. : Ведомости Верхов. Совета РСФСР, 1940. – 298 с.

7. Орловский, С.Н. Революционная законность и Красная Армия / С.Н. Орловский, В.И. Малкис. – М. : Воен. вестн., 1926. – 75 с.

8. Строгович, М.С. Избранные труды : в 3 т. / С.М. Строгович. – М. : Наука, 1990. – Т. 1 : Проблемы общей теории права. – 304 с.

9. Стучка, П.И. Революционная законность (Итоги и перспективы) / П.И. Стучка // Совет. юстиция. – 1930. – № 10. – С. 1–2.

10. Трайнин, А.Н. О революционной законности / А.Н. Трайнин // Право и жизнь. – 1922. – Кн. 1. – С. 5–8.

11. Фельдман, Д.М. На стыке традиций. Материалы к истории термина «законность» в советском государстве / Д.М. Фельдман // Эдиционная практика и проблемы текстологии. – М. : РГГУ, 2006. – С. 120–128.

УДК 340.12

Д.А. Воронаев

ПОИСКИ ОСНОВАНИЙ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ ПРАВОВЕДОВ В НАЧАЛЕ XX в. (НА ПРИМЕРЕ СИНТЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРАВОПОНИМАНИЮ А.С. ЯЩЕНКО)

Сегодня не прекращаются философско-правовые дискуссии, касающиеся оценки сложившейся в юридической науке ситуации методологического плюрализма, связанной с существованием ряда концепций правопонимания, поиска предельных оснований права. В качестве одного из вариантов путей развития юридической науки рассматривается создание интегративной (интегральной) теории права.

Одним из ярких представителей такого подхода к пониманию права является Александр Семенович Ященко (24.02.1877 – 10.06.1934) – русский юрист, правовед, философ, библиограф. Изучение предложенной им концепции синтетического правопонимания и сегодня представляет значительный интерес. Во-первых, любопытен сам ход мысли ученого и выводы, к которым он приходит, реализуя идею интегративности в праве. Во-вторых, особая ценность работы состоит в том, что она была задумана как попытка преодоления разногласий сторонников естественно-правового подхода к пониманию права и нормативизма и

была написана задолго до того, как обозначенные в ней вопросы приобрели особую актуальность. Так, по мнению А.Е. Кравченко, развитие идеи этико-правового синтеза привело ученого к построению теории, во многом превосхитившей появление современных интегральных (интегративных) концепций правопонимания [1, с. 12].

Обосновывая актуальность и новизну своего исследования «Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства» А.С. Ященко упрекает ученых-предшественников и современников в искусственном упрощении, односторонности (монизме) воззрений на общество, право и другие явления действительности, когда необходимо исходить из идеи «всеединства», которую правовед почерпнул у В.С. Соловьева. Следует отметить, что творчество известнейшего русского религиозного философа и правоведа В.С. Соловьева оказало сильнейшее влияние на А.С. Ященко и во многом легло в основу его научных изысканий.

Решение проблемы однобокости изучения того или иного явления ученый видит в использовании синтетического подхода, который предполагает органическое соединение всех односторонних определений, в отличие от эклектизма – механического их соединения. Примечательно, что ученый не отвергал другие теории как ошибочные, но отмечал их односторонность, призывая к объединению в поисках исчерпывающего и целостного определения права, отражающего его сложную социальную природу [2, с. 42].

Свою исследовательскую программу А.С. Ященко выстраивает по схеме «общество – правила поведения в нем (нравственность) – право (принудительный минимум нравственности)» [3, с. 4].

Общество. По утверждению А.С. Ященко, общество представляет собой коллективно-психологическое явление – особую психическую связь между индивидом и обществом – суммой индивидов. Пытаясь разрешить вопрос о характере взаимодействия личности и общества, автор критикует либеральную парадигму, отмечая, что абсолютный примат личности, ее прав, свобод, интересов над обществом есть своего рода заблуждение, так как человек как биологическая единица приобретает совокупность характеристик и качеств, в том числе юридического свойства, которая позволяет именовать его личностью, исключительно в обществе. В свою очередь, общество не может довлеть над личностью, так как существование такого общества не имеет смысла. Таким образом, единственно возможным и наиболее правильным способом взаимосвязи и взаимодействия личности и общества, по мнению А.С. Ященко, является синтетическое объединение индивидуализма и коллективизма, выражающееся в равновесии, балансе интересов личности и общества.

Необходимо отметить, что тезис о гармонии, органической слитности индивидуального, частного и коллективного, общего ученый считает ключевой идеей, которая «должна быть положена в основание теории нравственности, права, власти, государства и политики» [3, с. 33].

Таким образом, идея права, его предельное основание, по А.С. Яценко, есть равновесие, баланс, гармония индивидуальных и коллективных начал. Общая формула отыскания такого баланса выведена быть не может, так как на одной стороне такого равновесного состояния находится личность – динамическое образование, «нечто неразложимо единственное и потому рационально, в научных терминах невыразимое» [3, с. 33].

Нравственность. Последовательно проводя идею равновесия индивидуального и коллективного начал, А.С. Яценко связывает нравственность с должным поведением человека, детерминированным целью и смыслом его существования. Критикуя различные философские онтологические модели, ученый приходит к выводу, что наилучшей схемой выступает такая, где высшая ценность, ориентир человеческого бытия носит внешний по отношению к человеку характер. В качестве такового основания выступает построение совершенного человеческого общежития (Царства Божия на земле) с помощью права [3, с. 81].

Право. Реализуя идею гармонии в правовой реальности, А.С. Яценко обозначает авторскую позицию и по поводу содержания нормы права, отмечая, что в ней должны равновесно сочетаться идея личной свободы и общего блага, однако данное равновесие динамично.

Рассуждая о праве, А.С. Яценко солидарен с точкой зрения В.С. Соловьева и утверждает, что оно выступает одной из форм нравственности, а именно ее принудительно осуществляемым минимумом, в то время как «чистая нравственность предполагает свободное и добровольное исполнение, так как она имеет в виду нравственное совершенство, как внутреннее состояние» [3, с. 160]. Ключевым моментом, позволяющим отличить право от нравственности, является источник принудительности норм и характер санкции.

Отрицая этатистский подход к пониманию права, А.С. Яценко утверждает, что «в каждом общественном союзе, а не только в государстве, имеется право», внешняя принудительность которого «покоится на высшем авторитете в данном союзе, хотя бы этим союзом было и не государство, а первобытное племя, независимая община, церковь, международный союз» [3, с. 153, 183]. Реализация норм права гарантируется организованным принуждением. Именно возможность реализации физического принуждения, как крайней меры воздействия на индивида, характерна именно для права, тогда как другие нормы ограничиваются принуждением только психического характера.

От психологической теории права А.С. Яценко берет идею автора психологической теории права Л.И. Петражицкого о существовании в психике людей императивно-атрибутивных (повелительно-предоставляющих) переживаний, эмоций, и дополняет ее идеей о том, что такие переживания, во-первых, возникают не в психике одного человека, а в психике участников правоотношений, причем одна сторона переживает сознание обязанности, а другая – правомочия; во-вторых, такая психическая связь «право-обязанность» возникает и характеризуется прежде всего нравственную связь между взаимодействующими сторонами, а для того, чтобы данные отношения приобрели правовой характер, необходимо наличие у третьих лиц переживаний по поводу принудительного содействия выполнению норм права [3, с. 176–177].

Определение. Право есть совокупность действующих в обществе, вследствие коллективно-психического переживания членами общества и принудительного осуществления органами власти, норм поведения, устанавливающих равновесие между интересами личной свободы и общественного блага [3, с. 183].

Выводы. Синтетическая теория права А.С. Яценко создавалась прежде всего как попытка преодолеть противоречия нормативистского и естественно-правового типов правопонимания. К ней также была присокуплена идея психологической теории права Л.И. Петражицкого о праве как совокупности императивно-атрибутивных эмоций, возникающих в психике человека. В качестве методологической основы была избрана религиозно-нравственная философия В.С. Соловьева, идеи всеединства, гармонии, взаимосвязи нравственности и права. У него же были позаимствованы ценностные основания – построение идеального человеческого общежития. Их достижение возможно путем реализации во всех сферах бытия (общество, нравственность, право) идеи равновесия, гармонии, баланса интересов личности и общества. Нормативизм и естественно-правовой тип правопонимания автор примиряет через формулу «право – принудительный минимум нравственности». В итоге А.С. Яценко определяет право как совокупность действующих в обществе, вследствие коллективно-психического переживания членами общества и принудительного осуществления органами власти, норм поведения, устанавливающих равновесие между интересами личной свободы и общественного блага.

Список использованных источников

1. Кравченко, А.Е. Синтетическая теория права и государства А.С. Яценко : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.Е. Кравченко ; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т, 2018. – 23 с.

2. Палеха, Р.Р. Первые интегративные теории правопонимания в российской и зарубежной юридической науке / Р.Р. Палеха, Е.Л. Ситникова // Вестн. ВГУ. – 2018. – № 1. – С. 37–47.

3. Ященко, А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / А.С. Ященко. – Юрьев : Тип. К. Матиссена, 1912. – 841 с.

УДК 340.115

И.Л. Вершок

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ И ИХ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В условиях становления и развития советской государственности и права происходили соответствующие изменения в методологии общетеоретической государственно-правовой науки, отражающей эти процессы. Наличие политико-правовых изысканий о сущности Советского государства и права, а также о соответствующей юридической практике было характерно уже в начальный период формирования государственности после событий 1917 г. Осуществлялось «относительно изолированное, дифференцированное изучение отдельных сторон правовой действительности», с присущим тому периоду идеологически предопределенным философским инструментарием марксистско-ленинской методологии. Более системные научные изыскания в советской юридической науке стали проводиться позже. Они осуществлялись применительно к изучению правовой системы социализма и были направлены на формирование «обобщенных представлений о целостности правовых структур» – права, правосознания, правотворческой деятельности, нормы права, реализации права, правоотношений, правовых связей [1, с. 14]. С развитием объекта и расширением предметов различных отраслей юридической науки к концу 60-х гг. произошло закономерное активное пополнение «арсенала правовых исследований» новыми научными методами в дополнение к уже имеющимся, «традиционным» [1, с. 94]. Происходили значительные количественно-качественные изменения в методологии познания отдельных элементов социально-правовой действительности. В частности, это произошло и в отношении научного осмысления феномена правового сознания.

Так, в дореволюционный период при отсутствии универсальной терминологии феномены, связанные с осознанием социально-правовой реальности, рассматривались З.А. Горюшкиным [2], П.И. Новгородцевым, И.А. Ильиным [3, с. 8], Л.И. Петражицким в определенной мере с по-

зиций идеализма и метафизического подхода. Нарушение преемственности традиций русской политико-правовой мысли, резкого парадигмального сдвига в результате событий 1917 г. привели к абсолютно новым направлениям идеологического обоснования, соответствующего научного объяснения и, соответственно, совершенно новым путям построения советской государственно-правовой реальности как результата выражения иного – советского – правового сознания. Такое правосознание одновременно выполняло и роль фактора, обеспечивающего развитие новой, советской, государственно-правовой действительности. С 1917 до середины 30-х гг. вопросы правосознания постоянно поднимаются [3, с. 8] в условиях построения Советского государства и права. Происходит редукция правосознания до его революционной характеристики. Правосознание, понимаемое как форма отражения классовой сущности государства и права, рассматривается как классовое явление, обусловленное общественным бытием. Правосознание рассматривается в качестве юридического регулятора общественных отношений, его природа осмысливается преимущественно на уровне правоприменительной практики, что в настоящее время представляется перспективным для выявления функций правового сознания в практике разрешения юридических конфликтов путем судебных и внесудебных (альтернативных) процедур. С середины 30-х до середины 50-х гг. наблюдается снижение интереса ученых к феномену правосознания [3, с. 8], при этом в его содержание включаются преимущественно идеологические компоненты, что предполагает возможность рассмотрения содержания правового сознания на уровне аксиологии, в том числе актуальной на современном этапе.

Научный интерес к правовому сознанию резко возрастает к середине 50-х – концу 70-х гг. В советской науке появляются работы, посвященные проблемам правосознания как явления, сочетающего в себе рациональный и психический компонент [3, с. 8]. Методологические изменения проявились в том, что правосознание понимается не столько как отражение классовой борьбы, оно рассматривается в качестве формы отражения права, как субъективный образ объективной действительности. С 80-х гг. XX в. и до настоящего времени правовое сознание чаще всего анализируется с учетом традиций, заложенных советской наукой, в качестве формы отражения правовой материи либо путем перечисления таких его компонентов, как эмоции, взгляды, убеждения и т. д. Доминирует принцип противопоставления идеалистического и материалистического способов интерпретации государственно-правовой действительности. Кроме этого, из социологической науки согласно традициям советской

школы теории государства и права 80-х гг. заимствовались эмпирические методы исследования проблем правосознания и правовой культуры.

С учетом методологических принципов юридической науки, развивающейся в условиях постнеклассической парадигмы, допускается заимствование уже ставших традиционными тех методов научного познания правовой системы и важнейших ее элементов, которые имеют высокий эвристический потенциал. Представляется необходимым извлечь некоторые методологические подходы, досконально разработанные советской юридической наукой, с целью их дальнейшей интерпретации применительно к различным областям исследований общей теории права. Так, в отечественной юридической науке уже было сформировано и апробировано одно из направлений углубленного изучения государственно-правовой действительности на базе диалектико-материалистического и конкретно-исторического подхода [4, с. 18–20]. При этом «если в классической науке старая теория логическими средствами снимается в новой, входит в нее какими-то своими наиболее значимыми для нового знания элементами, то в XX веке в концепции Куна конкурентная борьба переносится в сферу личностных отношений между членами научного сообщества... новая теория-парадигма не поглощает старую, не разрушает ее, они сосуществуют, не будучи логически связанными» [5, с. 35]. Указанное обстоятельство привело к широкому использованию междисциплинарных исследований, существенно обогащающих методологию юридической науки в целом и дающих всестороннее знание о предмете. Одним из таких направлений изучения социально-правовой действительности необходимо признать междисциплинарное исследование проблемы личности в праве. Ее разрешение связывается с необходимостью гармонизации в юридической теории и практике «двух сосуществующих дискурсов: 1) дискурса человека, личности в праве (концептуального, гуманистического дискурса), конфигурирующего речь о личности в праве в декларирование ее прав и свобод» и «2) дискурса субъекта права (формально-юридического дискурса), отвечающего за фактическую, операциональную речь о субъекте права с позиции его субъективных прав и обязанностей» [6, с. 145–146].

На фоне распространения междисциплинарного подхода в проблемных вопросах общей теории права представляется актуальным правильное определение возможных и необходимых границ использования различных методов познания. Например, одним из традиционно используемых является сравнительный правовой метод. Однако уже в советский период юридической науки при оценке эвристического потенциала метода «сравнительного правоведения» совершенно справедливо поднимался вопрос о его универсальности. Перспективным для современной

науки и практики является вывод о том, что «сравнительно-правовой метод не является самоцелью. Он служит определенной познавательной задаче. Поэтому сравнительный метод, во-первых, нельзя рассматривать как некий стандарт в исследовании; во-вторых, важно определить те границы, в пределах которых данный метод и можно применять более эффективно» [1, с. 105].

Именно поэтому применительно к изучению правового сознания представляет несомненную актуальность вопрос о границах возможного использования сравнительного метода. С учетом того, что правосознанию как специфическому когнитивному процессу свойственны абсолютно индивидуалистические признаки, представляется нецелесообразным использование данного метода для оценки правового сознания по критерию высокого (низкого), удовлетворительного (неудовлетворительного), общественного (индивидуального) уровня, пользуясь методом сравнения. «Восприятие социального мира есть продукт двойного структурирования. Со стороны объективной, оно социально сконструировано, поскольку свойства, атрибутированные агентам или институциям, предстают в сочетаниях, имеющих очень неравную вероятность» [7, с. 77–78]. По этой причине сравнение правового сознания представляется невозможным, так как сводится к сопоставлению массового проявления актов выражения правового сознания в форме правовой культуры или правового менталитета. «Со стороны субъективной... объекты социального мира могут быть восприняты и выражены разным образом, поскольку они всегда содержат долю недетерминированности и неясности и в то же время некоторую степень семантической растяжимости. Действительно, даже наиболее устойчивые комбинации свойств всегда основываются на статистических связях между взаимозаменяемыми чертами; кроме того, они подвержены изменениям во времени таким образом, что их смысл (в той мере, в какой он зависит от будущего) сам находится в ожидании и относительно недетерминирован. Этот объективный элемент неопределенности... дает основание для множественности представлений о мире, которая в свою очередь связана с множественностью точек зрения» [7, с. 77–78]. Здесь сопоставление правового сознания как субъективного явления становится нерепрезентативным и ненаучным.

Не всегда обоснованным представляется использование математического метода, предложенного и активно используемого в рамках методологии советской юридической науки с целью изучения тех объектов, которым свойственны «вероятностно-статистические закономерности, то есть массовость» – «правосознание личностей, групп, слоев, классов», либо вообще отдельные элементы правосознания [1, с. 106–107].

Спорность использования данного метода применительно к правосознанию обусловлена квантовой, дискретной природой самого сознания не как процесса отражения действительности, а как процедуры вычисления, связанной с огромным массивом информации [8, с. 66], имеющей темпоральный характер. Более того, при использовании «спекулятивно-умозрительного понятия «общественное сознание» вообще появляются «парадоксы «отражения»» [8, с. 216]. Если бы культурная информация, локализованная в «общественном сознании», действительно являлась неким «отражением» (пусть даже и не «зеркальным») общественного бытия, то и факт такого «отражения» можно было бы эмпирически зафиксировать [8, с. 105], затем ввести определенные количественные параметры и подсчитать. Такая фиксация не представляется возможной даже для коллективного сознания, не говоря уже об общественном.

Примечательно, что советская методология юридической науки, активно направленная на изучение социальной практики в качестве предмета познавательной деятельности [1, с. 110], наряду с общественно-исторической практикой государственно-правового строительства, а также конкретными общественными отношениями и собственно юридической практикой включала и такой элемент, как «субъективное отражение этих отношений и процессов – политическое и правовое сознание, интересы и мотивы поведения, ценностные ориентации и социальные установки людей» [1, с. 112]. Это утверждение, в советский период еще не пересматривающее ортодоксальное противопоставление идеального и материального, в настоящее время получило продолжение в тезисе о материальности и телесности сознания и, соответственно, правового сознания. Так, современные философские работы по проблемам сознания, базируясь на сведениях из когнитивной психологии, нейрофизиологии, доказывают, что «мыслеобразы внутренней реальности материальны..., порождаемая сознанием мысль и есть материя – материя «внутренних планов сознания» [8, с. 242] и, наоборот, параметры восприятия, хранения, репрезентации информации существенным образом обусловлены специфически человеческой телесностью [8, с. 367]. С усложнением на этом фоне процессов сознания и, соответственно, правового сознания необходимы новые научные изыскания, базирующиеся на переработке и адаптации лучших методов советской теории государства и права, а также использующие междисциплинарный подход: достижения философии, психологии, социологии и кибернетики. В этой связи представляются перспективными исследования когнитивных особенностей правового сознания, его информационной природы, типологии, а также практических проблем объективизации правового сознания в правоприменении.

Список использованных источников

1. Правовая система социализма: Понятие, структура, социальные связи / под ред. А.М. Васильева. – М. : Юрид. лит., 1986. – Кн. 1. – 368 с.
2. Гусарова, М.А. Концепции правосознания в философско-правовой мысли России (на примере взглядов П.И. Новгородцева, И.А. Ильина и Л.И. Петражицкого) / М.А. Гусарова // Общество: экономика, политика. – 2013. – № 2. Электронный ресурс / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-pravososznaniya-v-filosofsko-pravovoy-mysli-rossii-na-primere-vzglyadov-p-i-novgorodtseva-i-a-ilina-i-l-i-petrazhitskogo>. – Дата доступа: 05.01.2019.
3. Юрашевич, Н.М. Правосознание как средство обеспечения реформирования социально-правовой жизни белорусского общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н.М. Юрашевич ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2002. – 22 с.
4. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский. – Минск : Амалфея, 2002. – 656 с.
5. Маркова, Л.А. Наука на грани с ненаукой / Л.А. Маркова. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – 336 с.
6. Павлов, В.И. К началам становления персонологии права (о новом взгляде на личность в праве) / В.И. Павлов // Генетические закономерности права : сб. науч. тр., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. С.Г. Дробязко / редкол.: С.А. Балащенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2013. – 584 с.
7. Бурдьё, Пьер. Социология социального пространства / Пьер Бурдьё // пер. с франц. ; отв. ред. пер. Н.А. Шматко. – М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.
8. Бескова, И.А. Феномен сознания / И.А. Бескова, И.А. Герасимова, И.П. Меркулов. – М. : Прогресс-Традиция, 2010. – 367 с.

УДК 340.114.5

Е.И. Стабровский

ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ В СОВЕТСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Обращение к вопросам правосознания началось еще в древности. Однако теоретическую разработанность и актуальность данная научная проблема получила в трудах европейских общественных мыслителей конца XVIII – первой половины XIX вв. Особое место заняла русская правовая теория второй половины XIX – начала XX вв.

После начала социальных преобразований в России, связанных с политическими событиями 1917 г., новый вектор в изучении получило и правосознание. Свой вклад в формирование основ теории правового сознания внесли ученые-правоведы советского периода. Характерной особенностью советских правовых исследований следует отметить уход

от научных достижений ученых периода Российской империи. Как отмечает известный российский ученый В.П. Малахов, утрата интереса к мировоззренческим основаниям права привела к тому, что право начинает рассматриваться лишь как инструмент политики, как формальный принцип организации и деятельности государства [1, л. 8]. Отмечается главенство марксистских идеологических установок. Подобный уход привел к образованию пробелов в праве. Ученые периода становления СССР приняли меры к выработке своего категориального аппарата, который согласовывался с господствующей идеологией и раскрывал содержание проводимой в государстве правовой политики.

В период с 1917 г. до середины 50-х гг. XX в. представителями юридической науки (Н.В. Крыленко, Д.И. Курский, Е.Б. Пашуканис, М.А. Рейснер, П.И. Стучка и др.) в рамках марксистского учения, базирующегося на материалистическом подходе, правосознание трактовалось как вид общественного сознания, отражающий социальные, в первую очередь экономические, условия бытия людей, преломленные сквозь идеологическую систему оценок и обусловленные положением того или иного класса в обществе [2, с. 317–324]. Поиск ответов на вопросы о природе, сущности и содержании правосознания был связан преимущественно с разработкой проблем правовой идеологии. Так, Е.Б. Пашуканис и М.А. Рейснер отмечали, что право должно изучаться марксистами как один из подвидов общего вида идеологии [3, с. 66]. П.И. Стучка выступил одним из разработчиков декрета № 1 «О суде» (1917 г.), где впервые введено в советскую практику понятие «революционное правосознание» [4]. П.И. Стучка определял его как классовую идеологию широких масс, как систему научно разработанных идей, распространенных в массах господствующего класса [5, с. 38]. Революционное правосознание выступало одним из источников права в силу значительного числа имеющихся пробелов в праве.

С конца 50-х гг. и в период 60-х гг. XX в. ряд исследователей начинают трактовать правосознание более широко – как отношение субъектов к существующему праву, в связи с чем в его определение в качестве одного из структурных элементов стала включаться правовая психология (К.Т. Бельский, Е.А. Лукашева, И.Ф. Покровский, И.Ф. Рябко, И.Е. Фарбер и др.). И.Е. Фарбер в работе «Правосознание как форма общественного сознания» (1963) выделяет такой элемент правосознания, как правовая психология [6, с. 71]. Его исследования посвящены взаимосвязи и взаимодействию правовой идеологии и правовой психологии как составных частей общественного правосознания. При этом по-прежнему подчеркивается классовая природа правосознания и до-

минирующая роль правовой идеологии. Так, например, И.Ф. Рябко, рассматривая возможные деформации правосознания в социалистическом обществе, объяснял их тем, что правовая идеология как высшая ступень правосознания охватывает правовую действительность лишь в основном, и поэтому не может дать ее тождественного отражения правовой психологией. Правовую идеологию он оценивал как объективный показатель уровня бытующего в обществе правосознания [7, с. 85]. Г.С. Остроумов видел социальную функцию правосознания в служении государственно организованному закреплению условий жизни, видов деятельности и правил поведения, соответствующих общим интересам собственников средств производства [8, с. 54].

В советской юридической литературе 70–80-х гг. XX в. признавалась точка зрения, согласно которой теория правосознания, наряду с теорией государства, понималась как самостоятельная составная часть теории государства и права. При этом, как отмечает советский ученый А.М. Васильев, каждая из этих теорий специфична потому, что, во-первых, имеет своеобразный предмет познания; во-вторых, ставит целью раскрыть его объективную сущность; в-третьих, выражает эту сущность, формы ее проявления и закономерности в системе собственных, только ей присущих категорий и понятий; в-четвертых, обладает соответствующей сферой «выхода» своих знаний в область специальных юридических наук и общественной практики [9, с. 39]. При этом решение вопросов сущности и природы правосознания в рамках марксистской методологии не представлялось возможным. В настоящее время некоторые авторы обращают внимание на то обстоятельство, что исследованию феномена правосознания не уделяется должного внимания. В.П. Малахов обоснованно отмечает, что сегодня проблемы правосознания перестали иметь самостоятельное и самоценное значение [1, с. 8].

Важно отметить, что многие исследователи советского периода внесли существенный вклад в становление и развитие теории правосознания, несмотря на отсутствие методологического плюрализма. Например, в работах А.Р. Ратинова и В.И. Каминской можем выделить разностороннее освещение ценностных аспектов правосознания, которые получили широкое развитие в настоящее время. Правовое сознание трактуется ими как сфера общественного, группового и индивидуального сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях [10, с. 55]. В.А. Щегорцов отмечает, что правосознание не просто отража-

ет окружающую социально-правовую действительность, но и выступает в качестве необходимой идеологической и социально-психологической предпосылки создания правовых норм и институтов, направленных на достижение целей всего общества [11, с. 28]. Достаточно широко в этот период исследовались проблемы соотношения правосознания и законности, обосновывались их прямо пропорциональная зависимость и взаимообусловленность.

С конца 80-х гг. XX в. советская теория правосознания претерпела существенные изменения и во многом стала обращаться к взглядам представителей дореволюционной российской философско-правовой мысли [12, с. 11]. Сущность правосознания перестала трактоваться преимущественно с позиций материализма и юридического позитивизма как непосредственное восприятие правовой действительности и его последующая проекция на сознание. Это, в свою очередь, позволило обратиться к духовным основам правосознания.

Развитие взглядов на правосознание в советский период прошло самостоятельный путь становления и развития. Оно было связано с идеологией марксизма, носило классовый характер и было ограничено в методологическом инструментарии. Отдельные научные достижения в области правосознания получили широкое признание в научном сообществе и находят свое отражение и развитие в современных правовых исследованиях, в процессе подготовки специалистов в области права. Советская школа правосознания послужила основой для разработки теории правового сознания в Республике Беларусь. В настоящее время востребован более широкий духовно-культурологический подход, позволяющий осветить природу правосознания в общесоциальном измерении. Проблемы и вопросы формирования и функционирования правового сознания остаются актуальными и требуют дальнейшего теоретико-правового исследования.

Список использованных источников

1. Малахов, В.П. Природа, содержание и логика правосознания : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В.П. Малахов ; Моск. акад. МВД России. – М., 2001. – 502 л.
2. Стучка, П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / П.И. Стучка. – Рига : Латгосиздат, 1964. – 748 с.
3. Пашуканис, Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства / Е.Б. Пашуканис. – М. : Наука, 1980. – 271 с.
4. Декрет о суде [Электронный ресурс] / Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/sude1.htm>. – Дата доступа: 09.01.2019.

5. Стучка, П.И. 13 лет борьбы за революционную марксистскую теорию права : сб. ст. 1917–1930 / П.И. Стучка. – М. : Гос. юрид. изд., тип. им. Евг. Соколовой, 1931. – 236 с.
6. Фарбер, И.Е. Правосознание как форма общественного сознания / И.Е. Фарбер. – М. : Юрид. лит., 1963. – 205 с.
7. Рябко, И.Ф. Правосознание и правовое воспитание масс / И.Ф. Рябко. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1969. – 191 с.
8. Остроумов, Г.С. Правовое осознание действительности / Г.С. Остроумов. – М. : Наука, 1969. – 174 с.
9. Васильев, А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев. – М. : Юрид. лит., 1976. – 264 с.
10. Каминская, В.И. Правосознание как элемент правовой культуры / В.И. Каминская, А.Р. Ратинов // Правовая культура и вопросы правового воспитания : сб. науч. тр. / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности ; отв. ред. А.Д. Бойков. – М., 1974. – С. 39–67.
11. Щегорцов, В.А. Социология правосознания / В.А. Щегорцов. – М. : Мысль, 1981. – 174 с.
12. Ефременко, Е.М. Правосознание учащейся молодежи / Е.М. Ефременко ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 119 с.

УДК 340.1

А.В. Шаповалов

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА» И «ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Развитие учения о юридической практике и юридической деятельности является залогом успешного формирования правового государства, ведь субъекты указанных феноменов как носители власти выступают арбитрами в вопросах, имеющих правовой характер. Для них главным является накопление определенного социально-правового опыта при рассмотрении юридических конфликтов. Актуализация исследования проблем юридической практики и деятельности связана в том числе и с закреплением в нормативных правовых актах нового правопонимания. Провозглашение прав и свобод человека высшей ценностью открывает новые возможности в оформлении результатов правоприменительной деятельности, что является главной целью юридической практики. К тому же сравнительно-правовой и исторический аспекты данной проблематики почти не подвергали исследованию современные правоведы.

Исследователи советского периода уделяли внимание вопросам юридической деятельности и практики. Общетеоретические вопросы данных понятий стали разрабатываться в советском правоведении вслед за периодом, когда на страницах журнала «Вопросы философии» в 1985 г. прошла дискуссия по данной проблематике. Философские работы, появившиеся в науке советского периода, послужили методологическим источником правовых исследований по вопросам юридической деятельности и юридической практики.

Определенное влияние на развитие учения о юридической деятельности оказали не только философские разработки, но и научные идеи, развивавшиеся в правоведении (идеи и знания о правовой системе, правоприменении, правопорядке и др.). В науке советского периода существовало несколько подходов относительно понятий «юридическая практика» и «юридическая деятельность». Можно выделить две основные точки зрения. Одни авторы отождествляли юридическую практику с юридической деятельностью. Другие, желая отделить юридическую практику от юридической деятельности и представить ее в качестве относительно самостоятельного явления, относили к ней только определенные итоги, объективированный опыт правовой деятельности.

Так, В.Н. Кудрявцев рассматривает юридическую деятельность как совокупность действий и операций (поступков), направленных к единой цели [1, с. 14]. М.Ф. Орзих под юридической деятельностью понимает социальную активность, с помощью которой достигается опосредованный правом результат [2, с. 127].

Юридическая деятельность, – как считает В.Н. Карташов, – фундаментальный компонент юридической практики. С помощью определенных средств и приемов она способствует практическому преобразованию различных сфер общественной жизни. Обобщенные результаты ее осуществления образуют социально-правовой опыт – другой компонент юридической практики. Именно в деятельности и через деятельность проявляются основные закономерности развития и функционирования юридической практики [3, с. 21].

Б.И. Пугинский под юридической деятельностью предлагает понимать совокупность действий государства в лице его органов, учреждений, организаций и граждан в связи с созданием и реализацией юридических норм, использованием других правовых рычагов при решении экономико-социальных задач [4, с. 17].

Следует отметить, что авторы исследуемого периода редко рассматривали вопросы юридической практики, в связи с тем, что чаще всего она отождествлялась с деятельностью, однако имеются работы, благодаря которым можно увидеть их существенное различие.

С.С. Алексеев, характеризуя юридическую практику, указывает на необходимость «четкого разделения практики на конкретную деятельность в сфере права, и практику, как итог, результат этой деятельности. Первая – это основа научного познания, которая дает ему содержание и ценность; вторая – один из специфических правовых феноменов, который включается в правовое регулирование [5, с. 341]. Одной из отличительных особенностей юридической практики автор считает наличие объективированного опыта индивидуально-правовой деятельности компетентных органов, который складывается в результате применения права при решении юридических дел [6, с. 406]. В приведенном определении речь идет только о правоприменительной деятельности субъектов права. По нашему мнению, юридическая практика охватывает не только правоприменительную, но и правоохранительную, и правотворческую деятельность.

В.П. Реутов сформулировал понятие юридической практики следующим образом: юридическая практика – это деятельность субъектов права в процессе формирования и реализации норм права, которая заключается в издании нормативных актов и в совершенствовании различных индивидуальных правовых актов; деятельность безраздельно связана с развитием правоотношений [7, с. 5].

На наш взгляд, юридическая практика, как один из видов социальной практики, помогает развиваться и функционировать правовой системе Республики Беларусь. Это достигается посредством издания новых и изменением уже существующих нормативных правовых актов, их толкованием, конкретизацией, использованием и применением.

Таким образом, анализ различных точек зрения по вопросу о понятии юридической деятельности и практики приводит нас к выводу о том, что они достаточно часто отождествляются, однако мы полагаем, что лучшая позиция, когда юридическая практика не рассматривается тождественно юридической деятельности, а включает ее в свою структуру наряду с социально-правовым опытом. Такой подход позволяет не только установить соотношение юридической практики и юридической деятельности, но и точно определить их правовую природу.

Список использованных источников

1. Кудрявцев, В.Н. Право и поведение / В.Н. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1978. – 191 с.
2. Орзих, М.Ф. Право и личность. Вопросы теории и правового воздействия на личность / М.Ф. Орзих. – Киев : Высш. шк., 1978. – 143 с.
3. Карташов, В.Н. Юридическая деятельность: понятие структура, ценность / В.Н. Карташов ; под ред. Н.И. Матузова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989. – 218 с.

4. Пугинский, Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б.И. Пугинский. – М. : Юрид. лит., 1984. – 224 с.

5. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 360 с.

6. Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. С.С. Алексеева. – М. : Юрид. лит., 1987. – 448 с.

7. Реутов, В.П. Юридическая практика и развитие законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 7.10 / В.П. Реутов ; Свердловск. юрид. ин-т, 1968. – 21 с.

УДК 340.1

А.С. Чумакова

ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ФОРМИРОВАНИЮ ПОНЯТИЯ «ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА» В СОВЕТСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В повседневной жизни назревает потребность в повышении правовой культуры общества, воспитании законопослушных граждан, а также потребность их непосредственного участия в нормотворческой деятельности государства, что способствовало бы формированию правового государства и успешному решению политических, экономических и социальных задач.

В связи с этим считаем необходимым рассмотреть такой категории, как правовая культура. Она состоит из двух понятий – «право» и «культура».

Термин «культура» происходит от латинского слова «cultura» (возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание, выращивание, обрабатывание). Понятие «культура» в Древнем Риме было альтернативно понятию «натура» (природа) и обозначало обработанное, возделанное, искусственное в противоположность естественному, первозданному, дикому и применялось для различения растений, выращиваемых людьми, от дикорастущих [1, с. 13]. В Средние века появились понятия «духовная культура», «умственная культура». Культура стала полноправным объектом философского анализа в XVII-XIX вв. в учениях С. Пуфендора, К. Гельвеция, И. Гердера, И. Канта, Г. Гегеля [2, с. 7]. Два наиболее существенных момента хотелось бы здесь выделить.

Человек стал рассматриваться не только как развивающийся индивид, но и как индивид деятельно практический, сочетающий в себе и материальные формы общественной деятельности, и духовные. В сферу культуры включаются не только материальное производство, а и эко-

номические отношения, которые раньше, как подметил Ф. Энгельс, «...упоминались лишь между прочим, как второстепенные элементы «истории культуры» [3, с. 25].

Человек в процессе преобразовательной деятельности сам воспитывает себя, изменяя отношение к природе, другим людям (в более широком смысле – к социуму), к самому себе. Он производит себя «с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями ... как возможно целостного и универсального...» [4, с. 18].

В настоящее время в науке не существует единого определения культуры. Это обусловлено, во-первых, многоплановостью использования данного термина, во-вторых, культура является предметом исследований различных областей познания (юриспруденция, культурология, философия, социология, антропология и ряд других). В связи с этим вполне обоснованно сведение научных взглядов о культуре к трем группам: философские, антропологические и социологические.

В философском аспекте понятие «культура» в целом отражает специфический искусственный мир, сознательно сформированный человеком, выступает как его сознательная и творческая деятельность [5, с. 34].

Антропологическая система взглядов представляет культуру как выражение природы человека, сложившейся в процессе эволюции человеческой природы, и представляющая собой систему ценностей, созданных человеком.

Социологический подход рассматривает культуру как один из способов организации общества, где культура выступает корректирующим фактором пути развития общества сообразно выработанным устоям и традициям.

Теперь необходимо обратиться к определению понятия «право». Само слово «право» является общеславянским и образовано на основе слова «правь» (правый, т. е. правильный, верный, истинный) [6, с. 314].

Понятие «право» характеризуется такой же многоаспектностью и широтой содержания, как и культура, поэтому мы сталкиваемся с аналогичными проблемами, что и при исследовании понятия «культура». Так, М.Н. Марченко в своем учебнике пишет, что в настоящее время юридическая наука не выработала «единого подхода к определению понятия права» [7, с. 81].

Так, Н.А. Горбатов под правом понимает систему исходящих от государства (или принимаемых на референдуме) и охраняемых им общеобязательных формально определенных норм (правила поведения), выражающих согласованную волю, баланс всех интересов слоев общества и предназначенных для регулирования социально значимых отношений [8, с. 37].

В связи с отсутствием в науке единого мнения по вопросу содержания понятий права и культуры не существует и единого мнения относительно понятия правовой культуры.

Зарождение изучения понятия правовой культуры большинство ученых относит обычно к периоду раннего Средневековья. Формирование в относительно стройную систему связывают с началом XIX в. Именно в этот период определялись позиции правоведов, приобретали популярность идеи о неотъемлемых правах и свободах человека. Так, в частности, закладывались основы концепции естественного права.

В 60-е гг. XIX в. предпринимались попытки создания новой системы правовой культуры, связанной с распространением конституционных иллюзий. В рамках нового юридического мышления развивались основные представления о правовой культуре (Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский, Г.Ф. Шершеневич). Понимание правовой культуры как особого качественного состояния правовой жизни формируется в XX в. Но процесс становления отечественного правосознания был прерван в 1917 г. Существенный урон зарождающейся полноценной правовой культуре нанесла марксистско-ленинская идея об отмирании права. Лишь в 60–70-е гг. XX в. исследования проблем, связанных с определением содержания правовой культуры и путей ее формирования, активизируются (работы Е.В. Аграновской, С.С. Алексеева, В.П. Казимирчука, Д.А. Керимова, Н.М. Кейзерова, В.П. Кудрявцева, Е.А. Лукашевой и др.) [9, с. 34].

Изучение правовой культуры 60–70-х гг. XX в. началось с ее характеристики как идеального – эмоционально-интеллектуального – по своей природе явления. Правовая культура рассматривалась как определенный достигнутый обществом либо конкретным субъектом уровень знания и понимания права [10, с. 429].

В основу данной интерпретации правовой культуры был положен философский подход к культуре как исключительно идеальному явлению общественной жизни, представляющему собой совокупность выработанных обществом идей, знаний, навыков.

При таком идеальном подходе правовая культура рассматривается как чисто духовная субстанция, ограниченная индивидуальным либо общественным сознанием. В данной интерпретации правовая культура включает в себя, во-первых, – на эмоциональном уровне – чувство веры в право, в его исключительные регулирующие возможности по сравнению с другими социальными регуляторами (моралью, религией), во-вторых, – на интеллектуальном уровне – уважение к праву как специфическому нормативному способу человеческого общения, а также знание положительного права.

Достоинством данной интерпретации рассматриваемого явления является то, что здесь фиксируется значение правовой культуры как фактора, обуславливающего социальную результативность процессов реализации права. Очевидно, что высокий уровень правовой культуры представителей юридической профессии будет способствовать более эффективной реализации правовых норм и, следовательно, превращению идеального правопорядка, описанного в праве, в реальный правопорядок общества.

Однако содержание правовой культуры как сложного, полифункционального социального явления не исчерпывается характеристикой одних лишь идеальных элементов. Правовая культура включает в себя не только духовное, но и практическое освоение права, выражающееся в социально-результативной правовой деятельности, в правовых актах.

Второй подход – функциональный – акцентирует внимание именно на деятельностном аспекте правовой культуры. Функциональный подход рассматривает культуру как саморегулирующуюся систему, которая состоит из тесно взаимосвязанных и взаимозависимых частей – искусства, науки, религии, этики, права, – каждая из которых выполняет функции по поддержанию и сохранению целостности и жизнеспособности системы.

Соответственно, правовая культура также может быть интерпретирована как функциональная система, структурные элементы которой – правовые нормы, правосознание, правовые отношения, юридические учреждения – рассматриваются в их функциональном значении как факторы созидания и воспроизводства социальной стабильности [11, с. 27].

В общей теории права функциональный (деятельностный) подход к правовой культуре обосновывается в работах Е.В. Аграновской. Правовая культура сводится исключительно к деятельностному аспекту своего существования. Она определяется как специфический способ человеческого существования в правовой сфере, точнее, как способы правового регулирования общественных отношений и формы правового взаимодействия субъектов общественных отношений. Правовую культуру можно рассматривать как созданный людьми специфический способ социального управления, заключающийся в целенаправленном воздействии на поведение индивидов с целью достижения согласованности и порядка в обществе. Правовая культура порождается функциональным взаимодействием, в результате которого создаются регулирующие эталоны поведения в виде правовых норм, и существует в форме взаимодействия, в результате которого происходит постоянное воспроизводство старых и создание новых эталонов поведения [12, с. 12].

Третий подход к определению понятия правовой культуры можно было бы охарактеризовать как качественный. Он опирается на философское определение культуры как определенного качественного состояния общества на каждом данном этапе его развития. Соответственно, под правовой культурой понимается обусловленное социально-экономическим и политическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития юридических актов, уровне правовой деятельности, правосознания и правового развития субъекта. Правовая культура рассматривается в данном случае как определенное качество функционирования правовой системы в целом [1, с. 21].

Одним из наиболее распространенных в культурологии является ценностный (или аксиологический – от лат. *aksio* – ценность) подход, в рамках которого культура рассматривается как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством в процессе его исторического развития.

Аксиологически понятая правовая культура представляет собой систему идеальных и материальных правовых ценностей, выработанных исторически конкретной социальной общностью. Правовая культура – это своего рода юридическое богатство, которое выражается в достигнутом уровне развития регулятивных качеств права, юридической техники, правосознания и т. д. Правовая культура охватывает все ценности, которые созданы людьми в области права в процессе их практической и духовной деятельности [11, с. 27].

Разнообразие подходов привело к тому, что в конце XX в. в науке сложилось более 200 различных научных точек зрения по вопросу определений понятия «правовая культура». Это обусловлено разнообразными познавательными и практическими задачами, научным анализом одного и того же явления под различными углами зрения. Кроме того, правовая культура рассматривается применительно как к обществу в целом, так и к отдельным его социальным группам, а также личности. Многообразие определений правовой культуры объясняется и тем, что исследователи изначально вкладывают различный смысл в исходные понятия, прежде всего такие, как «право» и «культура». Приведем некоторые из них.

Под правовой культурой понимается:

«качественное состояние правовой жизни общества» (Л.А. Морозова) [13, с. 151];

«более высокая и емкая форма правосознания» (А.Б. Венгеров) [14, с. 45];

«комплекс регулятивов и ценностей, на основе которых строится реально существующий в стране правопорядок» (И.А. Гагин) [15, с. 6];

«совокупность всех ценностей, созданных человеком в правовой сфере» (В.К. Бабаев, В.М. Баранов, В.А. Толстик) [16, с. 63];

«достигнутый уровень развития в правовой (государственно-правовой) организации жизни людей» (В.С. Нерсесянц) [17, с. 272];

«совокупность духовных ценностей в сфере права» (О.И. Цыбулевская) [18, с. 15];

«совокупность знаний и навыков, умение применять их на деле, обеспечить законность» (П.П. Баранов, А.П. Окусов) [19, с. 72];

«особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние личности, социальной группы, общества в целом» (В.М. Боев) [20, с. 18];

«система овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права, и их отражение в сознании и поведении людей» (В.И. Каминская, А.Р. Рагинов) [21, с. 43];

«совокупность правовых ценностей, выработанных человечеством, отражающих прогрессивно-правовое развитие общества» (Н.Н. Вовленко) [22, с. 41];

«меры освоения правовых ценностей, накопленных обществом, и их использование различными субъектами в правовой сфере» (В.С. Грачев) [23, с. 13];

«совокупность всех позитивных компонентов правовой деятельности в ее реальном функционировании, воплотившая достижения правовой мысли, юридической техники и практики» (В.П. Сальников) [24, с. 362];

«обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека» (А.П. Семитко) [25, с. 307];

«сформировавшаяся в процессе социального развития информационно-коммуникативная, регулятивно-охранительная среда человеческой жизнедеятельности, в основу которой положено право и которая позволяет обеспечить правомерное поведение абсолютного большинства членов общества» (Р.А. Ромашов, А.Г. Тищенко) [26, с. 7];

«система ценностей и норм, укоренившихся в сознании и мотивации, обуславливающих поведение индивида и выражающихся в традициях, стиле взаимоотношения между личностью и правом» (Д.А. Агапов) [27, с. 10];

«система ценностей, правовых идей, убеждений, навыков и стереотипов правового поведения, правовых традиций, принятых членами определенной общности (государственной, религиозной, этнической) и используемых для регулирования их деятельности и отношений» (М.Е. Волосов, В.Н. Додонов, Н.Ю. Митюрин) [28, с. 75–77; 29, с. 201].

Анализ определений понятия «правовая культура» позволяет выделить общие черты правовой культуры, характерные для каждого подхода.

Для идеального подхода это правовая культура как знание и уважение права, для функционального – как деятельность в правовой сфере; для качественного – качественное функционирование правовой системы; для аксиологического – совокупность материальных и духовных ценностей.

Таким образом, анализ источников показал, что в юриспруденции нет единого мнения, касающегося определения понятия «правовая культура». В юридической литературе имеются самые различные определения и толкования. Существует ряд подходов к пониманию понятия «правовая культура»: идеальный, функциональный, качественный, аксиологический. Считаем наиболее полным и сформулированным понятие «правовая культура», рассмотренное на основе и в рамках качественного подхода. Согласно данному подходу под правовой культурой понимают обусловленное социально-экономическим и политическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития юридических актов, уровне правовой деятельности, правосознания и правового развития личности. Приведенные подходы и определения правовой культуры отражают лишь грани ее проявления, социальные феномены, на которые она распространяется и из которых развивается.

В заключение подчеркнем, «правовая культура» – чрезвычайно емкое понятие, требующее дальнейшего изучения.

Список использованных источников

1. Семитко, А.П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс / А.П. Семитко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.
2. Болдырева, М.Г. Правовая культура : лекция / М.Г. Болдырева ; Моск. юрид. ин-т. – М. : МЮИ, 1998. – 35 с.
3. Конфуций. Изречения / Конфуций ; [пер., предисл. В. Косова]. – 2-е изд. – М. : БуКос, 2007. – 213 с.
4. Артемов, В.М. Социология культуры : пособие / В.М. Артемов, А.Н. Роша. – М. : Акад. МВД РФ, 1992. – 27 с.
5. Ерасов, Б.С. Социальная культурология : учебник / Б.С. Ерасов. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : Аспект-Пресс, 2000. – 591 с.

6. Марченко, М.Н. Проблемы общей теории государства и права : учебник : в 2 т. / М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2015. – 2 т. – 640 с.

7. Общая теория государства и права : акад. курс : в 3 т. / под ред. М.Н. Марченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2016. – Т. 3 : Государство, право, общество / [В.В. Борисов и др.]. – 698 с.

8. Горбатов, Н.А. Общая теория государства и права в вопросах и ответах / Н.А. Горбатов. – Минск : Акад. МВД, 2008. – 208 с.

9. Фабрика, И.В. Правовая культура: от истоков к основанию / И.В. Фабрика // Вестн. ЮУрГУ. – 2007. – № 4. – С. 34–36.

10. Сорокин, П.А. Социокультурная динамика. Кризис нашего времени / П.А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество / [общ. ред., сост. А.Ю. Согомонова]. – М., 1992. – С. 425–504.

11. Тимошина, Е.В. Правовая культура: понятие, структура и функции / Е.В. Тимошина // Кодекс-Info. – 2000. – № 2. – С. 22–47.

12. Аграновская, Е.В. Правовая культура и обеспечение прав личности / Е.В. Аграновская ; отв. ред. Е.А. Лукашева. – М. : Наука, 1988. – 144 с.

13. Морозова, Л.А. Теория государства и права : учебник / Л.А. Морозова. – М. : Норма, 2005. – 300 с.

14. Венгеров, А.Б. Теория государства и права : в 2 ч. / А.Б. Венгеров. – М. : Юристъ, 1996. – Ч. 2 : Теория права. – 166 с.

15. Гагин, И.А. Правовая культура и ее роль в становлении работника УИС : учеб.-метод. пособие / И.А. Гагин. – Рязань, 2005. – Кн. 13. – 36 с.

16. Бабаев, В.К. Теория права и государства в схемах и определениях : учеб. пособие / В.К. Бабаев, В.М. Баранов, В.А. Толстик. – М. : Юрист, 2001. – 256 с.

17. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства : учебник / В.С. Нерсесянц. – М. : Изд. группа НОРМА-ИНФРА, 1999. – 552 с.

18. Цыбулевская, О.И. Правовая культура субъектов власти: нравственный аспект / О.И. Цыбулевская // Правовая культура. – 2006. – № 1. – С. 15–30.

19. Баранов, П.П. Аксиология юридической деятельности / П.П. Баранов, А.П. Окусов ; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Ростов. юрид. ин-т. – Ростов-н/Д : Ростов. юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 2003. – 364 с.

20. Боер, В.М. Правовая информированность и формирование правовой культуры личности (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.М. Боер ; М-во внутр. дел России, С.-Петерб. юрид. наук. – СПб., 1993. – 22 с.

21. Каминская, В.И. Правовая культура и вопросы правового воспитания / В.И. Каминская, А.Р. Рагинов ; под. ред. А.Д. Бойкова [и др.]. – М. : Изд-во Всесоюз. ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1974. – 202 с.

22. Вопленко, Н.Н. Правосознание и правовая культура : учеб. пособие / Н.Н. Вопленко ; М-во образования Рос. Федерации, Волгоград. гос. ун-т, Каф. теории гос. и права. – Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2000. – 51 с.

23. Грачев, В.С. Правовая культура как субъективный фактор реализации права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.С. Грачев ; М-во внутр. дел России, С.-Петерб. юрид. ин-т. – СПб., 1996. – 21 с.

24. Общая теория государства и права : акад. курс : в 3 т. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак. ; отв. ред. М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Зерцало-М, 2002. – Т. 3 / [В.В. Борисов и др.]. – 518 с.

25. Теория государства и права : учебник / под ред. В.К. Бабаева. – М. : Юристъ, 1999. – 591 с.

26. Ромашов, Р.А. Правовая культура : ценностный аспект / Р.А. Ромашов, А.Г. Тищенко // Правовая культура. – 2006. – № 1. – С. 7–10.

27. Агапов, Д.А. Правовая культура как элемент гражданского общества / Д.А. Агапов // Правовая культура. – 2007. – № 1 (2). – С. 10–14.

28. Митюрин, Н.Ю. Правовая культура как интегральный показатель профессионализма сотрудников ОВД / Н.Ю. Митюрин // Правовая культура. – 2007. – № 1 (2). – С. 74–77.

29. Краткий юридический словарь : [более 1000 понятий и выражений] / М.Е. Волосов [и др.] ; под общ. ред. В.Е. Крутских. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 304 с.

СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БССР И ФОРМИРОВАНИЕ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 351.74

А.И. Мурашко, В.И. Павлов

СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БССР

История белорусской милиции берет свое начало с Февральской революции 1917 г. 4 марта 1917 г. в г. Минске были созданы первые подразделения народной милиции.

17 апреля 1917 г. Временное правительство России приняло постановление «Об учреждении милиции» и «Временное положение о милиции». В этих правовых актах подчеркивалось, что милиция есть исполнительный орган государственной власти на местах, состоящий в непосредственном ведении земских и городских общественных управлений. Определение состава, числа и окладов содержания чинов милиции и служащих канцелярий принадлежит уездным земским собраниям и городским думам, по принадлежности. Таким образом, единообразной структуры территориальных органов народной милиции не существовало. Информация о наличии в структуре народной милиции подразделений, занимающихся идеологической работой, не установлена.

После Октябрьской революции 1917 г. начался процесс строительства государства на советской основе. 28 октября (10 ноября) 1917 г. НКВД РСФСР издал постановление «О рабочей милиции». Постановлением юридически закрепляло создание в стране органа охраны революционного порядка – советской милиции. Данным постановлением структура милиции не была определена. Эти задачи возлагались на Советы рабочих и солдатских депутатов.

В 1918 г. продолжилось совершенствование организационно-правовой основы деятельности советской милиции. 13 октября 1918 г. НКВД и НКЮ РСФСР утвердили Инструкцию об организации советской рабоче-крестьянской милиции. Положения данной инструкции не содержат правовых норм, регламентирующих идеологическую, политическую, воспитательную или культурно-просветительскую деятельность в органах милиции.

В то же время советское руководство, в том числе руководство милиции, осознавало важность идеологической работы в рядах советских правоохранителей. Необходимость создания специального органа для усиления политико-идеологической работы в милиции признавалась еще в начале 1920 г. Так, третий Всероссийский съезд заведующих отделами управления губисполкомов, который состоялся в Москве 29–31 января 1920 г., в своей резолюции констатировал: «Для ведения политической работы признать желательным организацию при отделах милиции политотделов» [1, с. 18].

10 июня 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР принял декрет «Об утверждении Положения о рабоче-крестьянской милиции». В этом нормативном правовом акте уже было определено, что руководство политической и культурной работой милиции относится к ведению главного управления милиции НКВД РСФСР, ведение политической культурно-просветительской работы возлагалось на губернские управления милиции, ведение культурно-просветительских работ должны были осуществлять уездные и городские управления милиции [2].

Организация данной работы настоятельно требовала четкого планирования, учета сложившейся обстановки, умелого подбора кадров для ее проведения, финансирования и т. д. Для этого нужен был специальный аппарат со штатом сотрудников, умеющих ее организовывать и нести ответственность за ее эффективность.

31 июля 1920 г. после освобождения г. Минска от польских войск (в 1919–1921 гг. шла советско-польская война) произошло повторное провозглашение о создании ССРБ (переименование республики в аббревиатуре «БССР» произошло после 1922 г.). Начался процесс восстановления органов милиции на территории белорусской республики. Здесь необходимо обратить внимание на то, что территория Советской Белоруссии после заключения в марте 1921 г. Рижского мирного договора составляла всего 6 уездов Минской губернии. Западная Белорусия вошла в состав Речи Посполитой II – нового польского государства. Восточные же территории Белоруссии находились в составе РСФСР.

Органами власти белорусской республики 30 ноября 1920 г. было принято Положение о главном управлении советской рабоче-крестьянской милиции ССРБ. В соответствии с данным правовым актом в структуре главного управления милиции создаются секретариат, отдел уездно-городской (общей) милиции, отдел промышленной милиции, отдел следственно-розыскной деятельности, отдел снабжения, инспекторский отдел [3, с. 42].

В очерке истории белорусской милиции, составленном в Минске в 1927 г., отмечается, что к концу 1920 г. при Главмилиции БССР на правах самостоятельного отдела был создан политсекретариат [3, с. 46]. Ав-

торы очерка отмечают, что на политсекретариат возлагались задачи по организации и проведению политико-просветительской и культурной работы среди сотрудников милиции, учет партийного состава милиции и осуществление взаимодействия с партийными организациями. В уездных органах милиции были введены должности политкомов. Вместе с тем нормативный правовой акт, регламентирующий создание политсекретариата Главмилиции БССР, не введен в науку в качестве исторического источника. В связи с этим точная дата образования политсекретариата, а также формально-правовые особенности его деятельности исторической науке неизвестны.

Авторы очерка также указывают, что в январе 1921 г. политсекретариатом была разработана Инструкция для политкомов, в которой определялись их обязанности, взаимоотношения с руководителями милиции на местах. На политкомов возлагалось «политическое воспитание милиционеров в духе коммунистической программы, проведение культурно-просветительской работы и осуществление, как представителя партии, партийного контроля в милиции» [3, с. 47]. Однако данная инструкция как нормативный правовой акт исторической науке также неизвестна, дата ее принятия не установлена.

Следует отметить, что в начале 20-х гг. правовая система Советского государства, тем более правовые системы союзных республик, находились в самом начале своего формирования. Законодательство Российской империи было отменено и утратило юридическую силу, вновь создаваемая правовая основа деятельности государственных органов, в том числе и советской милиции, проходили в условиях отсутствия всяческого опыта и во многом посредством метода проб и ошибок. Нередко издаваемые Советской властью нормативные правовые акты, особенно до 1922 г., в годы завершающейся Первой мировой, Гражданской и советско-польской войн, которые проходили на территории современной Беларуси, принимались спонтанно и без надлежащего юридического оформления, фактически утрачивали юридическое действие и заменялись новыми с сохранением значительных правовых коллизий и т. д. В связи с этим при анализе правовых актов, особенно в период 1917–1922 гг., часто достаточно сложно точно определить правовые основания деятельности того или иного органа.

Кроме того, в связи с Гражданской войной, германской и польской интервенциями, сложностью работы по установлению Советской властью новой структуры государственного аппарата, определения принципов распределения полномочий между органами центра и органами республик, нормативные правовые акты РСФСР нередко распространя-

ли свое юридическое действие и на территорию союзных республик, в том числе и на территорию ССРБ (БССР) вплоть до 1922 г.

25 апреля 1921 г. НКВД РСФСР и Главполитпросвет Наркомпроса РСФСР утвердили Положение о политико-административных органах в рабоче-крестьянской милиции республики. Они создавались при губернских управлениях милиции и имели целью усиление политической и просветительской работы среди ее личного состава. 26 апреля был создан Политпросвет ГУМ НКВД РСФСР, работавший под непосредственным руководством ЦК РКП(б) [1, с. 18].

Окончательно юридическое оформление политико-идеологической работы в советской милиции, определение правового статуса должностных лиц, которые должны были специально заниматься вопросами политической и идеологической подготовки личного состава, было завершено в июне 1921 г.: 7 июня 1921 г. НКВД РСФСР совместно с Главполитпросветом Наркомпроса РСФСР утвердили Положение о комиссарах и помощниках по политической части в рабоче-крестьянской милиции и Положение о политических руководителях (политруках) в частях милиции республики [4, с. 51].

В данных нормативных правовых актах впервые официально вводятся должности комиссаров и политических руководителей (политруков) в составе подразделений советской милиции, на которых возлагался контроль за командным и хозяйственно-административным составом милиции, организация и проведение партийно-политической и культурно-просветительской работы, поднятие боеспособности частей и подразделений, укрепление дисциплины и развитие классового самосознания у личного состава. Начальники политсекретариатов одновременно являлись помощниками начальников управлений милиции по политической части. В крупных городах, имевших районное деление, в уездах, районных управлениях транспортной милиции вводились должности помощников начальников по политической части (комиссаров, если руководитель милиции был беспартийный), а в уездно-городской милиции и участках милиции учреждались должности политических руководителей.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Учитывая, что нормативные правовые акты РСФСР распространяли свое юридическое действие на территорию ССРБ (БССР) вплоть до 1922 г., а также и тот факт, что часть территории Восточной Белоруссии непосредственно входила в состав РСФСР до 1924 г. и, следовательно, находилась в юрисдикции НКВД РСФСР, дата 7 июня 1921 г. может рассматриваться в качестве Дня образования идеологических подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь и Дня идеологического работника органов внутренних дел Республики Беларусь. В Положении о комиссарах и помощниках по политической части в рабоче-крестьянской

милиции, а также в Положении о политических руководителях (политруках) в частях милиции республики, принятых 7 июня 1921 г., определен правовой статус, задачи и функции подразделений по политической и идеологической работе в милиции. Вместе с тем существует гипотеза, что идеологические подразделения в милиции ССРБ (БССР) фактически были созданы ранее – в конце 1920 – начале 1921 гг. На это указывает информация, содержащаяся в очерке о развитии белорусской милиции 1927 г. о создании в конце 1920 г. Политсекретариата Главмилиции БССР, а также разработки в январе 1921 г. этим подразделением Инструкции для политкомов. В связи с этим не исключена возможность определения более ранней даты основания службы, для чего необходимо провести дополнительное исследование по обнаружению данных нормативных правовых актов в Национальном архиве Республики Беларусь, Архиве МВД Республики Беларусь и в иных источниках.

Список использованных источников

1. Гутман, М.Ю. Развитие и совершенствование кадрово-воспитательных аппаратов милиции СССР и их деятельность в межвоенный период (1921–1941 гг.) / М.Ю. Гутман // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2013. – № 3. – С. 16–25.
2. О рабоче-крестьянской милиции (Положение) Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 10.06.1920 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.
3. Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі, 1917–1927 / склад.: І. Крэйнін, В. Власаў, В. Потэс ; пад агул. рэд. з прадмовай А. Шашэўскага. – 1-е выд. – Менск, 1927. – 227 с.
4. Вишневский, А.Ф. Организационное укрепление милиции Советской Белоруссии в годы восстановления народного хозяйства и создания фундамента социализма (1921–1932 гг.): учеб. пособие / А.Ф. Вишневский. – Минск : МВШ МВД СССР, 1982. – 72 с.

УДК 351.74

С.Ю. Дегонский

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОХОЖДЕНИЯ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ БССР

Ретроспективный анализ правового регулирования отношений при прохождении службы в ОВД позволяет выделить ее существенные характеристики, которые были сформированы десятки лет назад в про-

цессе становления и развития правоохранительных органов, но при этом остаются актуальными и востребованными и в настоящее время, несмотря на существенные изменения в государственном устройстве и политико-правовом режиме. Данные характерные черты, отражающие государственно-властный публичный характер деятельности правоохранительных органов и службы в них, на современном этапе формирования нормативного правового регулирования прохождения государственной военизированной службы должны оказывать влияние на имеющуюся тенденцию сближения службы с обычной трудовой деятельностью, которая нам представляется ошибочной и в корне неверной.

Справедливо отмечает Ю.Л. Сиваков, что органы внутренних дел (ОВД) – сложный социальный организм, являющийся неотъемлемой частью современного общества. Их состояние и возможности развития всегда обусловлены тенденциями развития общества в целом. Однако независимо от исторических условий и социально-экономических тенденций развития этот институт социального контроля и один из важнейших субъектов обеспечения национальной безопасности объективно требует к себе повышенного внимания и научно взвешенного отношения со стороны органов государственной власти [1].

Так, 28 сентября 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «О введении в действие Положения о службе рабоче-крестьянской милиции», а 7 августа 1926 г. ЦИК и СНК БССР приняли аналогичное постановление «Об утверждении Положения о службе рабоче-крестьянской милиции БССР». В указанном нормативном правовом акте впервые была закреплена позиция о том, что лица, поступившие на службу в милицию, «считаются состоящими на государственной службе» [2, п. 10]. Данный правовой статус закономерно порождал определенные ограничения для работников, проходивших службу: они не могли занимать должности в учреждениях иных ведомств, а также в частных учреждениях и предприятиях [2, п. 11]. Вместе с тем законодатель не вводил термины «служащий» или «сотрудник», определяя личный состав как «работники». Однако в сфере правового регулирования произошло отграничение прохождения службы работников милиции и общей государственной службы. Так, в п. 4 Положения [2] к работникам милиции Кодекс законов о труде (Справочно. Согласно п. V постановления ВЦИК РСФСР от 9 ноября 1922 г. «О введении в действие Кодекса законов о труде РСФСР изд. 1922 г.» действие данного кодекса распространялось на всю территорию РСФСР и всех союзных и автономных советских республик и областей) и изданные в его развитие постановления применяются со следующим изъятием:

а) от них может требоваться работа, связанная с опасностью для жизни;

б) для выполнения работы, которая вызвана непредвиденными обстоятельствами, они могут привлекаться к работе сверх установленного нормального рабочего времени без отдельной оплаты;

в) они не могут отказаться от работы в ночное время. За привлечение к работе в сверхурочное время предусматривались дни отдыха в свободное от оперативной работы время, а за работу в выходные и ночное время – дополнительное вознаграждение, если им не были предоставлены другие выходные дни (п. 4);

г) за умышленную или по неосторожности порчу и утерю находящегося на руках казенного оружия, боеприпасов и снаряжения работники милиции привлекаются к судебной ответственности по ст. 108, 113 или 196 Уголовного кодекса БССР (Справочно. 24 мая 1922 г. был принят УК РСФСР. 24 июня 1922 г. III сессия ЦИК БССР приняла постановление «распространить действие Уголовного кодекса РСФСР на всю территорию Белоруссии с 1 июля 1922 года». С 1924 г. этот кодекс стал официально называться Уголовный кодекс Белорусской ССР).

Указанные нормы свидетельствовали о компенсационном характере положений, закрепленных в них, т. е. содержали принципы трудового права, а не административного, что более характерно для отношений государственной службы, к которой законодатель и отнес поступивших на службу в милицию.

В милицию запрещалось принимать лиц, ранее судимых, а также лишенных избирательных прав, что еще раз подтверждало *классовый подход* в деле комплектования органов охраны общественного порядка. К поступающим на службу предъявлялись следующие требования: возраст 21 год (в исключительных случаях не менее 18 лет), знание учебной программы в объеме семилетней школы, возможность по состоянию здоровья нести службу. Преимуществом при зачислении в ряды милиции пользовались лица, прошедшие действительную службу в Красной Армии. При приеме на службу устанавливался двухнедельный испытательный срок.

Необходимо отметить, что впервые в нормативных правовых актах было закреплено деление работников милиции на виды. Так, в приложении к тексту Положения о службе рабоче-крестьянской милиции БССР сотрудники разделены на три группы: *строевой состав* (начальники милиции и их помощники различных уровней, милиционеры, начальники и комиссары милицейских школ, а также начальники строевой и учебной части школ, командиры взводов, курсанты), *активный состав уго-*

ловного розыска (начальники и помощники подразделений уголовного розыска различных уровней, инспекторы, агенты), *административно-хозяйственный состав* (начальники службы подготовки, фотографы, коменданты, начальники канцелярии, хозяйственного и материального отдела). На наш взгляд, указанным обстоятельством законодатель того времени попытался дифференцировать службу правоохранительного органа в зависимости от функционального назначения должностей и выполняемых в соответствии с этим обязанностей.

Положение закрепляло постепенно осуществлявшуюся в период нэпа деволюцию милиции. Кроме того, постановлением ЦИК и СНК БССР от 22 марта 1928 г. «Об изменении некоторых статей Положения о службе рабоче-крестьянской милиции БССР» в части вопросов ответственности работников милиции п. 10 данного положения был изложен в новой редакции: если до изменений «строевой состав милиции в своей службе руководствуется существующими уставами Рабоче-Крестьянской Красной Армии, поскольку они не противоречат этому положению», то новая редакция закрепляла «За неправильные действия работники милиции отвечают в административном порядке, в соответствии с Дисциплинарным Уставом Рабоче-Крестьянской Милиции или по суду на равных основаниях со всеми служащими». Вместе с тем при объявлении мобилизации работники милиции считались мобилизованными и могли быть призваны в Красную Армию на основании особых узаконений.

Неоднородностью службы в милиции можно считать нормы выше-названного положения, согласно которых на строевой состав милиции и на активный состав уголовного розыска не распространялись ст. 83, 91, 172–174 КЗоТ БССР (вопросы об ответственности за порчу имущества нанимателя, ответственность за непредоставление основного и дополнительного отпуска работнику, рассмотрение споров в расценочно-конфликтных комиссиях). Кроме того, в новой редакции закреплялось положение о том, что на работников не распространяется действие ст. 104, 106 КЗоТ БССР (сверхурочные работы: не более 120 часов в год и 4 часов в течение двух дней подряд), а работники милиции не имеют права отказываться от работы в ночное время, в дни праздников и отдыха, *при этом работа не ограничивалась определенным временем и выполнялась без особой оплаты*.

Указанные особенности дают основания сделать вывод о переносе законодателем сущностных принципов административного права на область регулирования отношений прохождения службы в милиции, чего мы не можем наблюдать в обычной трудовой деятельности работников отраслей народного хозяйства.

15 декабря 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик». Деятельность республиканских органов милиции стала регламентироваться общесоюзным Положением о рабоче-крестьянской милиции, утвержденным постановлением СНК СССР от 25 мая 1931 г. [3].

В соответствии с данным постановлением милиция являлась административно-исполнительным органом Советской власти. В вопросах организации и прохождения службы предусматривалось ведомственное нормотворчество. Так, в соответствии с п. 16 данного положения начальники главных управлений милиции союзных республик наделялись правами утверждать: *устава о службе в рабоче-крестьянской милиции; дисциплинарные уставы рабоче-крестьянской милиции; положения об учебных заведениях рабоче-крестьянской милиции; дополнительные инструкции для ведомственной милиции*. В п. 24, 25 разд. IV «Служба в рабоче-крестьянской милиции» к *оперативно-строевому составу* милиции относились лица, непосредственно несшие постовую службу и выполнявшие оперативную работу по охране революционного порядка и общественной безопасности и работу по политическому воспитанию работников милиции, а также лица, руководившие этой работой, а к *административно-хозяйственному составу* – лица, выполнявшие работу по административному, медико-санитарному и хозяйственному обслуживанию органов милиции, а также педагогический персонал учебных заведений милиции. В п. 27 этого положения законодатель закрепил позицию о том, что «на работников оперативно-строевого и административно-хозяйственного состава милиции *не распространяется общее законодательство о труде*. Условия труда, условия и порядок приема на службу, порядок прохождения службы и увольнения со службы этих работников регулировался *уставами о службе* в рабоче-крестьянской милиции». Согласно данному пункту «рабочее время устанавливалось для лиц начальствующего состава – ненормированное, для лиц рядового состава, занятых физическим трудом, – 8 часов в день и для лиц рядового состава, занятых конторским трудом, – 6 1/2 часов; при сменной работе и непрерывном дежурстве устанавливается одинаковая днем и ночью продолжительность рабочего времени; в случае необходимости работники с нормированным рабочим временем должны были выполнить оперативную работу и сверх нормального рабочего времени без особой оплаты». Указанными положениями подчеркивался специфический характер прохождения службы в милиции, закреплялось особое правовое регулирование, отличающееся от законодательства о трудовых отношениях.

В целях закрепления кадров при поступлении на службу в милицию работники давали письменное обязательство прослужить не менее двух лет, которое оформлялось вновь по истечении указанного срока при продолжении службы [3, п. 28]. Устанавливался также срок службы по окончании учебного заведения милиции в течение которого работнику запрещалось увольняться из расчета два месяца службы за один месяц обучения, но в общем не менее двух лет [3, п. 29]. При этом при исчислении прибавки к заработной плате за выслугу лет для лиц, окончивших учебные заведения милиции, время обучения в них принималось в расчет в двойном размере [3, п. 42]. В вышеуказанном положении были закреплены ограничения в связи со службой в милиции: «воспрещается работа по совместительству, а также платная работа не по найму» [3, п. 43]. Указанные ограничения не распространялись на литературную, педагогическую, медицинскую, научную, художественную и артистическую работу и на работу лиц среднего, старшего и высшего начальствующего состава в качестве специалистов в государственных и общественных органах. Вышеназванные аспекты указывали на особый характер прохождения службы в милиции, отграничивали ее от общей трудовой деятельности.

Придавая особое значение начальствующему составу милиции, ЦИК и СНК СССР 3 июля 1936 г. приняли постановление «Об утверждении Положения о прохождении службы начальствующим составом рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР». Особенностью данного акта являлось то, что в нем устанавливались предельные сроки пребывания на службе, которые зависели от специальных званий. Например, для лиц, имеющих специальное звание «старший майор милиции» и выше, устанавливался срок службы до 55 лет [4, п. 23]. Однако НКВД СССР имел право оставлять на службе отдельных лиц начальствующего состава на сроки, превышающие возрастные пределы службы в милиции [4, п. 25], при этом при исчислении срока выслуги лет назначения пенсии один год службы сверх установленного срока засчитывался за два года [4, п. 27]. В качестве гарантий особой правовой защищенности начальствующего состава милиции было установлено, что «ни одно лицо начальствующего состава..., имеющее специальное звание, не может быть подвергнуто аресту следственными органами без особого разрешения народного комиссара внутренних дел Союза ССР» [4, п. 38].

Таким образом, проанализировав вышеуказанный этап развития правового регулирования прохождения службы в ОВД, можно сделать вывод о том, что исторически прохождение службы в данных органах имело черты как военного органа, так и гражданской организации. Данное обстоятельство подчеркивает многоаспектность отношений при прохождении названного вида государственной службы и как ре-

зультат – сложность их правового урегулирования. Вместе с тем только лишь качественное правовое регулирование прохождения службы в ОВД Республики Беларусь, как особого вида государственной службы, обеспечит выполнение основных задач данной службы в целом посредством надлежащей реализации полномочий сотрудниками.

Список использованных источников

1. Сиваков, Ю.Л. Мотивационные факторы, детерминирующие престижность и результативность государственной службы в органах внутренних дел / Ю.Л. Сиваков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2014. – № 1. – С. 30–34.
2. Положение о службе рабоче-крестьянской милиции БССР : постановление ЦИК и СНК БССР : 7 авг. 1926 г. // СЗ БССР. – 1926. – № 35. – С. 249–465.
3. Положение о рабоче-крестьянской милиции : постановление СНК СССР, 25 мая 1931 г. // СЗ СССР. – 1931. – № 33; 1932. – № 80; 1934. – № 12; 1936. – № 21.
4. Об утверждении Положения о прохождении службы начальствующим составом рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР : постановление ЦИК и СНК СССР, 3 июля 1936 г. / Архив МВД Респ. Беларусь. – Ф. 51. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 2.

УДК 34(09)(476)

С.В. Шабельцев

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МВД БССР И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ ОБУСТРОЙСТВА РЕЭМИГРАНТОВ В 1950-х гг.

Повседневная жизнь БССР во второй половине 1950-х гг. была обогащена появлением в республике сотен реэмигрантов, которые возвращались на родину на постоянное жительство из Канады, США, Парагвая, Уругвая и Аргентины. Эти люди меняли американскую действительность на пленившую их воображение жизнь в Советском Союзе. Термин «реэмигранты» касался тех белорусов, которые приняли гражданство СССР за границей, где оказались до Второй мировой войны, выехав из Западной Беларуси, входившей в состав межвоенной Польши. После обмена своих польских паспортов на советские в 1946–1947 гг. белорусы ждали разрешение на выезд в СССР. Каждое прошение на переезд рассматривалось советскими органами в индивидуальном порядке после наведения детальных справок и прохождения нескольких инстанций. Иногда эти процедуры длились более одного года, а решение по вопросу о въезде в СССР нередко было отрицательным.

Массовая реэмиграция стала возможной после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г.: в п. 8 этого указа Совету Министров СССР поручалось принять меры к облегчению въезда в страну советским гражданам, находящимся за границей, и их трудоустройству в СССР [1]. Правительство пошло на упрощение процедуры оформления документов для въезда в Советский Союз: постановлением от 11 января 1956 г. № 37-26 оно предоставило, например, право советскому посольству в Аргентине самостоятельно разрешать въезд в СССР советским гражданам, которые постоянно проживали в этой стране.

Вследствие принятых решений открылось массовое переселение бывших польских граждан, в первую очередь, в Беларусь и Украину. В 1950-х гг. МВД БССР осуществляло учет, документирование и прописку реэмигрантов. Известно, что за 1955 г. и I квартал 1956 г. в Беларусь только из Латинской Америки прибыло 682 человека [2, л. 84]. По состоянию на 25 декабря 1956 г. в БССР проживало 1 128 граждан, вернувшихся из-за границы [3, л. 6].

По приезду в СССР реэмигранты проходили таможенный осмотр, получали документы (зарубежный вид на жительство менялся на постоянный советский паспорт), обменивали иностранную валюту на советские деньги, а затем направлялись к месту постоянного жительства. Органы Советской власти ставили на первое место выполнение двух задач: обеспечение приезжих жильем и их трудоустройство. Как правило, реэмигранты возвращались в свои родные места, но в условиях послевоенной разрухи в указанных областях не для всех можно было подобрать жилье и работу, поэтому представители Советской власти иногда агитировали за поселение в других районах СССР, в частности, в Донбассе. В результате этого многие реэмигранты-белорусы поехали на восток Украины. Так, из 779 человек, прибывших на теплоходе «Сальта» из Буэнос-Айреса 5 августа 1956 г. и пожелавших жить в УССР, 275 человек (в том числе и белорусы) были направлены в Сталинскую область [4, л. 44].

На месте прибытия реэмигрантов прописывали и устраивали на предприятиях, в учреждениях и колхозах. Проживали они в коммунальных и ведомственных квартирах, у своих родственников, на частных квартирах и в собственных домах. Нуждавшимся выдавали земельные участки под огороды, отпускали посевные культуры и оказывали материальную помощь. Секретарь ЦК КПБ Т. Киселев в январе 1957 г. указал, что в рамках выполнения постановления ЦК КПСС от 26 октября 1956 г. «О мерах улучшения работы среди советских граждан, возвратившихся из-за границы на жительство в СССР» Совет Министров БССР и исполкомы областных Советов депутатов трудящихся этим гражданам выделили в порядке единовременной помощи 462 тыс. р.,

а также выдали ссуды на строительство и на обзаведение хозяйством в размере 231 тыс. р. Кроме того, местные Советы отпускали необходимые строительные материалы, а предприятия и колхозы оказывали помощь в строительстве жилья [3, л. 6].

Проблема состояла в том, что многие реэмигранты после прибытия в родные деревни всеми силами хотели переселиться в город, поскольку видели разницу в образе жизни колхозников и горожан. Побыв в деревне некоторое время, они уезжали в Минск, Брест или другой крупный город и пытались там прописаться. Почти всегда по прошествии некоторого времени переселенцы добивались городской прописки, поскольку представители местных органов власти с особым вниманием относились к их просьбам.

Следующей задачей властей было трудоустройство реэмигрантов. О профессии переселенца часто узнавали только по его прибытию в СССР, что затрудняло выполнение этой задачи. Вызывает интерес профессиональный состав реэмигрантов, которые прибыли в СССР на одном из пароходов из Буэнос-Айреса: строительные рабочие – 119, разнорабочие – 108, промышленные рабочие – 73, портные – 49, ткачи – 29, шоферы – 29, сапожники – 6, служащие – 14, крестьяне – 36, не имело профессий – 171 человек [5, л. 35].

Приведенные данные показывают, что реэмигранты, в большинстве своем, не были высококвалифицированными специалистами, поэтому их трудоустройство не создавало проблем: для них в городах искали работу по специальности, а в сельской местности устраивали в колхозы. Из 320 семей, прибывших на жительство в Брестскую область, 70 направлены на село, где все вступили в колхозы [3, л. 6]. В Минске реэмигранты часто устраивались на работу на Минский радиозавод или камвольный комбинат.

Приезд реэмигрантов имел важное политическое значение для Советской власти: белорусы, вернувшиеся из-за океана, предпочли жизнь не в «мире капитала», а при социализме. С целью предотвращения недовольства переселенцев и для осуществления постоянного контроля за их обустройством при Совете Министров БССР была образована правительственная комиссия. Периодически проводились проверки трудового и бытового устройства реэмигрантов. В ноябре 1956 г. такая проверка показала, что в БССР не были трудоустроены 28 реэмигрантов, а 80 семей не были обеспечены жильем (прежде всего в г. Минске, Бресте, Барановичах и Кобрине). Отмечались и некоторые «факты неправильного отношения местных советских органов и руководителей хозяйственных организаций». Примером выступали три брата Галюка (Петр, Освальд, Михаил), которые были заселены в одну комнату общежития 18 строи-

тельного треста, в котором работали. Братья подали заявление о выезде из СССР, но «настроение их улучшилось» после выделения им квартиры в построенном доме [3, л. 7–8].

Реэмигранты, подававшие заявление о возвращении за границу на прежнее место жительства, находились на особом контроле у властей, к ним было приковано особое внимание советских государственных и партийных органов. МВД СССР периодически предоставляло сведения о тех, кто обращался в Москве в посольства стран своего бывшего проживания с целью возвращения [6, л. 85]. Это свидетельствовало о том, что среди переселенцев были распространены «нездоровые настроения», как представлялось партийным руководителям – «без всяких на то оснований» [3, л. 8]. Действительно, по сравнению с остальными советскими гражданами приезжие из-за океана находились в привилегированном положении, что порой вызывало недовольство и отдельных советских граждан, переживших войну и период восстановления народного хозяйства [7].

С целью выяснения причин недовольства реэмигрантов периодически проводились проверки их обустройства по месту жительства и работы. Так, в декабре 1958 г. была проведена проверка реэмигрантов в Брестской области. На тот момент в данный регион переехало «из различных капиталистических стран и главным образом из стран Латинской Америки свыше 350 семей советских граждан, составляющих около 800 человек. Из этого количества реэмигрантов в гор. Бресте размещено 65 семей, в Пинске – 34, в Барановичах – 17, Кобрине – 30, а остальные расселились в райцентрах и деревнях области». Отмечалось, что «Облисполком, городские и районные Советы депутатов трудящихся, а также партийные органы области уделяют значительное внимание трудоустройству реэмигрантов по их специальностям, принимают меры к быстрейшему обеспечению их жилплощадью, выделяют им в необходимых случаях из своих фондов строительные материалы и выдают денежные ссуды для строительства индивидуальных домов, оказывают им материальную помощь, реагируют на их жалобы и запросы» [6, л. 89].

Тем не менее некоторые реэмигранты были неудовлетворены своим положением. Проживавшая в г. Пинске семья Кравценюков была обеспечена коммунальной квартирой, члены семьи трудоустроены по специальностям и зарабатывали не меньше тех, кто работал вместе с ними. Но тем не менее во время бесед эти лица выразили недовольство своим заработком: «реэмигрант Кравценюк, хотя и зарабатывает с женой 1200–1300 рублей в месяц, имея двух иждивенцев, цинично заявил, что в Аргентине, якобы, мог бы получать по безработице больше, чем здесь на работе» [6, л. 92]. Другие, как гражданка Коретко, подавали

ходатайство на выезд, что мотивировали скучной жизнью в советской стране и привычностью жизни в Аргентине, где для нее все является родным и близким. При этом Коретко зарабатывала в среднем 650 р. в месяц, неоднократно получала на фабрике премиальные и безвозвратную денежную помощь. Ее семья имела жилье, дочь посещала школу и по линии родительского комитета получила зимнюю одежду, обувь, обеспечивалась бесплатными горячими завтраками, а сын был устроен бесплатно в круглосуточный детский садик [6, л. 91].

Высказывали недовольство и немногочисленные переселенцы из Канады. Глава семьи Кучинских работал электромонтером на Пинской электростанции и получал 650 р. в месяц. В беседе заявил, что в СССР он надеялся зарабатывать не менее 1500–2000 р. в месяц, как это ему, якобы, было обещано в посольстве СССР в Канаде. Его жена заявила, что она презирает за некультурность жителей г. Пинска, кроме работников горисполкома, и до сих пор не может примириться с окружающей ее действительностью, и заработка в 650 р. в месяц им не хватает [6, л. 91–92].

Реэмигранты, которые настаивали на возвращении за океан, не могли это осуществить в 1950-х гг., поскольку реэмиграция для СССР имела важное внешнеполитическое значение, а возвращение реэмигрантов могло поставить под сомнение преимущества советского строя перед капиталистическим. Советские полномочные органы разрешили реэмигрантам вернуться за океан только спустя несколько лет. Примером могут служить реэмигранты из Аргентины: на возвращение могли рассчитывать только те из них, кто получил вызов от родственников, или те, кто имел в составе семьи аргентинского гражданина. Данные Архива МВД Республики Беларусь позволяют провести подсчет выезда этих реэмигрантов из БССР с 1964 по 1971 г. включительно – таковых оказалось 202 человека [8, л. 78] (из общего количества реэмигрантов из Аргентины в 1,5–2 тыс. человек).

Таким образом, МВД и другие государственные органы БССР осуществляли активную политику по обустройству реэмигрантов: проводилась паспортизация приезжих, они обеспечивались жильем и работой (часто вне очереди) на передовых советских предприятиях. Поддержка реэмигрантов проявилась в выделении им безвозвратной материальной и денежной помощи, ссуд на строительство и на обустройство хозяйства. Широкие программы поддержки ставили реэмигрантов в привилегированное положение по сравнению с остальными советскими гражданами. Тем не менее часть реэмигрантов не были удовлетворены новой действительностью, что вызывало к ним особое внимание со сто-

роны органов Советской власти. Эта категория реэмигрантов не могла немедленно вернуться в страны своего прежнего проживания, но они получили такую возможность в середине 1960-х гг.

Список использованных источников

1. Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : Указ Президиума Верховного Совета СССР, 17 сент. 1955 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1955. – № 17 (835). – Ст. 345.
2. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 904. – Оп. 1. – Д. 26.
3. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. – Оп. 62. – Д. 461.
4. Центральный державний архів громадських об'єднань України. – Ф. 1. – Оп. 24. – Д. 4403.
5. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 904. – Оп. 1. – Д. 38.
6. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. – Оп. 62. – Д. 489.
7. Письмо С. Самасюка от 1.06.1966. // Архив Общества «Радзіма». – Папка «Самасюк».
8. Шабельцев, С.В. Украинцы и белорусы в Аргентине: общественно-политическая деятельность и связи с родиной (1945–1991 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С.В. Шабельцев. – Минск, 2005. – 116 л.

УДК 343.341

А.В. Скоробогатый, А.И. Мурашко

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В БССР

По-прежнему серьезными угрозами национальной безопасности являются транснациональная и национальная организованная преступность, коррупция, незаконная миграция, торговля людьми.

Современные вызовы преступности требуют эффективных решений по ее сдерживанию. Особо актуальной для науки и практики борьбы с преступностью является задача предупреждения ее отдельных видов, в том числе организованной. Следовательно, познание и объяснение специфических проявлений в современных условиях, всех факторов, обуславливающих отдельные виды преступлений, изучение личности преступника XXI в., подготовка прогнозов развития рассматриваемых видов преступности и индивидуального преступного поведения – ключевые задачи юридических наук. А организация результативной борьбы, например, с организованной преступностью позволит улучшить криминологическую обстановку в республике [1, с. 3].

Перед тем, как принимать какие-либо инновационные решения, следует заглянуть в историю и проанализировать, каким образом осуществлялась борьба с организованной преступностью в более ранний период. В данном исследовании будет рассмотрено развитие законодательства в сфере борьбы с организованной преступностью в БССР.

Так, в XX в. влияние организованной преступности на жизнь общества значительно возросло по сравнению с предыдущими столетиями. Это подтверждается существенными изменениями уголовного законодательства в этот период. Проявилось и такое системное качество преступности, как фрактальность (самоподобие): все последующие формы преступной самоорганизации напоминали по своей структуре предыдущие, но на каждом этапе своего развития представляли перед законодателем во все более усложненном виде. Так, понятие «шайка» длительное время использовалось в советском праве: в 1947 г. совершение преступлений шайкой было введено в качестве квалифицирующего обстоятельства в такие составы, как кража и разбой.

Начальный период становления Советского государства и права проходил под влиянием идей В.И. Ленина о необходимости слома старого, государственного аппарата, отмены норм буржуазного права и создания государства диктатуры пролетариата с соответствующей этому государству системой правовых норм.

Однако создать новое государство и право в одночасье оказалось невозможно, поэтому уже в первых декретах Советской власти судам предлагалось руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств, но с оговоркой «лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [2, с. 641].

К началу 1918 г. внутренняя и внешняя обстановка в стране резко обострилась, приняла угрожающие размеры разгул бандитизма, что потребовало усиления репрессий в отношении врагов революции, к которым относились, кроме бандитов, «все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам» [3]. Известность получила банда Эболи и его сообщницы Бритт, которые, выдавая себя за представителей Советской власти, под видом обысков проникали в дома и совершали кражи, грабежи и разбои. 26 февраля 1918 г. по решению коллегии ВЧК они были расстреляны [4, с. 101].

В УК РСФСР 1922 г., нормы которого определенный период действовали и на территории Белоруссии, понятия, характеризующие деятельность преступных групп и сообществ, все еще не были разработаны, и только при определении мер социальной защиты (так именовались меры наказания) надлежало учитывать совершение преступления такими групп-

пами, как банда или шайка. В ст. 60–62 устанавливалась ответственность за участие в контрреволюционной организации, в ст. 75 – за участие в массовых беспорядках, в ст. 76 – за бандитизм. Все эти преступления могли повлечь применение высшей меры уголовного наказания.

В ст. 180 криминализировались «организованные по взаимному соглашению» случаи хищения государственного имущества, совершенные систематически либо несколькими ответственными должностными лицами или в особо крупных размерах; за данные действия предусматривалось применение смертной казни [2, с. 641].

В 20–30-е гг. XX в. новые явления в преступности еще не рассматривались как системные, а уголовное законодательство не выработало соответствующих понятий, лишь незначительно видоизменило терминологию прежних лет, касающуюся групповой преступности.

УК РСФСР 1926 г. ввел ответственность за участие в контрреволюционной организации (ст. 58-1) и за бандитизм (ст. 59-3), под которым понималась организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или на отдельных граждан, в остановках поездов и разрушении железнодорожных путей и иных средств сообщения и связи. В то время уже сложилось представление о свойствах и существенных признаках банды как вооруженной устойчивой группы лиц, состоящей не менее чем из двух лиц, объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений [5].

Исходя из ст. 48 УК БССР 1928 г., в которой указано, что при определении мер социальной защиты суд принимает во внимание степень и характер опасности преступника и совершенного им преступления, личность преступника, мотивы преступления, а также насколько само преступление в данных условиях места и времени является общеопасным, п. в ст. 49 указывает на то, что более строгая мера социальной защиты определяется судом, если преступление совершено группой, бандой или рецидивистом [6, с. 17].

В ст. 64 УК БССР также прямо указывается о наличии ответственности за вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях вооруженных банд, а также захват власти ими. В ст. 76 УК БССР, аналогично УК РСФСР 1922 г., содержится норма о том, что всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в ст. 63–75 данного кодекса преступлений, равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений несут такие же меры социальной защиты, как и в статье, предусматривающей одно из вышеуказанных преступлений. Статья 79 предусматривает ответственность за участие в массовых беспорядках, а ст. 80 – за бандитизм [6, с. 21–27].

К концу 40-х – началу 50-х гг. XX в. в СССР сформировался целый ряд преступных образований, обладавших иерархической организационной структурой. В условиях послевоенной разрухи стало налаживаться производство необходимых населению товаров в подпольных цехах либо с использованием сверхурочной работы на неучтенных излишках сырья в цехах государственных предприятий. Возник слой подпольных миллионеров – так называемых цеховиков. Их продукция нуждалась в реализации, которая поручалась торговым точкам, включенным в подпольную структуру. Нелегальная производственная деятельность требовала защиты от многочисленных контролирующих органов, прежде всего от службы БХСС и местных органов власти. В таких условиях рост коррупции был неминуем. В данный период исторического развития отчетливо проявилось действие системного закона композиции и пропорциональности, в соответствии с которым каждая система стремится приобрести, создать или сохранить в своей структуре все необходимые ресурсы, находящиеся в заданной соотносительности. Если возникают пропорциональные несоответствия, стихийное действие закона приводит к самонастройке наиболее видимых несоответствий, например набора целей и задач, отношений между элементами системы и ее отношений с внешней средой. В рассматриваемый период отечественной истории самонастройка проявилась в ускоренном объединении интересов и целей преступности экономической и должностной и к усилению в связи с этим преступности организованной. Реакция же государства была неадекватной: руководители заявили о ликвидации в СССР организованной и профессиональной преступности [2, с. 643].

Начиная с 1960 г., в нормативных актах МВД перестали употреблять такие понятия, как «преступные группировки», «воровские группировки», «уголовно-бандитствующий элемент», «вор в законе» и т. п. И это в тот период, когда в течение 11-й пятилетки многократно вырос материальный ущерб от хищений: на 4 % всех расхитителей, совершивших хищения в особо крупном размере, приходилось более половины всей суммы похищенного [7, с. 117].

Несмотря на это, в п. 2 ст. 38 УК БССР 1960 г. указывается такоеотягчающее обстоятельство, как совершение преступления организованной группой. Статья 69 данного кодекса также предусматривает ответственность за организационную деятельность, направленную к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации. Кроме этого, согласно ст. 74 указанного кодекса поменялась дефиниция бандитизма, который стал пониматься как организация вооруженных банд с целью нападения на государственные,

общественные учреждения или предприятия, либо на отдельных лиц, а равно участие в таких бандах и в совершаемых ею нападениях [8].

В 60–70-е гг. застой в экономике сопровождался размахом хозяйственно-корыстной преступности: приписки, особо крупные хищения, взяточничество и спекуляция привели к сверхобогащению дельцов, действующих в сфере теневой экономики, превративших в свою кормушку целые отрасли народного хозяйства. Это вызвало интерес со стороны преступников-профессионалов, разработавших способы паразитирования на деятельности таких профессиональных дельцов-коррупционеров [2, с. 643].

Это явление ярко проявилось в период 80-х – первой половине 90-х гг. в форме рэкета, одного из основных направлений организованной преступности в стране. Организованное вымогательство, распространившееся почти на 80 % приватизированных предприятий и негосударственных банков, составляло 10–20 % оборота или половину балансовой прибыли предприятий [9, с. 104]. Складывавшаяся ситуация требовала поиска компромисса и завершилась сращиванием двух систем. Благодаря свойству динамичности ранее конфликтовавшие подсистемы преступности стали сотрудничать: теперь уже дельцы смогли использовать лидеров профессиональной среды для устранения конкурентов, контроля за соучастниками, собственной охраны, сбыта неучтенной продукции. Особо опасные лидеры стали компаньонами дельцов, вкладывая в преступный бизнес собственные средства и всячески способствуя увеличению производства и доходов [7, с. 118].

Именно в 80-х гг. о проблеме с организованной преступностью стали говорить открыто. Как и иные «запретные» явления этот вид преступности, возникший и набравший силу в застойный период, долгое время официально не признавался. Именно это во многом предопределило то, что в 80-е гг. произошел всплеск криминального профессионализма и высокоорганизованных форм конкретного проявления в общеуголовной преступности, которые, как верно отметил И.И. Карпец, в теории совсем недавно почти начисто отрицались [10, с. 39]. Следует отметить, что правоохранные органы не сидели, сложив руки, а немедленно среагировали на данное преступное явление и уже на втором Съезде народных депутатов СССР 23 декабря 1989 г. было принято постановление СССР «Об усилении борьбы с организованной преступностью», которое предусматривало целый ряд организационных, тактических, правовых и иных мер.

Таким образом, делая вывод, мы можем констатировать, что организованная преступность существовала в Советском государстве. Борьба с данным социально опасным явлением не прекращалась и выражалась, в том

числе, в совершенствовании уголовного законодательства с применением различных мер социальной защиты (мер наказания). В то же время, кроме положительного момента в борьбе с организованной преступностью, существуют и «темные» периоды времени, когда не осуществлялось совершенствования уголовного и иного законодательства, несмотря на большое количество преступлений, совершаемых в составе организованных преступных групп и организаций, и вообще запрещалось говорить о ее существовании. Тем не менее все это является опытом для правоохранительных органов и государства в целом, который можно использовать в борьбе с организованной преступностью в настоящее время.

Список использованных источников

1. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности : монография / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-в внутр. дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). – Минск : Акад. МВД, 2017. – 385 с.
2. Развитие организованной преступности в России: системный анализ / Ю.И. Скуратов [и др.] // Всерос. криминол. журн. – 2016. – Т. 10. – № 4. – С. 638–648.
3. О красном терре [Электронный ресурс] // ussrdoc.com. – Режим доступа: http://www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/ussr_353.htm. – Дата доступа: 30.12.2018.
4. Смертная казнь: за и против : сборник / под ред. С.Г. Келиной. – М. : Юрид. лит., 1989. – 528 с.
5. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [Электронный ресурс] // ru.wikisource.org. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D0%A0%D0%A1%D0%A4%D0%A1%D0%A0_1926_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0/%D0%A0%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F_05.03.1926. – Дата доступа: 30.12.2018.
6. Крымінальны кодэкс Беларускай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі. – Менск : Выд. кіраўніцтва спраў СНК : Выд. экан. нарады БССР, 1928. – 163 с.
7. Организованная преступность / под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. – М. : Юрид. лит., 1989. – 428 с.
8. Уголовный кодекс Белорусской ССР : офиц. текст с изм. на 1 окт. 1965 г. и с прил. постатейно-систематизир. материалов / Юрид. ком. при Совете Министров БССР. – Минск : Беларусь, 1965. – 162 с.
9. Агапов, П.В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности / П.В. Агапов. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2011. – 327 с.

10. Криминологические проблемы борьбы с преступностью : сб. науч. тр. / М-во внутр. дел СССР, Киев. высш. шк. им. Ф.Э. Дзержинского ; редкол.: А.А. Ковалкин [и др.]. – Киев : КВШ МВД СССР, 1989. – 158 с.

УДК 347.73

Е.Н. Григорьева

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФИСКАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Фискальное законодательство на всех этапах развития государства является как прямым отражением его социально-экономического состояния, так и оказывает существенное влияние на него. Не является исключением и законодательство, регулировавшее фискальные правоотношения на белорусских землях после Октябрьской революции 1917 г., состояние которых можно описать высказыванием Е.А. Преображенского о том, что «финансы страны и ее денежное обращение не любят ни войн, ни революций» [1, с. 116].

Октябрьская революция 1917 г. поставила перед большевиками немало актуальных и злободневных вопросов в области государственных финансов, касающихся как управления публичными финансами, эмиссионной политики, «обуздания» галолирующей инфляции, так и поиска источников эффективного пополнения государственной казны в тяжелый для государства период, дальнейшего распределения государственных финансов и осуществления постоянного государственного контроля за всеми вышеописанными общественными отношениями. Так, например, И.К. Кубатов отмечает, что в период Октябрьской революции в связи с изменением основных функций государства в корне изменилась его финансовая политика. После революционных преобразований финансовая система оказалась на грани развала [2, с. 107]. В этот период, по утверждению А.Е. Бобкина, бюджет пополнялся в основном за счет эмиссии, а основным источником доходов местных органов являлись различного рода экспроприации и конфискации [3, с. 94]. Следует отметить, что описанные исследователями обстоятельства были характерны и для остальных территорий образовавшегося Советского государства, в том числе и для белорусских земель.

Общеизвестно, что одним из первых советских нормативных правовых актов, регулирующих налоговые правоотношения, был декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О взимании прямых налогов», которым

устанавливались единые сроки уплаты взимаемых до его принятия фискальных платежей, начавших поступать на основе его норм в пользу исключительно государства, устанавливались налоги на прирост доходов от личных промыслов и на прирост прибыли в отношении промышленных и торговых субъектов хозяйствования, устанавливалась ответственность за уклонение от уплаты налоговых платежей и за просрочку их уплаты. В этой связи актуально высказывание Э.В. Зарецкой о том, что рассматриваемый нормативный правовой акт большевиков стал более жестким продолжением налоговой политики Временного правительства [4, с. 32].

Период военного коммунизма (1918–1921 гг.) характеризуется действием принципа прямого натурального обложения. Его функционирование явилось прямым следствием тяжелой экономической ситуации в государстве и тотального продовольственного кризиса. Об этом свидетельствует ряд нормативных правовых актов, которые принимались в рассматриваемый период. Среди них декрет СНК от 14 августа 1918 г., которым вводился единовременный сбор на обеспечение семей красноармейцев. Субъектами взимания рассматриваемого налога выступали владельцы частных торговых предприятий, у которых трудились наемные работники [5].

В целях отыскания дополнительных источников финансирования государственных расходов на обеспечение военной функции государства, а точнее на нужды Красной Армии, 28 октября 1918 г. принимается декрет СНК и ВЦИК «О введении единовременного чрезвычайного десятиллиардного революционного налога и натурального налога с хозяйств». Как емко отмечает Д.Л. Комягин, этот налог носил сугубо дискриминационный характер, так как субъектами налогообложения являлись лица, принадлежавшие к имущим группам городского и сельского населения, потому что «богатства эти необходимо и целиком взять у паразитических и контрреволюционных элементов населения и обратить их на неотложные нужды революционного строительства и борьбы» [5].

В продолжение проводимой политики 30 октября 1918 г. ВЦИК принимает декрет «Об обложении сельских хозяйств натуральным налогом». Объектом обложения рассматриваемого налога являлись излишки продуктов сверх потребности сельских хозяйств с учетом числа членов семьи, отличался прогрессивностью обложения, находился в прямой зависимости от численности скота в хозяйстве, количества десятин посева. Этот налог в юридической науке часто называют принудительным сбором с крестьян при осуществлении так называемой продрозверстки [3, с. 94].

Примечательно, что, несмотря на введение с 24 ноября 1917 г. уголовной ответственности за просрочку платежей и уклонение от госу-

дарственных повинностей и налогов, высшей мерой за которые был расстрел, число таких правонарушений с 1922 по 1924 г. значительно возросло. Так, А.Е. Бобкин отмечает, что доля налоговых преступлений в общей численности преступности и составе преступлений против порядка управления становится весьма значительной с момента их криминализации уголовным законодательством. Исследователем установлено, что среди преступлений против личности и должностных преступлений преступления, выражавшиеся в уклонении от государственных повинностей и налогов, занимали первое место [3, с. 95].

Итак, вышеизложенное, на наш взгляд, как ни парадоксально, свидетельствует не об отсутствии правовой культуры у населения и не о наличии нигилистических представлений о государственной фискальной политике, а о грубом нарушении прав и свобод человека и гражданина, нарушении права частной собственности со стороны государственных органов, установлении посредством налогообложения принципов классовости налоговой системы и прямого натурального обложения с резко прогрессивной шкалой для отдельных категорий населения.

Военный коммунизм – время расцвета «околоналоговых» режимов: трудовой и гужевой повинности, контрибуций и реквизиций, повсеместного распространения самочинных налогов. Данные изъятия проходили под налоговыми лозунгами, но к налогам, в обычном их понимании, отношения не имели [6, с. 8]. Политика идеологии и практики «военного коммунизма» неизбежно привела к повсеместной тотальной разрухе, в том числе в области экономики. В этот момент налог сводился к насильственным изъятиям и стал средством восстановления «классовой справедливости» [7, л. 45].

Следствием попытки преодоления тяжелого кризиса экономики государства стала попытка пересмотра фискальной политики. В этой связи следующим этапом налоговой политики Советского государства, направленность которого определялась реформой сельского хозяйства, стала нэп, основанием для проведения которой послужил доклад В.И. Ленина «О замене разверстки натуральным налогом» на съезде РКП(б) в марте 1921 г., на основе которого 21 марта 1921 г. ЦИК принимает декрет «О замене продуктов и сырья натуральными налогами». В этом же году вводится акциз на винную продукцию из ягод, фруктов и винограда. В 1923 г. вступило в силу Положение о государственном подоходно-имущественном налоге, в колхозах ввели сбор единых сельскохозяйственных налогов. Из вышеизложенного следует, что в целом государством проводилась попытка налоговой реформы, направленной на налаживание функционирования его финансовой системы, одним из векторов которой явилась разработанная система налогов, включавшая

прямые налоги (промысловый налог, подоходно-имущественный налог, сельскохозяйственный налог), косвенные налоги (например, налог с оборота) и некоторые сборы, среди которых гербовый сбор и др. Тем не менее с 1926 г. наблюдается постепенное свертывание нэпа. Так, кризисы хлебозаготовок 1927–1928 гг. стали основанием к насильственному изъятию хлеба у населения. Основной причиной свертывания нэпа большинству исследователей видится в «принципиальной несовместимости советской политической системы и основанной на частной собственности экономики» [5].

Таким образом, первое десятилетие существования и функционирования фискального законодательства после Октябрьской революции 1917 г. можно разделить на два основных этапа формирования: период действия налогового законодательства военного коммунизма и период функционирования налогового законодательства нэпа. Тем не менее, несмотря на очевидность проведенного деления временных рамок существования фискального законодательства Советского государства, его основными тенденциями являлись: нарушение прав и основных свобод человека и гражданина, упразднение права частной собственности, установление посредством налогообложения принципов классовости налоговой системы и прямого натурального обложения с резко прогрессивной шкалой для отдельных категорий населения. Что касается периода нэпа, то он был лишь временной попыткой государства минимизации тяжелых экономических последствий как результата необдуманных действий государственной власти начала 1918 г., следствием которых явились нищета большинства населения, продовольственный дефицит и голод.

Список использованных источников

1. Преображенский, Е.А. Теория падающей валюты / Е.А. Преображенский. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1930. – М. : Тип. «Крас. пролетарий». – 168 с.
2. Кубатов, И.К. Налоговая система Кыргызской Республики в период советской власти: историко-правовой аспект / И.К. Кубатов // Известия Вузов Кыргызстана. – 2016. – № 3. – С. 107–109.
3. Бобкин, А.Е. Формирование и становление государственного принуждения при сборе налогов в России после революции 1917 года / А.Е. Бобкин // Вестн. Всерос. ин-та повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2010. – № 3. – С. 94–97.
4. Зарецкая, Э.В. Налоговая политика и налоговая идеология в первые годы Советской власти / Э.В. Зарецкая // Мир экономики и права. – 2010. – № 9. – С. 32–35.
5. Комягин, Д.Л. Русские финансы после русской революции / Д.Л. Комягин // Elibrary.ru : Научная электронная библиотека. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_34876941_92121102.PDF. – Дата доступа: 04.02.2019.

6. Масленникова, А.А. Налоговая политика советской России в 1917–1929 гг.: историко-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Масленникова ; Нижегород. правовая акад. – Н. Новгород, 2004. – 29 с.

7. Григорьева, Е.Н. Принципы налогового права (по материалам Республики Беларусь и других стран Содружества Независимых Государств) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Е.Н. Григорьева. – Минск, 2010. – 154 л.

УДК 61:34(476)«1917/1991»

А.А. Кралько

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЕЛОРУССКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Октябрьская революция 1917 г. и последовавшие за ней военные события вызвали необходимость коренного пересмотра правовой регламентации охраны здоровья на территории Беларуси. Глобальная централизация многих социальных процессов, руководящая и направляющая роль партии, незначительно выраженная самостоятельность местных органов управления определяли политику в области здравоохранения и принятие соответствующих нормативных правовых актов.

В соответствии с декретами Совнаркома РСФСР от 28 декабря 1918 г. «О национализации аптек» и 18 февраля 1919 г. «О передаче лечебной части больничных касс в ведение Наркомздрава» в восточных регионах Беларуси проводилась политика национализации и централизации здравоохранения. После принятия Совнаркомом РСФСР декрета от 15 ноября 1921 г. «О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом» стала возможной выплата социальных пособий и расходование страховых взносов на медицинскую помощь, реализовывался принцип преимущественного медицинского обслуживания работающих застрахованных [5].

Одним из первых белорусских законодательных документов, касающихся здравоохранения, был декрет правительства, согласно которому управление всеми аптеками передавалось отделу народного здоровья Минского Совета, но он не был реализован в связи с оккупацией большей части Беларуси. В целях внесения четкости и ускорения процесса национализации аптек в республике 16 сентября 1920 г. опубликован приказ Военно-революционного комитета БССР, объявлявший все аптеки со складами, запасами и принадлежностями собственностью Советской Социалистической Республики Белоруссии. В расширение этого приказа Наркомздравом БССР был разработан подробный циркуляр «О национализации аптечного дела» для уездных отделов здравоохранения [1–4].

Ряд постановлений и приказов издается в целях пресечения спекуляции медикаментами и восстановления запасов лекарственных средств. В марте 1919 г. Народный Комиссариат здравоохранения Литвы и Белоруссии и Минский губернский медико-санитарный отдел опубликовали постановление, по которому всем частным лицам, общественным и другим организациям запрещалось приобретение, продажа и вывоз медикаментов. Приказом Минского губздравотдела в августе 1920 г. все находящиеся в районе Минской губернии склады аптечной и лабораторной посуды объявлены собственностью государства и перешли в ведение фармацевтического отдела губздравотдела.

Существенное изменение правового регулирования и организации медицинской и фармацевтической деятельности обусловила нэп. Коллегия здравоохранения БССР 8 ноября 1921 г. постановила вновь ввести платный отпуск лекарств в аптеках республики. В целях борьбы с незаконной частной торговлей медикаментами 9 июня 1922 г. принято постановление СНК БССР «О торговле аптекарскими товарами», запретившее хранение, изготовление и продажу лекарств вне аптек. С 1926 г. проводятся широкие мероприятия по удешевлению и улучшению лекарственной помощи крестьянскому населению, поднимается вопрос о слиянии районных больничных аптек с хозяйственными и установлением «единой районной аптеки», что нашло отражение в циркуляре Наркомздрава БССР «Об организации единой сельской аптеки» от 27 февраля 1926 г.

Большое значение для развития санитарно-эпидемиологической службы и проведения противоэпидемических и оздоровительных мероприятий имели постановления СНК БССР от 3 апреля 1929 г. «О санитарном состоянии республики и деятельности санитарных органов», от 16 октября 1929 г. «О нормах санитарных органов для обслуживания населения БССР», от 13 декабря 1930 г. «О строительстве бань в сельской местности» и «О санитарном состоянии школ и мероприятиях по дальнейшему улучшению санитарного состояния школ» от 28 мая 1932 г. [1–2].

В советский период решающее влияние на весь ход развития охраны здоровья населения республики оказали постановления ЦК ВКП(б) «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян» от 18 декабря 1929 г., бюро ЦК КП(б)Б «О работе органов Наркомата здравоохранения БССР по народному здравоохранению в БССР» и XV съезда Советов БССР «О состоянии и задачах здравоохранения в БССР» (1935 г.).

Постановлением ЦК ВКП(б) от 1 июня 1931 г. «О медицинских кадрах» и СНК БССР от 10 января 1932 г. «О состоянии здравоохранения и о подготовке медицинских кадров» при медицинском институте откры-

вается вечерний факультет и заочный мединститут с 4 факультетами и 4 опорными пунктами. Постановлением СНК БССР от 10 января 1932 г. «О состоянии здравоохранения и о подготовке медицинских кадров» сокращаются сроки обучения в техникумах до 2,5 лет, при них открываются вечерние отделения, при лечебных учреждениях создается сеть годичных и краткосрочных курсов. Издаётся постановление СНК БССР от 11 октября 1934 г. № 1649 «О подготовке врачей». В сентябре 1936 г. постановлением СНК СССР «О подготовке средних медицинских, зубо-врачебных и фармацевтических кадров» была установлена единая система среднего медицинского образования в стране.

Права граждан в области здравоохранения впервые были продекларированы в Конституции БССР 1937 г. Однако прямо о праве граждан на охрану здоровья не говорилось. Например, в ст. 94 указывалось, что «право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха». В ст. 95 отмечалось, что «граждане БССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью трудящимся, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов». Статья 97 Конституции БССР 1937 г., разъясняя права женщин, устанавливала, что возможность осуществления этих прав «обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов».

Конституционное закрепление право граждан на охрану здоровья получило лишь в Конституции БССР 1978 г. В ст. 40 провозглашено, что граждане Белорусской ССР имеют право на охрану здоровья. «Это право обеспечивается бесплатной квалифицированной медицинской помощью, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения; расширением сети учреждений для лечения и укрепления здоровья граждан; развитием и совершенствованием техники безопасности и производственной санитарии; проведением широких профилактических мероприятий; мерами по оздоровлению окружающей среды; осо-

бой заботой о здоровье подрастающего поколения, включая запрещение детского труда, не связанного с обучением и трудовым воспитанием; развертыванием научных исследований, направленных на предупреждение и снижение заболеваемости, на обеспечение долголетней активной жизни граждан».

В послевоенные годы нормативные правовые акты в области здравоохранения были направлены на восстановление системы оказания медицинской помощи и борьбу с распространенными заболеваниями.

Постановления СНК БССР «О подготовке медицинских сестер для республики» (28 марта 1944 г.) и «О подготовке колхозных медсестер в системе общества Красного Креста» (19 марта 1945 г.) были нацелены на восстановление количества среднего медицинского персонала.

В соответствии с постановлением СНК СССР от 30 апреля 1945 г. № 935 «О мероприятиях по улучшению онкологической помощи населению», а также приказом Наркомздрава СССР от 24 мая 1945 г. № 325, постановлением СНК БССР от 16 июня 1945 г. № 865 была начата организация онкологической службы. К другим важным нормативным документам в области здравоохранения, изданным в 40-е гг. XX в., относятся:

постановление СНК БССР от 27 июня 1944 г. № 358 «О мероприятиях по борьбе с малярией в освобожденных районах БССР»;

постановление СНК БССР от 10 января 1945 г. № 22 «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшению медицинского и бытового обслуживания женщин и детей»;

постановление Совета Министров БССР от 13 сентября 1946 г. № 1755 «О мероприятиях по расширению сети и улучшению работы станций скорой помощи и пунктов неотложной помощи»;

постановления Совета Министров БССР от 24 сентября 1946 г. № 1796 «О мероприятиях по борьбе с малярией»;

постановление Совета Министров БССР от 3 мая 1949 г. № 463 «О выполнении постановления Совета Министров БССР от 29 мая 1948 г. № 651 «О мероприятиях по борьбе с туберкулезом в БССР» и о дальнейших мероприятиях по снижению заболеваемости туберкулезом».

Важным документом явилось постановление Совета Министров БССР от 26 января 1955 г. № 44 «Об упорядочении выплаты пособий по временной нетрудоспособности и выдачи больничных листков», которым Министерству здравоохранения БССР предписывалось улучшить экспертизу трудоспособности в лечебных учреждениях и установить строгий контроль за правильностью выдачи больничных листков лечащими врачами.

Из числа других значимых документов, изданных в 50-е гг. правительством по вопросам здравоохранения, следует отметить:

постановление Совета Министров БССР от 7 января 1950 г. № 33 «Об упорядочении сети и установлении единой номенклатуры учреждений здравоохранения»;

постановление Совета Министров БССР от 30 августа 1954 г. № 780 «О мерах по улучшению психоневрологической помощи в Белорусской ССР».

Постановлением Совета Министров БССР от 27 октября 1961 г. № 632 «О мерах улучшения протезно-ортопедической помощи инвалидам» предусматривалась постройка в 1963 г. в г. Минске протезно-ортопедического предприятия со стационаром, конструкторским бюро и экспериментальной лабораторией.

На уровне правительства регламентируется порядок направления больных алкоголизмом в лечебно-трудовые профилактории – издается постановление Совета Министров БССР от 10 мая 1965 г. № 220 «О проведении принудительного лечения и трудового перевоспитания лиц, систематически злоупотребляющих спиртными напитками и нарушающих общественный порядок, и улучшении лечебно-профилактической помощи лицам, страдающим хроническим алкоголизмом».

Значительным шагом в развитии законодательства о здравоохранении явилось принятие 4 июня 1970 г. Закона БССР «О здравоохранении». Этот закон содержал ряд важных разделов: занятие медицинской и фармацевтической деятельностью, обеспечение санитарно-эпидемического благополучия населения, лечебно-профилактическая помощь, охрана материнства и детства, санаторно-курортное лечение, медицинская экспертиза, лекарственная и протезная помощь. Следует полагать, что указанный закон заложил основы системного правового регулирования здравоохранения, на его принципах построено современное законодательство.

Стратегические направления развития здравоохранения в конце 70-х гг. XX в. определялись требованиями КПСС, озвученными на XXV съезде. С этой целью ЦК КПБ и Совет Министров БССР приняли постановление от 30 декабря 1977 г. № 416 «О работе органов здравоохранения и мерах по дальнейшему улучшению и совершенствованию медицинского обслуживания населения в свете требований XXV съезда КПСС». Этим документом предусматривался ряд мероприятий: совершенствование организации работы учреждений здравоохранения, профилактика заболеваний и предупреждение травматизма, усиление мероприятий по охране здоровья женщин и детей, развитие материально-технической базы здравоохранения на основе рационального сочетания строительства многопрофильных и специализированных медицинских учреждений, расширение

сети медико-санитарных частей и укрепление центральных районных больниц, дальнейшее развитие специализированной помощи и создание кардиологической службы, улучшение работы научно-исследовательских учреждений и медицинских учебных заведений.

В 80-х гг. XX в. появился ряд документов, касающихся проблемы венерических заболеваний. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 18 февраля 1980 г. № 3542-IX «Об усилении борьбы с распространением венерических заболеваний» устанавливалось принудительное медицинское освидетельствование и лечение соответствующих категорий лиц, а также устанавливалась уголовная ответственность за уклонение от лечения венерической болезни и административная ответственность за сокрытие больными венерическим заболеванием источника заражения, а также лиц, имевших с ними контакты.

С целью развития в Беларуси курортов и зон отдыха было принято постановление Совета Министров БССР от 11 марта 1981 г. № 75 «О генеральной схеме размещения и развития курортов и зон отдыха Белорусской ССР», которое реализовалось не в полном объеме.

Важным для здравоохранения республики явилось издание постановления Совета Министров БССР от 14 сентября 1987 г. № 299 «О первоочередных мерах по улучшению здравоохранения в Белорусской ССР в 1988–1990 годах». В соответствии с этим документом:

предусматривалось более широкое строительство медико-санитарных частей за счет капитальных вложений, выделяемых на строительство объектов производственного назначения;

предполагалось продолжить организацию и разукрупнение цеховых врачебных участков;

устанавливалось, что до 1995 г. все предприятия с численностью работников свыше 10 тыс. человек должны иметь медико-санитарные части со стационаром, а с численностью работников 5 тыс. человек и более – медико-санитарные части поликлинического типа.

К концу 80-х гг. XX в. в здравоохранении республики наметилась тенденция к некоторому реформированию отрасли, что хорошо прослеживается в нормативных документах того периода. Так, приказом Министерства здравоохранения БССР от 31 августа 1987 г. № 178 отменялось планирование работы амбулаторно-поликлинических учреждений и врачей, ведущих амбулаторный прием населения, по числу посещений; руководителям учреждений здравоохранения предоставлялось право устанавливать индивидуальные нормы нагрузки врачей амбулаторно-поликлинических учреждений в зависимости от конкретных условий.

В этот период усилено внимание к медицинскому обслуживанию отдельных категорий населения и к развитию отдельных видов помощи.

Издаются приказы Министерства здравоохранения БССР: от 10 октября 1988 г. № 155 «О дополнительных мерах по улучшению медицинского обслуживания ветеранов войны и труда»; от 21 сентября 1988 г. № 139 «О мерах по улучшению медицинского обеспечения воинов-интернационалистов»; от 26 августа 1988 г. № 129 «О дальнейшем развитии трансплантации почек больным с хронической почечной недостаточностью»; постановление Совета Министров БССР от 28 апреля 1990 г. № 105 «О мерах по улучшению медицинского обслуживания и социального обеспечения лиц, принимавших участие в работах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС» и ряд других.

31 мая 1989 г. Советом Министров БССР было принято постановление № 180 «О мерах по дальнейшему улучшению охраны здоровья населения и укреплению материально-технической базы здравоохранения в республике», которое предусматривало ряд важных мер, направленных на развитие белорусского здравоохранения. В частности, планировалось дальнейшее строительство амбулаторно-поликлинических и больничных учреждений, диспансеров, сельских врачебных амбулаторий, домов ребенка и детских санаториев, магазинов по продаже медицинской техники, цехов завода по монтажу и ремонту медицинской техники и аптечных складов, зданий и лабораторных корпусов санитарно-эпидемиологических станций, учебно-лабораторных корпусов медицинских институтов.

Таким образом, в советский период правовая регламентация белорусского здравоохранения была в основном направлена на решение текущих проблем и партийных задач. Вместе с тем в БССР были сформированы реально работающие государственные институты и заложены основы законодательства в сфере здравоохранения.

Список использованных источников

1. Кралько, А.А. Медицинское право : учеб.-метод. пособие / А.А. Кралько. – Минск : БелМАПО, 2014. – 275 с.
2. Кралько, А.А. Правовое регулирование охраны здоровья в Республике Беларусь / А.А. Кралько. – Минск : РОО «Пенитенциар. здоровье», 2009. – 294 с.
3. Кралько, А.А. Формирование законодательных основ организации лекарственной помощи в Беларуси (1918–1929 гг.) : сборник / А.А. Кралько, Н.Ф. Змачинская // История и современные проблемы лекарственного обеспечения населения : материалы науч. конф. – Гродно, 2000. – С. 109–112.
4. Кралько, А.А. Юридическое сопровождение медицинской деятельности: (исторический обзор) / А.А. Кралько // Медицина. – 2000. – № 3. – С. 29–32.
5. Тищенко, Е.М. Страховая медицина в Беларуси в 1920-е годы / Е.М. Тищенко, С.Н. Гриб // Журн. ГрГМУ. – 2006. – № 2. – С. 93–94.

УДК 347.6(09)(476)

С.А. Семенова

ЭВОЛЮЦИЯ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В период Октябрьской революции 1917 г. в России происходил слом политического режима, что повлекло за собой изменения во всех сферах жизни общества. Особый интерес представляет эволюция представлений о брачно-семейных отношениях, которые в период становления и развития Советского государства не раз подвергались переоценке.

Ввиду того, что в БССР первое законодательство, регламентирующее брачно-семейные отношения, а именно Кодекс о браке, семье и опеке БССР, был создан только в 1927 г., а до его появления на территории Белоруссии распространялось брачно-семейное законодательство, принятое в РСФСР, то мы будем рассматривать и давать оценку в целом тем подходам и идеям, которые предлагала власть в отношении семьи и брака на начальном этапе формирования Советского государства.

В дореволюционный период семья была автономна и закрыта от вмешательства государства в ее дела, за исключением крайних случаев. Брак заключался и расторгался в церкви, церковью регламентировался и оберегался. До издания в 1832 г. Свода законов Российской империи под редакцией М.М. Сперанского, в России вообще не существовало специального кодекса гражданского права, государство регламентировало только имущественные отношения супругов. Главнейшим изменением, которое было произведено Советской властью в сфере семьи, было полное устранение из нее религии.

Рассматривая церковь, как одного из главных конкурентов в борьбе за контроль над обществом, Советская власть повела борьбу за введение государственного контроля семейно-брачных отношений в рамках новой государственной идеологии.

Начало процесса кодификации и унификации советского законодательства о браке и семье было положено изданием Декрета от 16 (29) декабря 1917 г. «О расторжении брака». Именно этот декрет стал началом ликвидации права церкви на регулирование семейно-брачных отношений. Декрет способствовал укреплению позиций молодого Советского государства в качестве субъекта правотворчества, утверждению его абсолютной юрисдикции через вытеснение церкви и формированию единого правового пространства Советской России [1].

Так, в Декрете о расторжении брака прописывалось, что основанием для развода супругов было желание хотя бы одного из них. Кроме того, декрет не обязывал судью, который единолично выносил решение, выяснять причины, в следствие которых данное желание возникло. Таким образом, если в рамках буржуазного государства церковь всячески старалась сберечь семью, вводя множество препятствий для расторжения брака, то Советская власть, пропагандируя свободу и равенство в отношениях мужчины и женщины, делала все возможное, чтоб разрушить традиционные представления о семье и сделать брак заведомо недолговечным.

Более того, можно сказать, что большевики в начальный период своей деятельности, руководствуясь собственной концепцией брачно-семейных отношений, полагали, что традиционная «буржуазная семья» является потенциальным очагом оппозиции существующему режиму [2, с. 105]. В этой новой системе ценностей не было места прежним семейным отношениям, основанным на традиционных представлениях о роли мужчины и женщины в структуре семейных связей.

На первом этапе становления Советской властью предпринимались попытки изменить брачно-семейную традицию и идеологию, внедрить новую модель семейных отношений, в основе которых лежали революционно-радикальные взгляды на институт брака. Так, по мнению А.М. Коллонтай, старая форма брака, основанная на нерушимости брачного союза, не в интересах рабочего класса. Свобода половых отношений и освобождение от всех условностей старого мира (любовь, семья, дом) необходима для скорейшей победы коммунизма [2, с. 105; 3, с. 37]. Таким образом, семья как явление, присущее буржуазному обществу, должна быть разрушена.

В результате революции наступала эпоха свободных отношений, освобождения от так называемых бытовых оков, где прежние обязанности и функции членов семьи уходили в прошлое, и возникала семья нового типа, являвшаяся ячейкой нового общества. Большевики предполагали сформировать новые формы семейных отношений, в которых их участники будут полностью освобождены от прежних социальных обязанностей и получат возможность для труда на благо всего общества. Для этого признавалось необходимым разрушить прежнюю традиционную семью, поскольку она отвлекала индивида от выполнения своих социальных функций строителя нового мира, основанного на социалистических ценностях [4].

Как предполагалось тогда советскими идеологами, люди в будущем не станут нуждаться в документальной отметке, свидетельствующей, о том, что они муж и жена, а формирование союза будет проходить только на основе их взаимного желания [5, 6]. Как писал известный юрист

того времени Я.Н. Бранденбургский, регистрация брака является пережитком, который со временем исчезнет, однако она сохраняется как средство борьбы с церковным браком [7].

Следующим революционным законодательным актом, регламентирующим брачно-семейные отношения и рушившим старые буржуазные традиции, стал Декрет от 18 (31) декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». Его основными положениями являлись: признание государством только гражданских браков и отнесение церковного брака к частным делам брачующихся (ст. 1); закрепление моногамного состава семьи, как единственно возможного (ст. 2). Отменялись многочисленные препятствия к заключению брака, существовавшие в дореволюционном законодательстве. Подтверждались только четыре основания для запрета заключения брака: недостижение брачного возраста, прямое родство, отсутствие здравого ума и нахождение в браке. Вводились новые принципы добровольности заключения брака и равенства супругов в браке.

Положение женщины в дореволюционном праве было принижено. Женщина постоянно должна была находиться под опекой, сначала отца затем супруга. Она не имела права самостоятельно принимать решения и зависела от мужчины. Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния, равно как и Декрет о расторжении брака, стал важным шагом в закреплении прав женщины, ее независимого положения в обществе, семье.

Советские идеологи очень гордились данным завоеванием революции. «Советская власть, – писал В.И. Ленин, – первая и единственная в мире уничтожила полностью все старые, буржуазные, подлые законы, ставящие женщину в неравноправное положение с мужчиной, дающие привилегии мужчине, например, в области брачного права или области отношений к детям» [8, с. 346].

Кроме того, следует учитывать и тот факт, что в данный период существенно изменилась структура общества, вместе с этим и традиционные роли в обществе мужчин и женщин. Война привела к значительному сокращению трудоспособного мужского населения. С одной стороны, это обусловило рост численности работающих женщин, с другой стороны – женщины становились единственными кормильцами своих семей, вследствие чего зависимость женщин от мужчин уменьшилась. Изменяется социальный статус женщин. Если ранее женщине отводилась роль хранительницы домашнего очага, то в этот период женщина становится часто чуть ли не единственным кормильцем и добытчиком в семье. В результате осознания своего положения женщины начинают активно участвовать в революционных событиях и Гражданской войне, что спо-

собствовало быстрому развитию эмансипации в 20–30-е гг. и массовому вовлечению женщин в общественную жизнь.

Для того чтобы укрепить свои позиции, Советская власть сразу после принятия первых декретов, регулирующих брачно-семейные отношения, начала работу по систематизации брачно-семейного законодательства и созданию первого в России Кодекса законов о брачно-семейном праве. По мнению Н.А. Семидеркина, намерения новой власти являлись очевидными: «Советское государство рассчитывало, демонстрируя преимущества гражданского брака по сравнению с церковным, направить массы трудящихся против церкви и ее идеологии» [9, с. 8]. Его появление непосредственно связано с общеполитической ситуацией в стране: послереволюционной разрухой и неразвитостью правовой системы, обстановкой Гражданской войны, «военного коммунизма», национализацией.

Первый советский Кодекс об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. (далее – Кодекс 1918 г.) действовал на протяжении восьми лет, до принятия 19 ноября 1926 г. нового Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР. В советской и современной российской историографии отмечается, что кодекс закреплял новые взгляды Советской власти на семью. Подтверждением этого стала ликвидация института родительской власти и слабая попытка посмотреть на ребенка как на равноправного обладателя лишь ему принадлежащих в семье прав. Однако законодательство о браке, семье и опеке, как результат многовекового развития самобытной правовой культуры, как сумма накопленного веками опыта, не могло быть радикально обновлено моментно. Нормы Кодекса 1918 г. в ряде случаев демонстрируют преемственность с традиционными институтами брачно-семейного права предыдущих эпох. Особенно это заметно в регулировании отношений, связанных с разрешением споров о детях, защитой родительских прав, взыскании средств на содержание нетрудоспособных и нуждающихся членов семьи. Практически полностью советским правом был воспринят институт опеки (попечительства) над несовершеннолетними [1].

Таким образом, послереволюционная разруха, обстановка Гражданской войны, политика «военного коммунизма», национализация, а также появление новых идей и представлений о семье и брачно-семейных отношениях, закрепленных в законодательных актах новыми властями, способствовали появлению глубоких конфликтов и противоречий в обществе, а также внутри семьи, между ее членами. Большевики делали все, чтобы упразднить существование семьи в прежнем виде и разорвать прочные, все еще существующие связи между ее членами [4]. Результатом политики Советской власти стало возникновение новых форм семейных отношений, которые отражали происшедшие

общественные изменения и надолго закрепились в постреволюционном обществе. Как отмечает В.В. Никулин, потребовалось менее 10 лет социального эксперимента в брачно-семейных отношениях, чтобы понять, что стабильность государства во многом зависит от стабильности института брака и семьи [2].

Список использованных источников

1. Салогуб, Я.Л. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. как этап большевистского эксперимента в правовом регулировании семейно-брачных отношений. Историография. Источники / Я.Л. Салогуб, В.В. Фролов // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. – № 4. – Т. 2. – 2017. – С. 5–17.
2. Никулин, В.В. Эволюция института брака в Советской России: от отмирания брака к консервативной семье (1917–1920-е гг.) / В.В. Никулин // Вестн. Тамбов. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – Т. 21. – Вып. 7–8 (159–160). – С. 104–109.
3. Коллонтай, А.М. Любовь пчел трудовых : из сер. рассказов «Революция чувств и революция нравов» / А.М. Коллонтай. – М. : Петроград : Госиздат, 1923. – 303 с.
4. Семенов, А.А. Кризис традиционной семьи и эволюция брачно-семейных отношений в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.) / А.А. Семенов. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2015/05/pdf/63.pdf>. – Дата доступа: 10.12.2018.
5. Щекин, М.В. Новый быт, новая семья (семья, любовь, брак, проституция) / М.В. Щекин. – Кострома : Изд. 1-й Губтипографии, 1924. – 56 с.
6. Шевелев, П.В. Брачные узы по-новому / П.В. Шевелев // Беларус. думка. – Минск : БелТа, 1991. – С. 95–97.
7. Бранденбургский, Я.Н. Брак и его правовые последствия / Я.Н. Бранденбургский. – М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. – 37 с.
8. Ленин, В.И. Сочинения / В.И. Ленин. – Т. 30.
9. Семидеркин, Н.А. Создание первого семейно-брачного кодекса : учеб. пособие / Н.А. Семидеркин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 96 с.

УДК 341.433

К.Д. Сазон

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВА УБЕЖИЩА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Право убежища на протяжении длительного времени выступает в качестве объекта познания юридической науки. Свидетельством тому служит научное наследие, доставшееся современным исследователям

от известных ученых-правоведов дореволюционного [1] и советского периода [2–4]. Вместе с тем современное юридическое научное знание характеризуется дискуссионностью по вопросу определения теоретико-методологических оснований становления, развития и функционирования права убежища. В связи с этим видится необходимым исследование историко-правовых особенностей конституционализации права убежища, характерных для практики строительства белорусского государства в советский период.

Одним из методов познания объективной действительности, применение которого способствует выявлению сущностных признаков, опосредующих содержание какого-либо правового явления, выступает историко-правовой анализ. Полагаем, что установлению исторически обусловленных сущностных признаков убежища и его форм будет способствовать проведение ретроспективного анализа особенностей становления, развития и функционирования института убежища, нашедших отражение в мировой практике. Исследование специальной литературы показало, что в настоящее время признанной считается точка зрения, в соответствии с которой к исторически обусловленным формам убежища относят: религиозное, территориальное и дипломатическое.

Древнейшей разновидностью убежища является его религиозная форма. Источники свидетельствуют о том, что предоставление убежища в святых местах было известно многим древним обществам. В Греции убежищами являлись храмы и их алтари; окрестности храмов; священные рощи и пещеры; статуи богов; посвященные какому-либо божеству города; священные острова, так как полагалось, что эти места находятся под защитой Богов и могут предоставить защиту любому. Убежищем для преследуемого также служил очаг любого дома. В Древнем Риме убежищами являлись храмы, памятники, статуи императоров, священные рощи, знамена римских легионов и римские орлы [4, л. 6–7]. Исследователи истории древних славян отмечают, что «по древне-чешскому обычаю преследуемый мог найти себе защиту от мести и преследований ... дома у своей жены», и приходят к выводу, что право убежища распространялось на древне-славянскую хату» [5, с. 225].

Право убежища в Древней Греции и Древнем Риме признавалось за каким-нибудь местом «изданием специального закона, изречением оракула, волей государственных людей, полководцев и диктаторов», что Н.М. Голубов называет «санкцией силы», без которой, по мнению ученого, право убежища существовать не могло [1, с. 28, 42]. Таким образом, правом убежища, т. е. правом укрывать преследуемых лиц, обладали лишь те места отправления культа, которым это право было

установлено представителями светской или духовной власти. Подобные установления определяли также категории лиц, которым в убежище может быть предоставлена защита. Одни места убежищ укрывали всех без исключения преследуемых лиц, включая умышленных убийц, другие – предоставляли защиту лицам определенной категории.

Говоря о предназначении убежищ, укажем, что они являлись эффективным средством обеспечения личной безопасности преследуемого лица, так как всякий вошедший в храм или находящийся рядом с предметом культа становился неприкосновенным. «Право убежища, по утверждению Н.М. Голубова, везде, где оно существовало, имело целью оказывать защиту преследуемому от преследователей» [1, с. 12]. Существование подобного правила, по мнению большинства ученых, было направлено на ограничение кровной мести [4, л. 8].

В период раннего Средневековья развитие института убежища было взаимосвязано и взаимообусловлено процессами установления доминанты христианства в государственной и общественной жизни, что привело к замене убежища храма, которое перестало пользоваться защитой государственной власти, на убежище церкви. Христианскими убежищами были церкви и монастыри с прилегающей территорией, а также дома священников, которые защищали всех преступников. Считалось, что ищущий убежища в церкви преступник есть кающийся грешник, а наказанием за совершенное преступление служит наложенное на него покаяние [1, с. 49]. На Руси местами убежищ были монастыри и епископские дворы [6, с. 121–123]. В тех случаях, когда опасность для искавших убежища в церкви была велика, они занимали наиболее чтимые места около гробниц или мощей. Однако подобная практика предоставления убежища не была ни санкционирована, ни регламентирована со стороны государства [7, л. 27–29].

Что касается отличительных черт религиозной формы убежища в период Античности и Средневековья, то, по мнению Л.Н. Галенской, такой чертой является взаимная заинтересованность государства и церкви в становлении и развитии данной формы убежища, а «...не святость и неприкасаемость определенных мест, не боязнь неминуемой кары за нарушение сложившихся правил» [2, с. 6].

На наш взгляд, в числе характерных особенностей религиозного убежища стоит также назвать возможность его предоставления самым различными категориям преследуемых лиц, включая убийц и других умышленных преступников. Например, в Древней Греции и Древнем Риме в местах, признанных убежищами, могли укрыться и найти защиту все без исключения преступники и преследуемые, в том числе умышлен-

ные убийцы, побежденные враги, должники и бежавшие рабы, которые должны были доказать жестокое с ними обращение, а должники освобождались от мести кредиторов. Вместе с тем существование такой «всеобщности», по мнению некоторых исследователей, «...освящало преступления и освобождало виновного от заслуженного наказания» [1, с. 26, 40–45].

В связи с этим считаем уместным привести слова Ч. Беккариа, который по этому поводу писал, что «безнаказанность и убежища почти ничем не отличаются между собой: так как наказание производит впечатление скорее неизбежностью, строгостью, то убежища настолько располагают к преступлениям, что угроза наказания теряет значение. Размножать убежища все равно, что создавать мелкие полноправные государства...» [8, с. 89].

Учитывая изложенное, полагаем необходимым согласиться с мнением отдельных авторов, что практика предоставления религиозного убежища противоречила истинному предназначению этого института, состоящего в том, что убежища «должны оказывать покровительство не оскорбителям, а оскорбленным, не преступникам, а тем, кто от них пострадал» [1, с. 50].

Развитие рассматриваемого института, сопровождавшееся в Средние века «конфронтиацией суверенитетов» церкви и государства, выразившейся в лишении некоторых церквей права убежища, и «совершенствованием государственно-правовых институтов предоставления отдельным поселениям права на защиту лиц, ищущих убежища, привело к использованию физическими лицами территории другого государства с целью избежать не только преследования, но и наказания» [9, с. 10].

В своей работе В.А. Гринчак справедливо отмечает, что «...дальнейшее укрепление государств, возрастание территориальных и иных споров, обуславливавших противостояние между государствами..., повлияло на развитие правоотношений убежища» [9, с. 10]. Предоставление защиты лицам, ищущим убежища, на территории другого государства позволило говорить о развитии новой формы убежища – территориальной, основой для которой, по мнению Л.Н. Галенской, послужило существование отдельных самостоятельных государств и наличие разногласий между ними [2, с. 5].

Дальнейшее укрепление государств и развитие дипломатических отношений повлияло на становление других форм убежища и привело к появлению такой формы убежища, как дипломатическое, под которым сегодня принято понимать «предоставление какому-либо лицу возможности укрыться от преследований по политическим мотивам в помеще-

нии иностранного дипломатического представительства или консульского представительства, а также на иностранном военном корабле» [10]. Нужно сказать, что современное международное право не признает дипломатического убежища, хотя оно все еще встречается у некоторых латиноамериканских государств [11, с. 389]. Подтверждением сказанному может служить факт предоставления Эквадором убежища Джулиану Ассанжу в помещении своего дипломатического представительства в г. Лондон (Великобритания) в августе 2012 г.

В данном контексте считаем возможным поддержать высказываемое в научных кругах мнение о том, что дипломатическое убежище не стоит относить к самостоятельной форме убежища. Его необходимо рассматривать как разновидность убежища территориального [7, л. 14], поскольку территории дипломатических и консульских представительств, а равно морские и воздушные суда, включая военные, находящиеся под флагом государства, относятся к квазитерритории государства, в отношении которой у такого государства имеется возможность осуществления своей юрисдикции, в силу чего последняя рассматривается в качестве составной части государственной территории [12, с. 445].

По нашему мнению, вышеназванные особенности становления, развития и функционирования указанных форм убежища в различные периоды цивилизационного процесса позволяют сделать некоторые выводы. Во-первых, эволюция рассматриваемого института предопределила существование исторически обусловленных форм убежища – религиозной, территориальной и дипломатической. Во-вторых, развитие межгосударственных отношений, сопровождавшееся в Средние века противостоянием светской и церковной властей, приводит к установлению доминанты территориального убежища, заключающегося в предоставлении защиты и покровительства преследуемым лицам на территории государства и предполагающего в качестве необходимого условия его предоставления проявление суверенной воли такого государства.

Далее обратимся к доктринальным проблемам определения понятия и содержания права убежища, установления его институциональной природы, решение которых оказывает влияние на процесс конституционализации исследуемого правового явления. На наш взгляд, представляется возможность вести речь о трех гносеологических направлениях, в рамках которых советскими учеными раскрывалась сущность такого явления, как право убежища.

Представителями первого направления право убежища рассматривалось как право государства по предоставлению убежища на своей территории. В советское время такой гносеологический подход получил

широкое распространение и поддержку. Несмотря на то что в юридической литературе того времени понятию права убежища уделялось недостаточное внимание [13, л. 14], признанной считалась точка зрения, в соответствии с которой право убежища понималось как «право суверенного государства предоставлять политическим эмигрантам... право безопасного проживания на своей территории – при гарантии демократических прав и основных свобод» [13, л. 11].

Например, Н.А. Ушаков определял право убежища «как предоставление политическому эмигранту права безопасного проживания в иностранном государстве, при гарантии ему демократических прав человека и основных свобод со стороны государства – убежища» [4, л. 177]. При этом необходимыми признаками права убежища назывались суверенитет и территориальное верховенство [4, л. 185].

Отдельные современные авторы также поддерживают исследуемый подход определения права убежища как права государства на предоставление защиты на своей территории преследуемым лицам.

А.Н. Антипов считает, что право убежища есть «исключительное право государства предоставить убежище лицу или отказать ему в этом» [14, с. 120]. В свою очередь, профессор Б.С. Эбзеев называет право убежища «одним из традиционных суверенных прав государства» [15, с. 312].

Считаем, что указанная позиция имеет право на существование по ряду причин. Прежде всего общепринятым является признание того, что основа права убежища – суверенитет и верховенство государственной власти над своей территорией. Применительно к праву убежища государство вправе самостоятельно определять основания и порядок въезда и выезда в государство, правила проживания иностранцев на своей территории, законодательно закреплять правовой статус всех лиц, находящихся под его юрисдикцией, принимать на себя международные обязательства по защите лиц, ищущих убежище и пользующихся им, ограничивать круг лиц, которым может быть предоставлена защита и покровительство, и т. д.

При этом праву убежища, носителем которого выступает государство, не корреспондирует обязанность предоставить лицу убежище. В данном случае юридическая связь лица, ищущего убежище, с государством проявляется в наличии у государства обязательства рассмотреть обращение такого лица о предоставлении убежища и принять соответствующее решение с последующим уведомлением заявителя. Указанный аспект предполагает необходимость учитывать то обстоятельство, что о реализации права убежища можно говорить только тогда, когда лицо пересекло международную границу, т. е. покинуло одно государство и

прибыло на территорию другого. Таким образом, следует признать, что проявление государственного суверенитета в виде разрешения на въезд, установления процедур предоставления убежища и допуска к ним является необходимым условием реализации индивидом права убежища.

В рамках второго гносеологического направления право убежища рассматривалось с позиции принадлежности его к правам человека. Советские исследователи отрицали возможность рассмотрения права убежища как права человека. Так, Е.А. Шибаева подвергала критике ст. 14 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (далее – Всеобщая декларация), закрепившую на международном уровне норму, в соответствии с которой «каждый имеет право искать убежище и пользоваться этим убежищем» (ч. 1). Ученым отмечалось, что подобное установление «...изменяет основной принцип этого института – предоставление убежища только борцам за свободу» [13, л. 12]. Подобная позиция подкреплялась и тем аргументом, что международно-правовыми актами устанавливается запрет на использование права убежища лицами, преследуемыми за совершение неполитического преступления или деяния, противоречащего целям и принципам Организации Объединенных Наций.

В связи с этим отметим, что в международных документах говорится в целом о праве убежища, а не о праве политического убежища. Из процитированных выше положений ст. 14 Всеобщей декларации видно, что политический аспект убежища напрямую здесь не называется, а запрет использования права убежища лицами, преследуемыми за совершение неполитического преступления, на наш взгляд, отражает получивший признание в международной практике подход непредоставления защиты и покровительства лицам, совершившим общеуголовные преступления. Вместе с тем Всеобщая декларация, устанавливая запрет на возможность пользоваться правом убежища при совершении неполитического преступления, подразумевает возможность предоставления убежища при преследовании за так называемые политические преступления, а они, по мнению С.А. Авакьяна, как раз и есть «отражение неблагоприятных последствий для человека за его политическую деятельность и убеждения» [16, с. 859].

В рамках третьего гносеологического направления правовая природа и содержание права убежища исследовались в его институциональном выражении. В середине прошлого века Н.А. Ушаковым признавалось, что право убежища является одним из древнейших правовых институтов в истории человечества [4, л. 6]. Однако исследователем не определялась его отраслевая принадлежность. В контексте указанной проблемы

Л.Н. Галенская относила право убежища одновременно к институтам внутригосударственного и международного права [2, с. 8].

По вопросу правовой регламентации права убежища в условиях советского строительства следует отметить, что норма об убежище впервые была закреплена в Декрете ВЦИК от 28 марта 1918 г. «Об убежище». Декрет устанавливал, что «всякий иностранец, преследуемый у себя на родине за преступления политического или религиозного порядка, в случае прибытия в Россию пользуется здесь правом убежища». В дальнейшем норма подобного содержания нашла отражение в Конституции ССРБ 1919 г. Статья 14 данной Конституции закрепляла, «что ССРБ предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления».

Дальнейшее конституционное развитие института права убежища было обусловлено созданием СССР, так как в вопросах конституционного нормотворчества союзные республики были ограничены рамками Основного Закона Советского Союза. Это подтверждается анализом конституционных норм об убежище, содержащихся в Конституциях СССР и БССР. Так конституционные нормы об убежище, содержащиеся в Конституциях СССР 1924, 1936, 1977 гг., в аналогичной редакции нашли отражение в Конституциях БССР 1927, 1937 и 1978 гг. соответственно.

Конституция 1927 г. устанавливала, что Белорусская ССР предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованиям за политическую деятельность или за религиозные убеждения (ст. 18). Следует отметить, что в это время советское законодательство отказалось от термина «преступление». Объяснялось это тем, что в Советском государстве убежище получают не преступники, а политические деятели [2, с. 30].

Основной Закон 1937 г. закреплял возможность предоставления БССР права убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу (ст. 104). Этими положениями круг лиц, которым предоставляется убежище, был еще более конкретизирован, что позволило подчеркнуть особую значимость, придаваемую Советской властью национально-освободительной борьбе угнетенных народов и наций, а также научной деятельности. В конечном итоге, это знаменовало «подлинный демократический характер права убежища в Советском государстве» [2, с. 30].

В соответствии со ст. 36 Конституции 1978 г. Белорусская ССР предоставляла право убежища иностранцам, преследуемым за защиту интересов трудящихся и дела мира, за участие в революционном и

национально-освободительном движении, за прогрессивную общественно-политическую, научную или иную творческую деятельность.

Приведенные выше примеры позволяют сделать вывод о том, что развитие конституционного законодательства об убежище в советский период отразилось на формировании научных взглядов о его природе, что подтверждается доминированием в научных кругах представлений о его исключительно государственном характере, основанном на суверенитете государства. В то же время детализация оснований предоставления права убежища вначале за совершение политических преступлений, а в последующем за активную политическую, научную и творческую деятельность, на наш взгляд, является свидетельством учета Советской властью мировых тенденций развития миграционных процессов, указывающих на необходимость предоставления защиты на территории государства не только «политическим беженцам», но и другим категориям лиц, обоснованно опасующимся преследований за прогрессивную общественно-политическую деятельность.

Список использованных источников

1. Голубов, Н.М. Институт убежища у древних евреев в связи с уголовным и государственным правом Моисея и Талмуда и сравнительно с институтами убежищ у древних греков и римлян в средневековой и новой Европе. Историко-юридическое исследование / Н.М. Голубов. – СПб., 1884. – 168 с.
2. Галенская, Л.Н. Право убежища. Международно-правовые вопросы / Л.Н. Галенская. – М. : Междунар. отношения, 1968. – 128 с.
3. Кауфман, Я. О праве убежища / Я. Кауфман // Совет. государство. – 1934. – № 5. – С. 39–44.
4. Ушаков, Н.А. Право убежища : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Н.А. Ушаков. – М., 1950. – 125 л.
5. Зигель, Ф. История славянских законодательств / Ф. Зигель. – Варшава, 1909. – 201 с.
6. Записки по церковному законоведению. – Киев, 1861. – 276 с.
7. Антипов, А.Н. Становление и развитие права убежища в России (историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.Н. Антипов. – М., 2009. – 225 л.
8. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – Изд. С.Я. Беликова, 1889. – 243 с.
9. Гринчак, В.А. Убежище в международном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В.А. Гринчак ; Ин-т государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины. – Киев, 1995. – 16 с.
10. Большой юридический словарь. – 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. проф. А.Я. Сухарева. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 858 с.
11. Лукашук, И.И. Международное право / И.И. Лукашук. – М. : Волтерс-Клувер, 2005. – 432 с.

12. Международное публичное право : учебник / Л.П. Ануфриева [и др.]. – М. : ТКВелби : Проспект, 2005. – С. 784.

13. Шибаева, Е.А. Проблемы права убежища в международном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Е.А. Шибаева. – М., 1953. – 128 л.

14. Антипов, А.Н. Право убежища в системе обеспечения безопасности государства / А.Н. Антипов // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2007. – № 4. – С. 119–121.

15. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации : монография / Б.С. Эбзеев. – М. : Проспект, 2013. – 656 с.

16. Авакьян, С.А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. / С.А. Авакьян. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2011. – 863 с.

УДК 342.7(476)

А.В. Смирнов

О ЗАКРЕПЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В КОНСТИТУЦИЯХ БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Конституция Республики Беларусь является отражением исторического опыта белорусского государства. В тексте Основного Закона страны получают свое закрепление базовые ценности и принципы конституционализма, сформировавшиеся в результате развития белорусской государственности.

Конституционный Суд Республики Беларусь в Послании «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году» обратил внимание, что в современном конституционализме преломляются объективные, исторически обусловленные национальные, политические, социальные и культурные особенности развития, духовно-нравственные традиции народа. Система ценностей, составляющих обязательные элементы конституционализма, находит легитимное нормативное закрепление в Конституции и реализуется посредством правового регулирования общественных отношений [1].

Следует согласиться с тем, что «в настоящее время важно обеспечить дальнейшее конституционное развитие эволюционным путем, сохраняя и развивая конституционные ценности» [2], одной из которых является конституционная экономика, важнейшими составляющими которой являются предоставление государством всем равных прав для осуществления экономической деятельности, а также гарантирование государством равных возможностей свободного использования способностей и имущества для экономической деятельности [3].

Принимая во внимание конституционно артикулированную значимость экономики и обеспечения ее устойчивого развития, а также необходимость создания в стране условий и механизмов безопасности конституционной экономики, считаем целесообразным в рамках ретроспективного анализа осуществить научную оценку особенностей закрепления в Конституциях Белорусской Советской Социалистической Республики экономических прав и свобод личности с целью определения исторически обусловленных закономерностей конституционного регулирования экономических отношений.

1 января 1919 г. была образована Социалистическая Советская Республика Белоруссия (ССРБ), в дальнейшем переименованная в Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (БССР). За весь советский период на территории современной Беларуси действовали четыре Конституции (1919, 1927, 1937 и 1978 гг.).

Конституция ССРБ от 3 февраля 1919 г. была принята первым Всебелорусским съездом Советов. Поскольку в начале своего становления Советская власть имела конкретную цель – установить диктатуру пролетариата, осуществить социалистическую революцию, то, соответственно, ее деятельность не могла не считаться с этой основополагающей задачей. Это отразилось и на экономических правах человека и гражданина.

Думается, что это обусловлено рядом причин: во-первых, правовые основы Советской власти на переходный период были подчинены тому, чтобы обеспечить полную победу большевиков в развернувшейся Гражданской войне; во-вторых, страна, в военное время, не имела возможности ни с материальной, ни с организационной точки зрения обеспечить реализацию данной группы прав [4, с. 198].

Вместе с тем в самой Конституции ССРБ от 3 февраля 1919 г., как уже упоминалось, нет практически ничего, что имело бы отношение к экономическим правам человека.

Исключение составляет лишь ст. 10 Конституции, в которой утверждается, что республика «оказывает рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения в организации» [5]. Из прямого толкования данного положения следует, что государство гарантировало определенным группам граждан свободу объединений, в том числе и экономических для коллективной экономической деятельности, а следовательно, свободу выбора организационно-правовых форм такой деятельности.

Вместе с тем данная статья имела декларативный характер, так как провозглашенные ею гарантии не реализовывались не только в отношении «имущего класса», который из смысла ст. 16 и, в совокупности, тек-

ста Конституции вообще лишился каких-либо прав, но и в отношении «рабочего класса». Исключением из данного правила можно назвать период нэпа.

К слову, характеристику о декларативности и отсутствии прямого, непосредственного действия можно дать всему тексту данной конституции. Кроме того, Конституция отменила частную собственность на землю и «весь живой и мертвый инвентарь», утвердила всеобщую национализацию.

Новаторским для своего времени было то, что Конституция обязывала людей трудиться, вводилась всеобщая трудовая повинность. В ст. 12 провозглашено: «ССРБ признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «Не трудящийся да не ест» [5]. Таким образом, труд рассматривался как обязанность всех граждан, а не как право в системе экономических прав человека и гражданина.

Следующий этап развития общественных отношений связан с образованием СССР и принятием Конституций СССР 1924 г. и БССР от 11 апреля 1927 г. соответственно.

В части, касающейся прав человека и гражданина, в том числе и экономических, текст Конституции БССР от 11 апреля 1927 г. практически идентичен тексту Конституции ССРБ от 3 февраля 1919 г. Изменения затронули главным образом саму структуру Основного Закона. Первые два раздела «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», «Общие Положения Конституции БССР» были объединены под названием «Общие положения» [6].

Отсюда следует, что с момента принятия Конституции ССРБ от 3 февраля 1919 г. экономические права человека и гражданина так и не стали конституционными, так как не нашли своего фактического признания в конституционных актах.

К 1936 г. общественные отношения достигли следующего этапа своей эволюции, «крупные политические и экономические достижения Советского государства – ликвидация эксплуататорских классов и частной собственности на средства производства, завершение создания основ социализма требовалось юридически закрепить в конституционных нормах» [7, с. 168]. В связи со сформировавшимися требованиями нового времени на первый план были выдвинуты задачи, направленные на улучшение качества жизни населения, что исходило из самого содержания социализма, как доктрине по искоренению нищеты и уравниванию всех в материальном достатке. Началом этого процесса можно считать принятие новой Конституции СССР 1936 г. и Конституции БССР от 19 февраля 1937 г., в которых нашли отражение главы о правах человека и гражданина «Основные права и обязанности граждан» [8], чего не было ни в одной из предыдущих конституций.

Конституция БССР от 19 февраля 1937 г. во многом копировала положения о правах человека и гражданина, содержащиеся в Конституции СССР 1936 г. К слову, данная закономерность всегда прослеживалась во всех национальных конституциях союзного государства в соответствующие периоды и относилась не только к положениям о правах человека и гражданина, но и к большей части текстов национальных конституций.

Рассматривая положения Конституции БССР от 19 февраля 1937 г., в том числе положения названной главы, с точки зрения содержания экономических прав человека и гражданина наблюдается следующее. В ст. 93 Конституции закреплено право на труд. Интересна сама формулировка, которую нельзя было встретить в западных конституциях. «Право на труд» в той же статье дефинируется как право на получение гарантированной работы с оплатой в соответствии с его количеством и качеством [8]. Иными словами, Конституция в принципе не допускала возможности существования безработицы. Такое определение права на труд коррелирует с положением ст. 12 Конституции, где провозглашено о том, что «труд в БССР является обязанностью» [8], утвержден новый принцип социализма: «от каждого по его способности, каждому – по его труду», который инкорпорируется лозунгом предшествующих конституций: «кто не работает, тот не ест». Из этого следует, что право на труд являлось прежде всего обязанностью трудиться, неисполнение которой вело к определенным ограничениям, а категории «право» и «обязанность» в данном контексте Конституции являются синонимичными, что противоречит их юридической природе.

В ст. 101 Конституции также было закреплено, что государством обеспечивается право на объединения, в том числе, и что важнее для нашего анализа содержания в Конституции экономических прав, право на кооперативные объединения, которые по своей природе являются коллективными объединениями граждан, преследующими экономические цели. Данное положение Конституции имеет две отличительные черты по сравнению с положениями о праве на объединения советских конституций прошлых лет. Так, в ст. 101 Конституции больше не шла речь о гарантированности данного права только определенным группам граждан – «рабочим и крестьянам» или «рабочему классу», правом на объединения наделялись «граждане БССР». Вместе с тем, если учесть, что труд – всеобщая обязанность, то граждане не имели права не быть тем самым «рабочим классом». И с этой точки зрения говорить о существенном отличии положений о праве на объединения сравниваемых конституций не приходится. Второй отличительной особенностью ст. 101 Конституции БССР от 19 февраля 1937 г. являлось то, что она устанавливала конкретную форму коллективной экономической деятельности –

кооперация. Данное положение формально-юридически было признано и закреплено в Конституции, но и как положения о праве на экономические объединения предшествующих конституций не имело под собой достаточную материальную основу, как собственность – необходимое условие для осуществления экономической деятельности.

Иных экономических прав человека и гражданина глава «Основные права и обязанности граждан» Конституции БССР от 19 февраля 1937 г. не содержала. И в целом отношение государства к основным правам человека и гражданина проявлялось в том, что сама глава «Основные права и обязанности граждан» была помещена почти в самый конец текста Конституции.

Вместе с тем, провозглашая социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность (государственной (всенародное достояние) или кооперативно-колхозной) на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком, рассматриваемая Конституция допускала мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда (ст. 9), и гарантирует право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства (ст. 10) [8]. Примечательно, что право на личную собственность было помещено в главу, посвященную общественному устройству государства, а не в главу об основных правах и обязанностях.

Обосновывая справедливость такого положения многие ученые отмечали, что личная собственность производна от социалистической и ее характер определяется ею [9, с. 189]. При этом отмечалось, что источником личной собственности является труд, а само право на личную собственность и ее наследование, будучи конституционным правом гражданина, составляет неотъемлемый элемент основ его правового положения [9, с. 189–190]. Несмотря на такую противоречивость, права, закрепленные в ст. 9 и 10 Конституции, являлись новаторскими для страны Советов того времени и ранее не находили отражения в положениях предшествующих конституций. Полагаем, это заложило юридическую основу для последующего развития теории и практики реализации экономических прав граждан.

Следующий этап развития конституционного закрепления экономических прав человека и гражданина связан с принятием Конституции БССР от 14 апреля 1978 г., дублировавшей положения Конституции СССР 1977 г.

В юридической литературе этого времени в весьма ярких красках описывается все «великолепие» нового этапа конституционности: указывается, что объективный ход социалистического развития привел к изменению фактических общественных отношений, чему должно последовать изменение юридической основы «нового общества». Чудеса социализма сделали невозможным отличить интеллигента не от рабочего, не от крестьянина, поскольку у первого имеется высшее образование, а второй работает на новейшей технике – и не руками, а головой [10, с. 197–190].

Как отмечают ученые-конституционалисты постсоветского периода, Конституция СССР 1977 г. и национальные конституции союзных республик «не только по содержанию, но и по существенным характеристикам носили глубоко противоречивый характер» [11, с. 13]. Это проявлялось в том, что, с одной стороны, в них провозглашалась полнота гражданских, политических, экономических и социальных прав, с другой, объявлялась необходимостью пользование этими правами «в соответствии с целями коммунистического строительства», что по сути аннигилировало широко провозглашенные права человека.

Вместе с тем отличительной особенностью является то, что авторы Конституции БССР от 14 апреля 1978 г. применили видоизмененный подход к закреплению прав человека. Акцент был сделан на расширение материальных гарантий экономических прав человека и гражданина. Они были включены в отдельную главу под названием «Экономическая система» и отчасти (гарантии права на труд) в главу «Социальное развитие и культура», которая, по нашему мнению, с формальной точки зрения отражала обязанности Советского государства по отношению к обществу, которые коррелировали экономическим правам человека и гражданина.

Кроме того, Конституция 1978 г., согласуясь с ранее действующим Основным Законом, провозгласила социалистическую собственность (государственной (общенародной) или кооперативно-колхозной) на средства производства, а также признала социалистической собственностью имущество профсоюзных и иных общественных организаций [12] или, по-другому, объединений граждан.

К слову сказать, право на объединения, закрепленное в ст. 49, по сравнению с положениями Конституции БССР от 19 февраля 1937 г. претерпело существенное изменение: оно потеряло экономический аспект и стало сугубо политическим правом.

В тексте Конституции 1978 г. также не нашли отражения нормы важнейшего международного акта – Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., который был ратифицирован БССР в 1973 г.

Стоит также учитывать, что в этот период стали набирать силу демократические процессы, которые в последующем вынудили законодателя внести изменения и дополнения в текст Конституции БССР от 14 апреля 1978 г. (21 июня 1979 г. и 27 октября 1989 г.).

В качестве краткого обобщения приведем перечень прав, закрепленных как в положениях главы «Экономическая система», так и в положениях отдельной главы Конституции 1978 г. по правам «Основные права, свободы и обязанности граждан Белорусской ССР», которые, как нам представляется, в своей совокупности образуют единую систему экономических прав человека и гражданина. Такими правами, на наш взгляд, являются: право личной собственности на трудовые доходы, предметы обихода, личного потребления, удобства и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения (ст. 13), право наследования личной собственности (также ст. 13), право индивидуальной деятельности, основанной на личном труде граждан и членов их семей (ст. 17), право на труд (ст. 38) [12].

Таким образом, оценивая особенности конституционной регламентации экономических прав и свобод в Основных Законах республики советского периода развития белорусской государственности представляется возможным указать, что в первых Конституциях (1919 и 1927 гг.) экономические права человека и гражданина не упоминались. С принятием каждой Советской Конституции перечень экономических прав человека и гражданина расширялся, приобретая большую гарантированность. Рассматриваемые права по содержанию относились к классовым, а не общечеловеческим правам. Конституционное развитие белорусской республики советского периода характеризовалось игнорированием положений международных документов о правах и свободах человека, в том числе экономических, что проявлялось в незакреплении международно признанного каталога прав и свобод человека, декларативном характере норм Основных Законов.

Список использованных источников

1. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 23 янв. 2018 г., № Р-1120/2018 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Встреча Президента Республики Беларусь с судьями Конституционного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-vstretilsja-s-sudjami-konstitucionnogogoda-8270/. – Дата доступа: 09.01.2019.

3. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкурен-

ции» [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 28 дек. 2017 г., № Р-1117/2017 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. Основин, В.С. Советское государственное право : учеб. для вузов по специальности «Правоведение» / В.С. Основин, Е.И. Козлова, М.Г. Кириченко ; под ред. Е.И. Козловой. – М. : Юрид. лит., 1983. – 495 с.

5. Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссии [Электронный ресурс] : принята Первым Всебелорусским Съездом 3 фев. 1919 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyinae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1919-goda/>. – Дата доступа: 09.01.2019.

6. Конституция Белорусской Социалистической Советской Республики [Электронный ресурс] : принята постановлением Восьмого Всебелорусского Съезда Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов 11 апр. 1927 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyinae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/>. – Дата доступа: 09.01.2019.

7. Мирочник, В.Ш. Этапы развития Советской Конституции / В.Ш. Мирочник. – Тирасполь : Гос. изд. Молд., 1940. – 253 с.

8. Конституция Белорусской Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс] : принята постановлением Чрезвычайного Двенадцатого Съезда Советов Белорусской ССР 19 фев. 1937 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyinae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/>. – Дата доступа: 09.01.2019.

9. Воеводин, Л.Д. Государственное право зарубежных социалистических стран / Л.Д. Воеводин, Д.Л. Златопольский, Н.Я. Куприц. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1984. – 368 с.

10. Кукушкин, Ю.С. Очерк истории Советской Конституции / Ю.С. Кукушкин, О.И. Чистяков. – 2-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1987. – 367 с.

11. Бондарь, Н.С. Конституция России: история и современность / Н.С. Бондарь ; М-во внутр. дел России, Рост. высш. шк. – Ростов н/Д : РВИШ МВД РФ, 1996. – 31 с.

12. Конституция Белорусской Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс] : принята на внеочер. девятой сессии Верхов. Совета БССР девятого созыва 14 апр. 1978 г., офиц. текст : с изм. и доп. от 21 июня 1979 г. и 27 окт. 1989 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyinae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1978-goda-s-izmeneniyami-idopolneniyami/>. – Дата доступа: 09.01.2019.

СПИСОК АВТОРОВ

ВЕНИОСОВ Александр Владимирович – профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ВЕРШОК Ирина Леонидовна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ВИШНЕВСКИЙ Алексей Федорович – профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, доктор исторических наук, профессор.

ВОРОПАЕВ Дмитрий Александрович – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ГРИГОРЬЕВ Александр Владимирович – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ГРИГОРЬЕВА Елена Николаевна – доцент кафедры экономики предпринимательства и права УО «Белорусский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент.

ДАНИЛОВ Виктор Азариевич – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

ДЕГОНСКИЙ Сергей Юрьевич – старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ЖМУРОВСКИЙ Александр Сергеевич – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

КАЛИНИН Сергей Артурович – заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

КАЩЕЕВ Андрей Владимирович – ученый секретарь ученого совета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук.

КОЗЕЛ Александр Александрович – профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат философских наук, доцент.

КРАЛЬКО Алексей Аркадьевич – заведующий Республиканским центром наркологического мониторинга и превентологии ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья», кандидат медицинских наук, доцент.

ЛАПАНОВИЧ Сергей Федорович – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

МУРАШКО Александр Иванович – заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

ПАВЛОВ Вадим Иванович – начальник кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

САЗОН Константин Дмитриевич – доцент кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь.

СЕМЕНОВА Светлана Александровна – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

СКОРОБОГАТЫЙ Александр Витальевич – курсант Академии МВД Республики Беларусь.

СМИРНОВ Андрей Вячеславович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

СОРОКОВИК Иван Александрович – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

СТАБРОВСКИЙ Егор Игоревич – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ЧУМАКОВА Анна Сергеевна – участковый инспектор милиции УВД администрации Советского района г. Минска.

ШАБЕЛЬЦЕВ Сергей Васильевич – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

ШАПОВАЛОВ Артур Васильевич – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМИРОВАНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА СОВЕТСКОЙ ОСНОВЕ

<i>Жмуровский А.С.</i> Становление белорусской государственности на советской основе (1917–1922 гг.)	3
<i>Вениосов А.В.</i> Государственность Беларуси как результат национальной политики России в октябре 1917 г.	6
<i>Лапановіч С.Ф.</i> Адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел Савецкай Беларусі ў 1919–1939 гг.	10
<i>Данилов В.А.</i> Политика геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	16
<i>Козел А.А.</i> Белорусская советская государственность и политический романтизм И. Кончевского (Абдираловича)	20
<i>Калинин С.А.</i> Субъектное измерение формирования белорусской государственности в контексте кризиса моделей постимперской государственности XX в.	25

БЕЛОРУССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА ПОСЛЕ 1917 г. И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

<i>Вишневский А.Ф.</i> Переодизация правосознания в теоретической юридической науке постсоветского периода	31
<i>Саракавік І.А.</i> Уплыў савецкай улады на аднаўленне і развіццё юрыдычнай навукі Беларусі ў 1940–1960-х гг.	35
<i>Григорьев А.В.</i> Советская юридическая наука о теории правового государства	46
<i>Кащеев А.В.</i> Революционная законность в советской правовой мысли 20-х гг. XX в.	50
<i>Воропаев Д.А.</i> Поиск оснований осмысления правовой реальности в трудах советских правоведов в начале XX в. (на примере синтетического подхода к правопониманию А.С. Яценко)	54
<i>Вершок И.Л.</i> Методы исследования советского правового сознания и их потенциал для современной юриспруденции	58
<i>Стабровский Е.И.</i> Формирование взглядов на правосознание в советской юридической науке	63
<i>Шановалов А.В.</i> Определение понятий «юридическая практика» и «юридическая деятельность» в юридической науке советского периода	67
<i>Чумакова А.С.</i> Истоки и эволюция подходов к формированию понятия «правовая культура» в советской юриспруденции	70

СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БССР И ФОРМИРОВАНИЕ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

<i>Мурашко А.И., Павлов В.И.</i> Становление идеологических подразделений в органах внутренних дел БССР	79
<i>Дегонский С.Ю.</i> Формирование правового регулирования прохождения службы в органах внутренних дел в период становления БССР	83
<i>Шабельцев С.В.</i> Административно-правовая деятельность МВД БССР и других государственных органов в сфере обустройства реэмигрантов в 1950-х гг.	89
<i>Скоробогатый А.В., Мурашко А.И.</i> Уголовно-правовые средства борьбы с организованной преступностью в БССР	94
<i>Григорьева Е.Н.</i> Основные тенденции развития фискального законодательства после Октябрьской революции 1917 г.	100
<i>Кралько А.А.</i> Правовое регулирование белорусского здравоохранения в советский период	104
<i>Семенова С.А.</i> Эволюция брачно-семейных отношений в период становления белорусского Советского государства	111
<i>Сазон К.Д.</i> Конституционализация права убежища в советский период развития белорусской государственности	115
<i>Смирнов А.В.</i> О закреплении экономических прав личности в конституциях Белорусской Советской Социалистической Республики	124
Список авторов	132

Научное издание

К 100-ЛЕТИЮ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ БССР

Материалы
республиканской научно-практической конференции
(Минск, 18 января 2019 г.)

Подписано в печать 26.03.2020. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 7.91. Уч.-изд. л. 8.16.
Тираж 50 экз. Заказ 87.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.